

Каждый новый роман Робин Хобб —
это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Судьба Убийцы

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ

Книга 3

РОБИН ХОББ

Робин Хобб
Судьба убийцы
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Мир Элдерлингов»
Серия «Сага о Фитце и Шуте», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62136768

*Судьба убийцы: Азбука, Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-18796-2*

Аннотация

Фитц уверен, что его дочь уже не вернуть, и мечтает лишь о мести. Ему еще только предстоит узнать, что она жива. Даже ее похитители не догадываются, какая судьба ей уготована, но Би никогда не сдастся. Ее везут в Клеррес, обитель Слуг, и туда же стремятся Фитц и его спутники. И когда все пути сойдутся на загадочном Белом острове, тайное станет явным и пророчества сбудутся. Но чем обернется это путешествие для Фитца и Шута?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	34
Глава 3	78
Глава 4	113
Глава 5	136
Глава 6	193
Глава 7	225
Глава 8	262
Глава 9	300
Глава 10	344
Глава 11	376
Конец ознакомительного фрагмента.	377

Робин Хобб

Судьба убийцы

*Фитцу и Шуту – моим лучшим друзьям на
протяжении вот уже двадцати с лишним лет*

Robin Hobb

ASSASSIN'S FATE

Copyright © 2017 by Robin Hobb

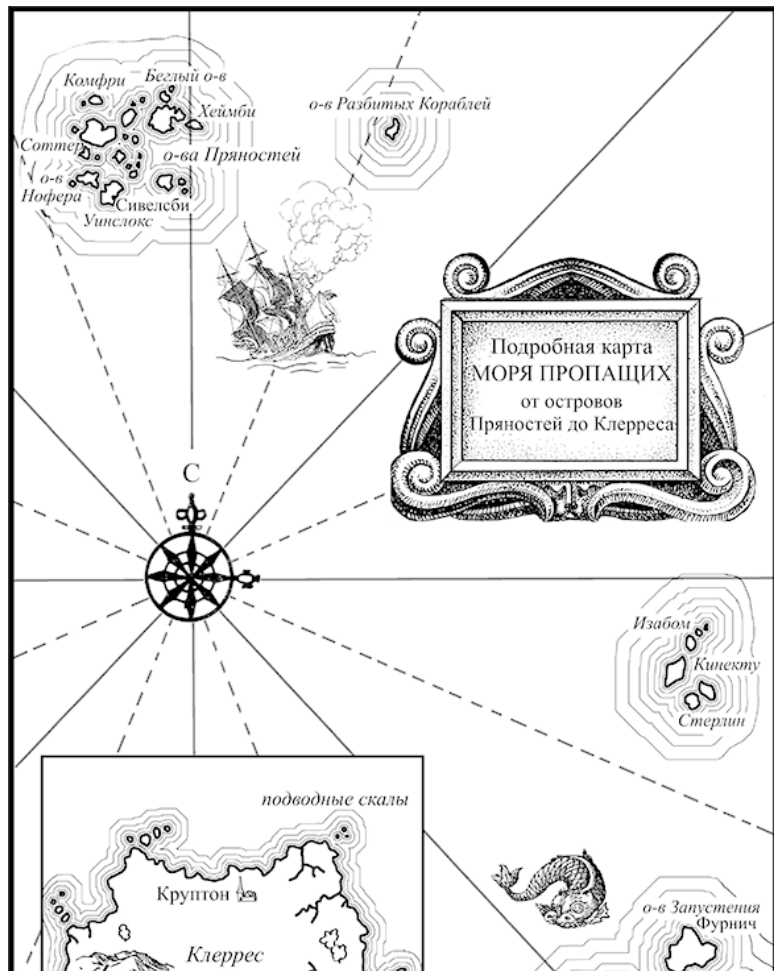
All rights reserved

* * *

© Нат Аллунан, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Дети встали в круг и держатся за руки. В середине круга девочка. Глаза у нее завязаны, но на повязке нарисованы глаза. Глаза черные, с красными веками, и кажется, будто они пристально смотрят. Девочка в середине поворачивается, вытянув руки. Все остальные кружатся в хороводе и поют:

*Кружит, кружит хоровод,
Жизни прорицая ход.
Чтобы круг наш разорвать,
Надо бессердечным стать.*

Они словно играют. Дети в хороводе выкрикивают по несколько слов. Я не слышу их, но девочка слышит. Она начинает выкрикивать в ответ, и постепенно усиливающийся ветер подхватывает ее слова: «Огонь дотла все сожжѐт!», «Гнев драконов грядет!», «Море нахлынет!», «Небо самоцветами вспыхнет!», «Один на двоих разомкнется!», «Четверым плохо придется!», «Двое в одном придут!», «Царство ваше снесут!», «Всеми жизнями заплатит!», «Никому не жить!».

На последнем выкрике от девочки во все стороны летит сокрушительный порыв ветра, и она сама разлетается клочьями, ветер подхватывает и расвыривает далеко-далеко детей из круга. Все поглощает черная тьма, остается лишь белый круг.

*И посреди него лежит повязка. Глаза на ней смотрят,
смотрят...*

Дневник сновидений Би Видящей

Глава 1

Укус пчелы

Карта в пещере Аслевджала охватывает почти все земли Шести Герцогств, часть Горного Королевства, значительную территорию Калсиды и земли по обоим берегам реки Дождевых чащоб. Я предполагаю, что границы таких карт означают пределы, до которых простирались владения Элдерлингов в древние времена, когда создавались эти карты. У меня не было возможности лично изучить карту в городе Элдерлингов, ныне известном как Кельсингра, но я думаю, что и на ней изображено более или менее то же самое.

На карте, найденной на Аслевджале, обозначены места в Шести Герцогствах, где, как нам известно, находятся каменные столпы-монолиты. Я считаю, можно смело заключить, что подобные отметки на территории Горного Королевства, Дождевых чащоб и даже Калсиды также означают каменные столпы, являющиеся порталами Силы. Мы не знаем, в каком состоянии пребывают монолиты за пределами наших земель, и некоторые маги Силы предостерегают нас от попыток испытать их до тех пор, пока мы не доберемся до них обычным образом и не убедимся, что камни сохранились в целости. Что же касается

порталов, расположенных в Шести Герцогствах и Горном Королевстве, то представляется разумным не только послать обученных Силе гонцов к каждому из них, но и потребовать от герцогов удостовериться, что камни стоят ровно. Гонцы должны также составить описание рун на каждой грани монолита и их состояния.

Мы обнаружили несколько столпов, не обозначенных на аслевджалльской карте. Неизвестно, были ли они возведены уже после ее составления, или же эти камни больше не работают. Нам следует и впредь относиться к ним с осторожностью, как мы в настоящее время соблюдаем осторожность при обращении с какой бы то ни было магией Элдерлингов. Нельзя считать, будто мы достигли мастерства и понимания в этом, до тех пор, пока мы не сумеем повторить их удивительные изделия.

Чейд Фаллстар, «Порталы Силы»

Я бежала. Подхватила подол белой шубы и бежала. Я вся взмокла, а шуба цеплялась за каждую ветку. За спиной у меня Двалия кричала: «Ловите ее! Ловите ее!» Мычал калсидиец. Он носился вокруг как бешеный, один раз я чуть не налетела на него.

Мысли были проворнее ног. Я вспомнила, как меня схватили и затащили в столп Силы. И как укусила калсидийца в надежде, что это заставит его отпустить Шун. Что и произошло, но он продолжал цепляться за мою руку и шагнул вслед за нами в камень. Ни Шун, ни той Слуги, что замыкала

цепочку, нигде не было видно. Возможно, они остались по ту сторону. Может, Шун еще удастся скрыться от белой де-вушки... Или она уже улизнула? Я вспомнила, что, когда мы бежали в камень, нас терзал холод. В Бакке была зима. Но теперь мы очутились в другом месте, и здесь я не ощущала мороза, лишь легкую прохладу. От снега тут остались лишь грязно-серые пятна, пальцами протянувшиеся в тени дере-вьев. В лесу пахло ранней весной, но почки еще не раскры-лись. Как можно перенестись из зимы в одном краю в весну в другом? Что-то тут не так, что-то очень неправильно. Но мне было некогда размышлять об этом. Была забота поваж-нее: как спрятаться в безлистном лесу? Мои преследователи быстрее. Надо спрятаться.

Проклятая шуба! Я не могла остановиться и скинуть ее через голову: руки казались неуклюжими, словно плавники. А в огромной белой шубе как скроешься? И я бежала, зная, что меня догонят, но боясь остановиться и сдать на ми-лость врагов.

Найди место, чтобы принять бой. Такое, чтобы они не смогли загнать тебя в угол, но и такое, чтобы не смогли окружить. Найди оружие: палку, камень, что угодно. Если не сможешь сбежать, заставь их дорого заплатить за то, что они схватят тебя. Сражайся до конца.

Да, Волк-Отец. Я произнесла его имя про себя, чтобы оно придало мне отваги.

«Я – дитя волка», – напомнила я себе, пусть мои клыки и

когти пока еще маленькие и жалкие. И буду драться.

Но меня терзала усталость. Как драться, когда нет сил?

Я никак не могла взять в толк, что со мной произошло во время перехода сквозь камень. Откуда такая слабость и измотанность? Хотелось упасть на месте и не шевелиться. Я мечтала провалиться в сон, и лишь страх не давал мне поддаться искушению. Враги что-то кричали, окликали друг друга, показывали на меня. Хватит бежать, пора дать бой. Нашлось подходящее место. Три дерева росли так близко друг от друга, что я могла протиснуться между ними, а моим преследователям было бы трудно последовать за мной. Судя по звукам, через кусты за мной ломались по меньшей мере трое. Сколько их вообще осталось? Я постаралась успокоиться и подумать. Двалия – главная среди них. Женщина, которая так сладко улыбалась, похищая меня из дому. И еще Виндлайер, то ли взрослый, то ли мальчик, который умеет заставлять людей забыть о том, что они видели и слышали. Он тоже был с нами. Керф – калсидийский наемник. Его разум так повредился, когда мы шли сквозь камни, что он либо не представляет опасности ни для кого, либо может убить любого. Кто еще? Алария. Она беспрекословно выполнит все, что прикажет Двалия. И Реппин, которая так злобно сдавила мне ладонь, когда мы шли в камень. Теперь у Двалии гораздо меньше подручных, чем в начале, но все равно их пятеро, а я одна.

Присев на корточки за одним из деревьев, я высвободила

руки из рукавов тяжелого мехового балахона и наконец-то сумела, извиваясь, стащить его через голову. Постаралась забросить шубу как можно дальше, но получилось не слишком-то далеко. Бежать дальше? Нет, не смогу. Живот скрутило от боли, в боку колет. Я пробежала столько, сколько смогла.

Оружие... Нет ничего подходящего. Только упавшая ветка. Не толще моего запястья с одной стороны, а с другой расходится на три веточки. Жалкое оружие. Не столько дубинка, сколько грабли. Я вжалась спиной в ствол дерева, надеясь вопреки всему, что преследователи, увидев шубу, пробегут мимо, а я сумею вернуться по своим следам и найти укрытие получше.

Они приближались. Двалаия, пыхтя, кричала мне:

– Я знаю, ты напугана! Но не нужно убегать. Без нас тебе придется голодать. Без нас ты погибнешь. Тебя сожрет медведь. Мы нужны тебе, если хочешь жить. Вернись, Би. Никто не будет тебя ругать.

Тут она напустилась на остальных, и стало ясно, что это была ложь:

– Ох, да где же она? Алария, вставай, дурища! Всем нам плохо, но без нее нам назад дороги нет!

И она снова стала кричать мне, уже не сдерживаясь:

– Би! Хватит глупостей! Вернись сейчас же! Виндлайер, пошевеливайся! Всем плохо, но если я могу бежать, то и ты можешь. Найди ее, затумань!

И, стоя за деревом, стараясь вопреки ужасу дышать как можно тише, я ощутила, как Виндлайер потянулся ко мне. Я изо всех сил укрепила стены, как учил отец. Стиснула зубы и больно прикусила губу, чтобы не подпустить Виндлайера. Он старался навеять мне воспоминания о вкусной еде. О горячем супе и запахе свежего хлеба. Обо всем, чего мне так хотелось. Но стоит поддаться – и он сможет найти путь в мой разум. Нет.

Сырое мясо. Мясо, промерзшее до костей, которое приходится рвать коренными зубами. Мыши в пушистых шкурках, их хрустящие черепа. Волчья еда.

Волчья еда. Удивительно, до чего соблазнительной показалась мне эта мысль. Я ждала, стискивая двумя руками свою палку. Что лучше – продолжать прятаться, в надежде, что они пробегут мимо, или выскочить и нанести первый удар?

Выбирать не пришлось. Я увидела, как Алария проковыляла мимо, за несколько деревьев от моего укрытия. Остановилась, тупо уставившись на сброшенную шубу, а потом, оборачиваясь к остальным, заметила меня:

– Она здесь! Я нашла ее! – и указала на меня трясущейся рукой.

Я расставила ноги на ширину плеч, словно собиралась поучиться с отцом драке на ножах, и стала ждать. Алария уставилась на меня и вдруг осела на снег; ее белая шуба неопрятной грудой легла вокруг. Подняться Алария не пыталась.

– Я нашла ее... – повторила она слабым голосом и бес-

сильно махнула рукой в мою сторону.

Я услышала шаги слева.

– Берегись! – крикнула Алария, но слишком поздно.

Размахнувшись веткой изо всех сил, я нанесла удар – он пришелся Двалии по лицу – и отскочила обратно вправо, спрятавшись между деревьями. Прижавшись спиной к стволу, я снова встала в стойку, держа ветку наготове. Двалия кричала, но я не стала поворачиваться и смотреть, что с ней. Если повезло, я выбила ей глаз. А прямо ко мне тяжело ковылял Виндлайер, сияя идиотской улыбкой:

– Брат! Вот ты где! Теперь все будет хорошо, не надо бояться. Мы нашли тебя.

– Не подходи, а то не поздоровится! – пригрозила я.

Мне не хотелось делать ему больно. Виндлайер – орудие в руках моих врагов, но сам по себе вряд ли таит на кого-то зло. Хотя таит он или не таит, но не станет колебаться, прежде чем сделать больно мне.

– Бра-атик...

В его словах звучал упрек, но мягкий. Ясно, что Виндлайер пытается окутать меня ощущением нежности и заботы. Дружеского тепла и утешения.

Нет! Ничего такого он на самом деле не питал ко мне.

– Не подходи! – велела я.

Мимо с завываниями проскакал калсидиец и, случайно или намеренно, налетел прямо на коротышку Виндлайера. Тот попытался увернуться, но споткнулся и с жалобным кри-

ком упал ничком. И как раз в этот миг Двалия обошла мои три дерева и двинулась на меня. Она выставила вперед пальцы, как когти, оскалила окровавленные зубы, словно собиралась вцепиться в меня. Держа ветку двумя руками, я ударила ее изо всех сил, мечтая снести ей голову с плеч. Но ветка сломалась, и острый обломок проехался по ее раскрасневшемуся лицу, оставляя на нем алый след. Двалия бросилась на меня, ее ногти вонзились мне в кожу сквозь изношенную одежду. Я вырвалась из ее хватки, оставив в когтях один рукав рубахи, и протиснулась между стволами.

По другую сторону купы деревьев меня уже ждала Реппин. Ненависть в ее глазах сменилась тупым ликованием, когда она ринулась на меня. Я увернулась, и она врезалась лицом в ствол. Реппин ушиблась, но оказалась проворнее, чем я думала, – сумела подставить мне подножку. Я подпрыгнула, чтобы избежать ловушки, но споткнулась о кочку. Алария поднялась на ноги. Ее отчаянно качало, но она рухнула на меня и прижала к земле. А пока я пыталась выбраться из-под нее, кто-то с силой наступил мне на лодыжку. Я закричала, а потом и закричала от боли, – казалось, кости гнутся и вот-вот хрустнут. Мне удалось столкнуть с себя Аларию, но тут Реппин, по-прежнему стоя на моей лодыжке, с силой пнула меня в бок.

Удар выбил из меня воздух. Ненавистные слезы наполнили глаза. Я заметалась было, потом свернулась вокруг ног Реппин, стараясь заставить ее сойти с моей лодыжки. Тогда

она схватила мои волосы и стала бешено дергать. От боли перед глазами поплыло.

– Отлупи ее, – раздался голос Двалии, и такой силы чувство звучало в нем, что я обмерла. Что это было: боль? злость? – Этим.

Не стоило мне смотреть вверх. Первый удар Реппин моей же сломанной палкой пришелся мне по щеке, по челюсти и уху. В ушах зазвенело от силы этого удара и собственного крика. Меня охватило потрясение, злость и обида, а от боли я вообще ничего не могла. Я шарахнулась прочь, но Реппин по-прежнему крепко держала меня за волосы. Пока пыталась вывернуться, новый удар обрушился мне на лопатки. На моих костях было не слишком много мяса, а тонкая рубаша и вовсе не могла защитить, и вслед за болью от удара лопнувшую кожу как огнем обожгло. Я отчаянно завопила и вцепилась Реппин в запястье, чтобы заставить ее отпустить волосы. В ответ она сильнее наступила мне на ногу, и только толстая подстилка лесной почвы уберегла меня от перелома. Я закричала и попыталась столкнуть ее.

Новый удар обрушился мне на спину, и я вдруг поняла, как соединяются ребра и позвоночник и где вдоль него проходят жгутики мышц, потому что все они застонали от боли.

Все произошло очень быстро, однако каждый удар стал отдельным событием в моей жизни, навсегда запечатлевшись в памяти. Отец никогда не бил меня, а мать в тех редких случаях, когда ей приходилось призывать меня к поряд-

ку, могла лишь отвесить легкую затрещину. И она всегда делала это, чтобы уберечь меня от опасности, чтобы мне не вздумалось трогать горячий каминный экран или тянуться к кастрюле на плите, которая тогда была выше моей головы. Мне очень редко доводилось драться с детьми в Ивовом Лесу. Они бросали в меня шишки и мелкие камешки, и только раз случилась потасовка, после которой у меня пошла кровь. Но взрослые меня не били никогда. Не бывало такого, чтобы женщина держала меня самым болезненным образом и старалась причинить как можно больше страданий, не заботясь о том, насколько серьезно она меня ранит. Я внезапно поняла, что, если Реппин выбьет мне зуб или глаз, никому, кроме меня, не будет никакого дела.

Перестань бояться. Перестань чувствовать боль. Сражайся.

Откуда-то возник Волк-Отец, он скалил зубы, и каждый волосок у него на загривке стоял дыбом.

Не могу! Реппин убьет меня!

Сделай ей больно. Кусайся, царапайся, пинай ее. Заставь ее заплатить за твою боль. Она все равно будет бить тебя, так постарайся содрать с нее столько, сколько сможешь. Попробуй убить ее.

Но...

Дерись!

Я перестала пытаться высвободить голову. Вместо этого, когда палка вновь ударила меня по спине, я рванулась к Реп-

пин, схватила запястье руки, в которой она держала оружие, открыла рот как можно шире и вцепилась в него зубами. Не для того, чтобы сделать больно или оставить отметины. Для того, чтобы прокусить до кости и вырвать побольше мяса и жил. Реппин заорала и замахала на меня палкой, а я замотала головой, отдирая свой кусок мяса. Она отпустила мои волосы, выронила палку и попятилась, но я держалась за запястье, пинала ее по голням и коленям. Повисла на ней всем весом и постаралась сомкнуть коренные зубы.

Реппин вопила и металась. Она больше не пыталась меня ударить, думая только о том, как высвободиться. Реппин была девушка некрупная, а я набрала полный рот ее дряблых мышц.

Моя жертва вопила:

– Уберите ее от меня! Уберите ее от меня!

Реппин уперлась ладонью мне в лоб, отталкивая, но вышло, что только помогала мне сдирать мясо с ее костей. Она закричала снова. Я сжимала зубы и руки сильнее и сильнее. Она рухнула на землю, но я не ослабила хватки.

Берегись! предупредил Волк-Отец. *В сторону!*

Но я была всего лишь волчонком и не видела опасности – только корчащегося подо мной врага. И вдруг Двалия пнула меня так сильно, что челюсти мои разжались. Меня отшвырнуло от Реппин на влажную землю. Дух вышибло, я могла только перекатываться, не в силах встать и убежать. Двалия пинала меня снова и снова. В живот, по спине. Ее башмак

полетел мне в лицо...

* * *

Когда я очнулась, было темно. И холодно. Они как-то сумели развести огонь, но его свет почти не доставал до меня. Мое тело лежало спиной к костру, руки и ноги были связаны. Во рту солоно от крови, и загустевшей, и свежей. Я обмочилась, лежать в мокрых штанах было еще холоднее. Случилось ли это от побоев или от страха? Я не помнила. Очнувшись, поняла, что плачу. Все болело. Лицо с одной стороны – там, где Реппин ударила меня палкой, – распухло. Возможно, оно было в крови, потому что прошлогодние листья прилипли к коже. Спина болела, ребра мучительно отзывались при каждом вздохе.

Можешь пошевелить пальцами? Чувствуешь пальцы ног?

Я чувствовала.

Как болит живот – как большой синяк или как что-то сломанное?

Не знаю. Мне никогда еще не было так больно.

Я втянула побольше воздуха, и вместе с выдохом у меня вырвался всхлип.

Тихо. Ни звука, иначе они поймут, что ты очнулась. Можешь поднести руки ко рту?

У меня были обмотаны чем-то щиколотки, запястья связаны спереди. Я поднесла руки к лицу. Оказалось, меня свя-

зали обрывками моей же рубашки. Вот еще почему мне так холодно. Пусть днем в этот лес уже заглядывает весна, ночью еще властвует зима.

Перегрызи пути.

Не могу.

Мои губы распухли и кровоточили, зубы шатались и отзывались болью на прикосновение языка.

Можешь. Потому что должна. Перегрызи пути на руках, развяжи ноги, и мы уйдем. Я покажу тебе, куда идти. Тут есть кое-кто неподалеку. Если сумеешь пробудить его, он нам поможет. Если нет, я научу тебя охотиться. Когда-то мы с твоим отцом жили в этих горах. Возможно, логово, которое он построил, еще цело. Туда и пойдём.

Я не знала, что мы в горах! Ты жил тут с моим отцом? Да. Я бывал тут раньше. А теперь хватит. Жуй давай.

Наклонить голову, чтобы дотянуться до связанных рук, было больно. Перетирать ткань зубами было больно. Когда-то я надела эту красивую рубашку, чтобы идти на урок к писарю Ланту. Одна из наших горничных, Кэшн, помогла мне одеться. Она выбрала эту светло-желтую рубашку, а сверху натянула на меня зеленую тунику. «Цвета нашего дома», – вдруг поняла я. Кэшн нарядила меня в цвета Ивового Леса, хотя туника была мне велика и доходила почти до колен, как платье. В тот день на мне были рейтузы, а не подбитые ватой штаны, которые дали мне похитители. Мокрые штаны. У меня снова вырвался вскрик. Я не сумела сдер-

жаться, и он прозвучал вслух.

– ...Очнулась? – спросил кто-то у костра.

– Не трогайте, пусть лежит, как лежит, – хрипло велела Двалия.

– Но моему братику больно, – жалобно и глухо заныл Виндлайер.

– Твоему братику! – Голос Двалии был полон яда. – Только такой беспольный дурень, как ты, мог спутать Нежданного Сына с ублюдком какого-то Белого. Сколько золота мы потратили, сколько небелов я потеряла, а все, что мы сможем предъявить, – эта девчонка. Вы с ней оба тупицы невежественные. Ты решил, что она мальчик, а она вообще не знает, кто она. Она даже не умеет писать и не обращает внимания на сны. – И тут она добавила со странным злорадством: – Но я знаю, что она особенная. – И сразу самодовольство исчезло, сменившись насмешкой. – Можете мне не верить. Мне плевать. Но я бы на вашем месте надеялась, что в ней что-то есть, потому что, кроме нее, у нас нет ничего, чтобы заслужить милость Четырех. – Понизив голос, она пробормотала: – Как же обрадуется Колтри, узнав, что у меня ничего не вышло... А эта старая сучка Капра решит, что ей теперь и вовсе все позволено.

Алария очень осторожно спросила:

– Но если она – все, что у нас есть, может быть, стоит постараться доставить ее в целости?

– Вот если бы ты поймала ее, вместо того чтобы рухнуть

мешком, возможно, ничего бы с ней не приключилось!

– Вы слышите? – вдруг спросила Реппин испуганным шепотом. – Кто-то засмеялся. А теперь... свирели играют! Слышите?

– Ты умом повредила, а все из-за того, что малявка тебя укусила. Держи свои глупости при себе.

– У меня кость проглядывает! Рука вся опухла. И боль толчками, будто барабан бьет.

Никто ничего не ответил, и в тишине я услышала, как трещит огонь.

Замри, велел Волк-Отец. Постарайся подслушать как можно больше. И с ноткой гордости добавил: Вот видишь, даже своими коровьими зубами ты смогла-таки научить ее бояться тебя. Даже старая сука теперь осторожничает. Но тебе нужно добиться большего. Оставь все мысли, кроме трех: «Я убегу. Я заставлю их бояться меня. И если представится случай, я их убью».

Они и так побили меня за то, что я попыталась бежать! Что они сделают со мной, если я убью кого-то из них?

Они тебя все равно побьют, если только ты не сбежишь. Но ты ведь слышала, ты им нужна. Поэтому, наверное, они тебя не убьют.

Наверное? – Меня окатило волной ужаса. Я хочу жить. Лучше уж остаться в плену, но живой.

Тебе так кажется, но, поверь мне, ты ошибаешься. Смерть куда лучше, чем жизнь в плену, которую они угото-

вили тебе. Я был пленником, игрушкой бессердечных людей. Я заставил их бояться меня. И тогда они попытались прогнать меня. А твой отец смог купить мне свободу.

Этой истории я никогда не слышала.

Она мрачная и грустная.

Мысли летят быстро. Пока бледные молчали, мы с Волком-Отцом многое успели сказать друг другу. Вдруг из темноты раздался крик. Я испугалась и стала грызть путы быстрее. Хотя что-то незаметно, чтобы от этого был толк. Снова раздались исковерканные слова, и я поняла, что говорят на калсидийском. Должно быть, это Керф, наемник, которого Виндлайер своей магией заставил служить Двалии. Интересно, вернулся ли к нему разум после путешествия сквозь камни? И опухла ли его рука там, где я ее укусила? Стараясь двигаться как можно тише, я переместилась, чтобы посмотреть. Керф указывал на одну из древних колонн на краю поляны.

– Видите? – завопила Реппин. – Я не спятила! Керф тоже ее видит! Там на колонне сидит белый призрак! Разве вы не видите? Да она же Белая, правда? Только одета странно и поет что-то насмешливое.

– Я ничего не вижу, – зло отрезала Двалия.

Тогда в разговор робко вступил Виндлайер:

– А я вижу. Тут ходит эхо людей, которые бывали в этом месте в стародавние времена. У них здесь было торжище. А теперь дело к вечеру, и Белая певица смешит их.

– Я слышу... что-то, – неохотно подтвердила Реппин. – И когда я шла сквозь камень, какие-то люди говорили со мной. Они рассказывали жуткие вещи. – Она тихонько охнула. – А когда я спала сегодня днем, мне приснился сон. Очень яркий сон, из тех, о каких надо рассказывать. Мы потеряли наши дневники сновидений, когда бежали от калсидийцев. Я не могу записать свой сон, поэтому должна рассказать.

Двалия презрительно фыркнула:

– Можно подумать, от твоих снов когда-то был толк. Ладно, выкладывай.

Реппин заговорила быстро, слова так и хлынули из нее:

– Мне снился орех, который несла река. Кто-то выловил орех из реки. Орех положили на землю и стали бить по нему. Его били и били, чтобы расколоть, но орех только становился крепче. А потом кто-то расколел его. Пламя и тьма, запах тления и крики вырвались из него. И пламя сложилось в слова: «Грядет Разрушитель, вами созданный!» Страшный ветер налетел на Клеррес, подхватил нас и разбросал в разные стороны.

– Грядет Разрушитель! – громко и радостно повторил Керф из темноты.

– Молчать! – прикрикнула на него Двалия, и он рассмеялся. – И ты, Реппин, тоже помолчи. Этот сон не из тех, что стоило рассказывать. Это просто горячка помутила твой разум. Вы прямо как трусливые детишки: придумываете себе тени и призраков у себя в головах. Алария и Реппин, идите

принесите дров. Наберите побольше, чтобы хватило на всю ночь, а потом проверьте мелкую бестию. И чтоб я больше ни слова этой чепухи не слышала.

Алария и Реппин тяжело побрели в лес. Мне показалось, что они идут неохотно, словно темнота пугает их. А Керф будто не видел эту парочку, он вскинул руки и неуклюже пустился в пляс вокруг колонны. Не забывая о магии Виндлайера, я осторожно приспустила стены. До меня донеслись тихие, как жужжание пчел, голоса, и я увидела Элдерлингов в ярких нарядах. Их глаза искрились, а волосы блестели, как полированное серебро и золотые кольца. Повсюду вокруг калсидийца Элдерлинги танцевали под напев Белой девушки, сидящей на колонне.

Двалия сердито уставилась на веселящегося Керфа.

– Почему ты не можешь держать его в узде? – строго спросила она Виндлайера.

Тот беспомощно развел руками:

– Здесь он слышит других. Их голоса сильны, их много. Они смеются, поют и празднуют.

– Я ничего не слышу! – сказала Двалия зло, но в голосе ее слышался страх. – Никакого с тебя проку. Не мог управлять этой малявкой, а теперь и чокнутым не можешь. А какие надежды я на тебя возлагала! Когда я выбрала тебя, когда даровала тебе то зелье... Только напрасно его на тебя потратила. Правы были остальные. Ты не видишь снов, и вообще ничего не видишь. Ты бесполезен.

Меня коснулся холодок внимания Виндлайера, словно сквозняком потянуло. Его горе захлестнуло меня, как волна. Я накрепко запечатала свои стены и запретила себе думать о том, что он беспокоится обо мне даже в минуты, когда ему горько. «Он слишком боится Двалии, – с яростью подумала я, – чтобы предложить мне помощь или утешение». Что толку в друге, который не готов рисковать ради тебя?

Он такой же твой враг, как и все остальные. Если выпадет случай, убей его, как убила бы любого другого. Если любой из них сунется к тебе – кусайся, лягайся и царапайся, как только можешь.

У меня все болит. Сил нет. Если попытаюсь защищаться, они поколотят меня.

Если ты сумеешь сделать им хоть немного больно, они поймут, что всякий, кто тронет тебя, заплатится. И может быть, кто-то не захочет платить.

Сомневаюсь, что смогу укунить или убить Виндлайера. Двалию я могла бы убить. Но остальных...

Они – ее оружие, ее зубы и когти. Ты сейчас не в том положении, чтобы быть милосердной. Продолжай грызть путь. А я расскажу тебе, как был в плену. Как меня били и держали в клетке. Заставляли драться с собаками или кабанам, которые не знали жалости, как и я. Меня морили голодом. Открой мне свой разум, и я расскажу тебе, как меня поработили и как мы с твоим отцом вырвались каждый из своего плена. Тогда ты поймешь, почему должна убить,

если представится возможность.

И он повел рассказ, точнее, стал вспоминать и позволил мне разделить с ним это воспоминание. Это было похоже на то, как просто оживляешь события в памяти, только в мельчайших подробностях. Он не стал скрывать от меня память о том, как убили родителей, как его самого избивали, морили голодом, держали в холодной клетке. Не стал скрывать то, как сильно ненавидел своих захватчиков и как поначалу ненавидел моего отца, даже после того, как тот освободил его. Ненависть вошла у него тогда в привычку, она кормила его и поддерживала в нем жизнь, когда больше ничего не оставалось.

Я не перегрызла скрученный из полотна жгут и до середины, когда Двалия послала Аларию отвести меня к костру. Прикидывалась мертвой, пока девушка не склонилась надо мной:

– Би?

Я рванулась и укусила. Схватила зубами ее руку, но лишь на миг: мне трудно было как следует сжимать ее разбитым ртом, и Алария быстро вырвалась и отскочила.

– Она меня укусила! – крикнула девушка остальным. – Эта мелкая гадина укусила меня!

– Пни ее, – велела Двалия.

И Алария занесла ногу, но только сделала вид, будто бьет меня. Волк-Отец был прав: подходить близко она боялась. Я откатилась от нее и, хотя все тело отчаянно возражало, су-

мела сесть. Свирепо уставившись на Аларию единственным здоровым глазом, растянула разбитые губы и оскалилась. Не знаю, много ли она разглядела в неверном свете костра, но подходить не стала.

– Она очнулась, – сообщила Алария, как будто я могла укусить ее, не приходя в себя.

– Тащи ее сюда.

– Она кусается!

Двалия встала. Двигалась она скованно. Я замерла, приготовившись уклониться от ее пинка или, если получится, вцепиться зубами. К моей радости, оказалось, что у Двалии под обоими глазами красуются синяки, а щека ободрана до мяса.

– Слушай, ты, маленькая дрянь! – рявкнула она на меня. – Мы не будем тебя бить, но только если ты станешь меня слушаться. Поняла?

Она торгуется. Значит, боится тебя.

Я молча уставилась на нее, не позволяя никаким чувствам отразиться у меня на лице. Она потянулась, чтобы схватить меня за грудки. Я оскалила зубы, и этого хватило, чтобы Двалия отдернула руку.

Заговорила так, будто я согласилась ее слушаться:

– Сейчас Алария освободит тебе ноги. Мы отведем тебя к огню. Попытаешься сбежать – клянусь, я тебя калекой сделаю. – Дождаться ответа она не стала. – Алария, перережь ей путы на ногах.

Я вытянула ноги в сторону девицы. У Аларии был очень хороший поясной нож. Интересно, получится ли у меня присвоить его? Она пилила и пилила ткань, стягивающую мне ноги. Это оказалось куда больнее, чем я думала. Когда она наконец одолела путы, я сбросила их и почувствовала противную горячую щекотку, когда к стопам стала возвращаться кровь. Может, Двалия хочет, чтобы я дала ей повод избить меня, если попытаюсь сбежать?

Пока рано. Копи силы. Притворись слабее, чем ты есть.

– Вставай и топай! – велела мне Двалия.

И решительно пошла прочь от меня, словно чтобы показать, что уверена в моей покорности.

Пусть думает, что я сдаюсь. Еще найдется способ сбежать от нее. Но волк прав. Пока рано. Я встала, но очень медленно – и пошатнулась. Попыталась выпрямиться, хотя в животе колело так, будто он был полон ножей. От пинков Двалии что-то у меня внутри сильно повредилось. Сколько времени понадобится, чтобы это зажило?

Виндлайер опасно подошел к нам.

– Ох, братик! – промычал он уныло, увидев мое разбитое лицо.

Я зыркнула на него, и Виндлайер отвел глаза. Стараясь держаться гордо и независимо, хотя едва могла идти от боли, я побрела к костру.

Мне впервые представилась возможность осмотреться и понять, где я очутилась. Камень привел нас на поляну посре-

ди леса. Из-под деревьев протянулись длинные полосы снега, будто пальцы, но по непонятной причине они не касались площадки у камня и двух отходящих от нее дорог, вдоль которых буйно разрослись деревья; их ветви сходились пологом, а кое-где и сплетались над дорогами. Однако на самих тропах было на удивление мало снега и лесного мусора. Неужели никто не замечает, как это странно? Ели с низкими раскидистыми ветвями окружали поляну, где Двалия и ее подручные развели костер. Нет. Не поляну. Волоча ноги, я брела по обтесанным камням, которыми была вымощена площадка. Ее частично обрамляла низкая каменная ограда с несколькими столбиками. На земле что-то валялось. Похоже на перчатку, которая пролежала часть зимы под снегом. А вон – обрывок кожаного ремня, возможно ляпка от заплечного мешка. И шерстяная шапка.

Невзирая на колотье во всем теле, я медленно наклонилась и подобрала находку, притворившись, что меня скрючило от боли в животе. Рассевшись у огня, мои враги делали вид, будто не смотрят на меня, – как кошки в засаде у мышиной норы. Шапка оказалась сырая, но даже отсыревшая шерсть немного греет. Попытка отряхнуть с нее иголки не удалась: руки слишком болели. Интересно, подобрал ли кто-нибудь мою шубу? Стоило мне встать и начать двигаться, как ночной холод разбередил каждый ушиб. Была еще только ранняя весна, и мороз ледяными пальцами забирался под рубашку там, где ее порвали, чтобы связать меня.

Забудь. Не думай о холоде. Используй другие чувства.

За пределами круга колеблющегося света от костра почти ничего не было видно. Я потянула носом. От земли поднимался насыщенный запахами пар. Я учуяла запах темной почвы и сухих еловых иголок. И жимолости.

Жимолость? В это время года?

Выдохни через рот и, пока воздух во рту, прогони его через нос, посоветовал Волк-Отец.

Я так и сделала. И медленно, потому что шея совсем задеревенела, повернула голову туда, откуда исходил запах. Вот она. Бледная, тонкая палочка, наполовину укрытая обрывком ткани. При попытке наклониться колени подогнулись, и я чуть не упала лицом вниз. Связанными руками осторожно подобрала свечу. Та была сломана, две половинки удерживал вместе только фитиль, но я узнала ее. Поднесла к лицу и вдохнула аромат. Мамина работа...

– Откуда это здесь? – тихо спросила я у темноты.

Кусок ткани и лежавшая неподалеку женская перчатка, мокрая и заплесневелая, не были мне знакомы. Могла ли я ошибаться? Могли ли другие руки собрать воск и напоить его ароматом бутонов жимолости? Мог ли кто-то другой терпеливо обмакивать фитиль в горшочек с воском, чтобы создать этот элегантный конус? Нет. Это мамина работа. Может быть, я даже помогала ей делать эту свечу. Но как она тут очутилась?

Твой отец был здесь.

Разве это возможно?

Любой другой ответ из тех, что приходят мне на ум, еще невозможнее.

Сложив свечу вдвое, я спрятала ее за пазуху. Воск охлаждал кожу. Мое! Послышалось шарканье Виндлайера, он шел в мою сторону. Краем глаза мне было видно, как Двалия протягивает руки к огню, чтобы согреть их. Моя шуба была у Реппин. Она сложила ее в несколько раз и сидела на ней, как на подушке, рядом с Аларией. Поймав мой взгляд, Реппин злобно ухмыльнулась. Я взглянула на ее руку, потом снова посмотрела в глаза и улыбнулась ей. Кисть, торчавшая из рукава, вся раздулась, пальцы были как сосиски. Между ними и вокруг костяшек кожа налилась темной кровью. Неужели у Реппин не хватило ума промыть рану?

Я медленно подошла и села там, где в кругу между ними оставалось больше всего места. Двалия встала у меня за спиной. Нельзя было оборачиваться.

– Сегодня ты еды не получишь. Не думай, что сможешь сбежать. Ничего у тебя не выйдет. Алария, ты будешь сторожить первой. Потом разбуди Реппин, чтобы сменила тебя. Не дайте Би сбежать, а то поплатитесь.

И она отошла туда, где лежала их поклажа. Вещей было немного. Белые бежали от людей Эллика с тем, что успели прихватить. Двалия сделала себе нечто вроде подушки под спину из свертков и откинулась на нее, не заботясь о том, как будут обходиться остальные. Реппин украдкой огляде-

лась, потом расправила мою шубу на земле, легла на нее и завернулась. Виндлайер уставился на них и просто лег на землю, как собака. Сунул руки под голову и тоскливо уставился в огонь. Алария сидела, скрестив ноги, и злобно глядела на меня. На калсидийца никто не обращал внимания. Вскинув руки над головой, он бешено отплясывал под призрачную музыку, раззявив рот в бездумном восторге. Может, разум у него и помутился, но танцор из него был великолепный.

Хотелось бы знать, где сейчас мой отец. Вспоминает ли обо мне? Вернулась ли Шун домой, чтобы рассказать ему, что меня увели сквозь камень? Или она умерла в лесу? Если умерла, он никогда не узнает, что со мной произошло и где меня искать. Я замерзла и хотела есть. И чувствовала себя совсем потерянной.

Раз не можешь поестъ – спи. Отдых – единственное, что ты можешь дать себе сейчас. Вот и отдыхай.

Я посмотрела на подобранную шапку. Она была серая, из простой некрашеной шерсти, но кто-то сплел пряжу и связал ее на совесть. Я встряхнула ее на случай, если там затаились насекомые, и кое-как надела связанными руками. Мокрая ткань сперва холодила, но постепенно согрелась. Я устроилась на том боку, что меньше болел, спиной к огню. Тепло моего тела пробудило запах свечи. Вдохнув аромат жимолости, я свернулась калачиком, словно пытаюсь уснуть, поднесла руки к лицу и принялась грызть пути.

Глава 2

Прикосновение Серебра

Странная сила просыпается в тех, кто принимает последний бой. Это бывает не только на войне и не только с воинами. Я видел эту силу у задыхающихся от кашля старух, мне рассказывали, как она приходила к голодающим семьям. Эта сила заставляет действовать вопреки надежде и отчаянию, вопреки потере крови и ранам в животе, вопреки самой смерти в последнем рывке защищать самое дорогое. Это отвага без надежды. Во время войн красных кораблей я видел человека, которому отрубили левую руку. Кровь хлестала из раны, а он размахивал мечом в правой руке, защищая упавшего товарища. Я видел мать, которая, спотыкаясь о собственные кишки, бросилась на «перекованного» и вцепилась в него, защищая дочь.

У жителей Внешних островов есть особое слово для этой силы. Они зовут ее «поскров», потому что верят, что эта отвага струится в крови мужчины или женщины перед неминуемой гибелью. В их сказаниях говорится, что только в последние свои минуты может человек обрести эту храбрость.

Это ужасающая отвага, и хуже и страшнее всего она проявляется, когда человек многие месяцы борется

со смертельной болезнью. Или, наверное, тогда, когда человек следует долгу, зная, что это убьет его, но поступить иначе невозможно. Эта «поскров» заливают все, что есть в жизни, зловещим сиянием. Отношения, нынешние и прошлые, предстают в истинном свете. Весь самообман развеивается. Ложь предстает такой же неприкрытой, как правда.

Фитц Чивэл Видящий

Стоило мне ощутить вкус эльфийской коры, как звуки сражения вокруг стали громче. Я поднял голову и попытался сосредоточить взгляд. Глаза жгло. Тело висело на руках Ланта, во рту стояла знакомая горечь. Она заглушила мою магию, и я стал лучше понимать, что происходит. Левое запястье отчаянно болело, словно его до самой кости пронзил ледяной металл. Пока Сила хлестала сквозь меня, пока я лечил и преображал детей Кельсингры, то почти не замечал ничего больше, но теперь отчетливо слышал крики толпы вокруг, эхом отдававшиеся под сводами элегантного покоя Элдерлингов. В воздухе пахло потом, какой выступает от страха. Меня зажало в толпе: некоторые Элдерлинги пытались отойти, но другие напирали, в надежде, что я помогу им. Так много людей! Ко мне тянулись руки, кто-то кричал: «Пожалуйста! Еще всего одного!» – а другие вопили: «Пропустите!» – пытаясь протолкаться наружу. Поток Силы, так мощно струившийся вокруг и сквозь меня, ослаб, но не исчез. Эльфийская кора Ланта была слабая, из Шести Герцогств, и, судя по вкусу, порядком залежалась. Здесь, в городе Элдер-

лингв, Сила была таким фонтаном, что вряд ли даже кора дерева делвен могла бы полностью закрыть меня от нее.

И все же этой коры хватило. Я чувствовал Силу, но больше не был обречен служить ей. Однако, пока я направлял ее, так переутомился, что едва стоял на ногах, а именно теперь мне, как никогда, нужно было быть сильным. Генерал Рапскаль заставил Шута выпустить меня из объятий. Он схватил Янтарь за запястье и поднял ее руку высоко над головой, крича:

– Я говорил! Я говорил, что они воры! Посмотрите на ее руку, покрытую драконьим Серебром! Она нашла Кладезь! Она украла сокровище наших драконов!

Спарк повисла на другой руке Янтарь, пытаюсь помочь ей вырваться из хватки генерала. Зубы девушки были оскалены, черные кудри растрепались. Увидев выражение безграничного ужаса на покрытом шрамами лице Янтарь, я окаменел: все годы, которые Шут провел в заточении, отразились в этой застывшей гримасе. Это была теперь маска смерти: выпирающие кости, ярко-алые губы, нарумяненные щеки. Я понимал, что должен прийти на помощь. Но как? Сам едва держался на ногах.

Персивиранс схватил меня за руку:

– Принц Фитц Чивэл, что я должен делать?

А у меня даже не хватило дыхания ответить ему.

– Фитц! Встань прямо! – гаркнул мне в ухо Лант. В этом крике странно сочетались мольба и приказ.

Я уперся ногами в пол и собрал все силы, чтобы не упасть.

Мы прибыли в Кельсингру только вчера, и несколько часов я был героем, волшебником и принцем Шести Герцогств, излечившим Ефрона, сына короля и королевы Элдерлингов. Сила текла сквозь меня, пьянящая, как бренди из Песчаных пределов. По просьбе короля Рэйна и королевы Малты я вылечил при помощи магии полдюжины преобразенных драконами детей. Я открыл свою душу могучему потоку Силы, текущему в древнем городе Элдерлингов. Омываемый его мощью, я делал так, чтобы люди снова могли свободно дышать, чтобы их сердца бились ровно. Выпрямлял кости и убирал чешую с век. Кого-то сделал более похожим на человека, а одна девочка предпочла расти по образу дракона, и я помог ей в этом.

Но течение Силы сделалось слишком властным, слишком пьянящим. Магия больше не подчинялась мне, сделав меня своим орудием. После того как я по просьбе родителей исцелил детей, вперед протолкались другие. Взрослые жители Дождевых чащоб, чьи тела исказились так, что это причиняло им неудобство, выглядело уродливо или даже угрожало жизни, молили меня помочь им. И я, идя на поводу у магии, даровал им желаемое щедрой рукой. Я окончательно забыл об осторожности, но, когда уже решил отдаться на волю течения и раствориться в нем, Янтарь сбросила перчатку с руки. Чтобы спасти меня, она открыла взглядам украденное драконье Серебро. Чтобы спасти меня, она прижала три об-

жигающе горячих пальца к моему запястью, прожгла путь к моему рассудку и позвала обратно. Чтобы спасти меня, она созналась в краже. Горячий поцелуй ее пальцев до сих пор горел, будто свежий ожог, отдаваясь болью в костях левой руки, в плече, спине и шее.

Я не знал, какой вред причиняет мне этот ожог в эти самые минуты. Но по крайней мере, я снова оказался прикован к своему телу. И оно тянуло меня на дно. Сам я потерял счет исцеленным Элдерлингам, но тело помнило все. Каждое спасение, каждое преобразование не могло обойтись даром. Настало время платить по счетам. Как я ни старался держаться, голова моя падала на грудь, а глаза упорно закрывались, невзирая на угрозу и шум со всех сторон. Все было как в тумане.

– Рапскаль, прекрати вести себя, будто недоумок! – рявкнул король Рэйн, внося свою лепту в рев толпы.

Лант вдруг обхватил меня крепче, заставив выпрямиться.

– Отпустите ее! – завопил он. – Освободите нашу подругу, иначе принц отменит все исцеления, которые сотворил! Отпустите ее сейчас же!

Толпа заахала, кто-то всхлипнул, мужской голос крикнул:

– Нет! Он не имеет права!

А какая-то женщина закричала:

– Отпусти ее! Отпусти ее, Рапскаль!

Королева Малта крикнула повелительно:

– Разве так мы встречаем гостей и послов? Отпусти ее,

Рапскаль! Сию же минуту!

Ее щеки горели, мясистый гребень надо лбом окрасился ярким цветом.

– Отпусти меня! – Голос Янтарь прозвучал властно и мощно. Откуда-то, из какого-то глубинного источника, она почерпнула силы, чтобы заступиться за себя. Ее крик перекрыл вопли толпы. – Отпусти, а не то я коснусь тебя!

И, показывая, что не шутит, она перестала вырываться и метнулась к Рапскалю. Серебряные пальцы едва не дотронулись до его лица. Генерал встревоженно вскрикнул, выпустил ее руку и отскочил назад. Но Янтарь на этом не остановилась.

– Назад, все! – указала она. – Дайте нам вздохнуть, а мне – взглянуть, что с принцем, или, Са свидетель, я коснусь вас!

Она говорила повелительным тоном разъяренной королевы, готовой исполнить свою угрозу. Вытянув посеребренный указательный палец, Янтарь очертила им дугу перед собой, и люди попятились, толкая друг друга, чтобы оказаться подалеже от нее.

Тогда возвысила голос мать девочки с драконьими лапами:

– Лучше делайте, как она говорит! Если на пальцах у нее и правда драконье Серебро, одно прикосновение означает медленную смерть. Оно прожжет вашу плоть до самых костей, расползется по костям до хребта, по хребту дойдет до черепа. Когда смерть придет, вы будете уже только рады ей.

Все попятились, а эта женщина стала проталкиваться к нам. Она не была высокой или крупной, но все драконьи хранители расступались перед ней. Женщина остановилась на таком расстоянии от нас, где Янтарь не могла до нее дотронуться. Дракон, с которым она была связана, создал на ее коже узор из синей и серебряной чешуи. Крылья были аккуратно сложены за спиной. Когти на ногах стучали по полу, когда она шла. Из всех собравшихся Элдерлингов на ней ярче всех сказалось влияние дракона. Благодаря ее предупреждению и угрозе Янтарь вокруг нас образовался небольшой пятачок, куда никто не решался ступить.

Янтарь снова встала возле меня, хватая ртом воздух и пытаясь успокоить дыхание. Спарк держалась с другой стороны от нее, а Персивиранс встал перед ней, готовый защитить.

Янтарь проговорила низким, спокойным голосом:

– Спарк, помоги мне надеть перчатку, будь добра.

– Конечно, госпожа.

Перчатка валялась на полу. Спарк подошла и осторожно подобрала ее двумя пальцами.

– Сейчас я дотронусь до вашего запястья, – предупредила девушка и легкими постукиваниями пальцев по тыльной стороне ладони помогла Янтарь вдеть руку в перчатку.

Янтарь все еще тяжело дышала, но я, по-прежнему обесиленный, с радостью заметил, что к ней хотя бы отчасти вернулись сила и самообладание Шута. Она взяла меня под локоть не тронутой серебром рукой, и ее прикосновение

придало мне уверенности. Оно как будто отвело часть потока Силы, что так и хлестал сквозь меня. Я ощутил нашу связь и почувствовал себя не таким разбитым.

– Думаю, я могу стоять сам, – шепнул я Ланту, и он чуть разжал руки, перестав удерживать меня.

Нельзя было, чтобы кто-то увидел мое бессилие. Я протер глаза и отряхнул с лица пыль эльфийской коры. Колени больше не подгибались, и мне удавалось держать голову высоко. Ужасно хотелось достать из-за голенища нож, но было ясно, что стоит мне наклониться, как я повалюсь на пол.

Женщина, которая советовала всем держаться подальше, вышла на освободившийся вокруг нас пяточок, но остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Леди Янтарь, на твоей руке и правда драконье Серебро? – спросила она со сдержанным ужасом.

– Правда! – Это генерал Рапскаль опомнился и встал рядом с женщиной-Элдерлингом. – Она похитила его из драконьего Кладезя. Ее надо покарать! Хранители и граждане Кельсингры, нельзя все прощать только потому, что они исцелили несколько детей! Мы даже не знаем, останутся ли дети здоровы и впредь, или это все хитрый обман. Но мы все видели доказательство кражи, а мы помним, что наш первейший долг – заботиться о драконах, почтивших нас дружбой.

– Говори за себя, Рапскаль. – Женщина одарила его ледяным взглядом. – Для меня первейший долг – забота о дочери, а она теперь может нормально стоять.

– Тебя так легко купить, Тимара? – ядовито спросил Рапскаль.

В круг вышел отец девочки и встал рядом с женщиной, которую генерал назвал Тимарой. Девочка с драконьими лапами смотрела на нас сверху вниз, сидя на отцовском плече.

Мужчина заговорил таким тоном, будто отчитывал упрямого ребенка, упрекая Рапскаля с нотками свойской грубости:

– Уж кто-кто, а ты, Рапскаль, должен бы усвоить, что Тимару нельзя купить. Скажи мне вот что. Кому навредила эта леди, посеребрив свои пальцы? Только себе. Это убьет ее. Какое наказание будет хуже этого? Отпусти ее. Отпусти их всех. Пусть идут и прихватят мою благодарность.

– Она воровка! – Рапскаль сорвался на визг, растеряв все свое достоинство.

Сквозь толпу к нам наконец протолкался король Рэйн. Королева Малта шла за ним по пятам, сквозь чешую на ее щеках проступал румянец, глаза горели гневом. От ярости все изменения, вызванные драконом, сделались в ней ярче. Глаза сверкали нечеловеческим блеском, а гребень на макушке, возвышавшийся над волосами, стал как будто больше и напомнил мне петушиный.

Малта заговорила первой:

– Примите мои извинения, принц Фитц Чивэл, леди Янтарь. Надежда на исцеление вскружила людям голову. А генерал Рапскаль порой...

– Не надо говорить за меня! – перебил ее генерал. – Она украла Серебро, мы все видели тому доказательство. И нет, того, что она отравила себя, – недостаточно. Нельзя позволить ей уйти из Кельсингры. Никого из них нельзя отпускать, потому что теперь им известна тайна Кладезя!

Тут вмешалась Янтарь. Она говорила спокойно, но так веско, что слышали все:

– Серебро на моих пальцах было, думаю, еще прежде, чем ты появился на свет, генерал Рапскаль. Прежде чем вышли из коконов ваши драконы, прежде чем вы нашли и объявили Кельсингру своей, я носила на пальцах то, что мы в Шести Герцогствах зовем Силой. И ваша королева может это подтвердить.

– Она нам не королева, а он – не король! – Генерал Рапскаль выпятил грудь, чешуя у него на шее пошла ярко-алыми пятнами. – Они сами так все время говорят! Они твердят, что мы должны сами править своим городом, что они лишь названные правители, чтобы другим державам было проще иметь с нами дело. Так давайте же править сами, хранители! Давайте заботиться о наших драконах прежде всего, как и положено! – Он погрозил с безопасного расстояния леди Янтарь и снова обратился к своим людям: – Вспомните, каких трудов нам стоило отыскать Кладезь и восстановить его! Неужели вы поверите, будто она могла носить Серебро на пальцах десятилетиями и не умереть? Смешно!

Печальный голос королевы Малты прервал его напыщен-

ную речь:

– Как ни жаль, я не могу подтвердить твои слова, леди Янтарь. Я знала тебя совсем недолго, пока ты жила в Удачном, да еще несколько раз мы встречались на переговорах о твоих ссудах с разными торговцами. – Она покачала головой. – Слово торговца крепко, и я не брошу своего на ветер даже ради помощи другу. Я могу сказать лишь, что ни разу не видела тебя в те дни без перчаток. Ни разу не видела твоих рук.

– Вот, слышали? – победно вскричал Рапскаль. – Доказательств нет! Нельзя...

– Не позволите ли мне сказать?..

За долгие годы, пока Шут был придворным шутом короля Шрюда, он отточил умение говорить так, чтобы даже шепот его был слышен каждому в большом и зачастую переполненном людьми зале. Он научил свой голос проникать всюду, и теперь тот с легкостью перекрыл не только крики Рапскаля, но и ропот толпы. Кипучая тишина заполнила зал. И когда Шут вышел на середину круга, расчищенного его угрозой, он двигался не как слепец. Он был актером, восходящим на сцену. Это читалось во внезапной грации его движений, в голосе рассказчика, в плавном взмахе облаченной в перчатку руки. В моих глазах он был Шутом, а личина Янтарь была лишь маской, надетой ради представления.

– Вспомни один солнечный день, королева Малта. Тогда ты была еще девочкой и твоя жизнь летела кувырком. Твоя семья надеялась вернуть свое состояние, спустив на воду

Совершенного, живой корабль, безумный настолько, что он трижды переворачивался и губил всю команду. Но он был последней надеждой вашего семейства, и твои родные потратили последние деньги на то, чтобы починить и заново оснастить его.

Он заморозил всех, не исключая и меня. Я заслушался историей не меньше, чем любой человек в толпе.

– Твоя семья надеялась, что Совершенный поможет найти и привезти домой вашего давно пропавшего отца и брата. Что каким-то чудом он сумеет вернуть вам Проказницу, наследный живой корабль вашего семейства, который, по слухам, захватили пираты. И не просто пираты, а сам капитан Кеннит, овеянный зловещей славой. Ты стояла на палубе безумного корабля, в перешитом платье и с прошлогодним зонтиком от солнца, стояла и храбрилась. И когда все остальные отправились осматривать трюм и кубрики, ты осталась на палубе и Альтия, твоя тетья, попросила меня тоже остаться и присмотреть за тобой.

– Я помню тот день, – медленно проговорила Малта. – Тогда мы с тобой впервые по-настоящему разговаривали. Я помню... мы говорили о будущем. О том, что оно уготовило мне. Ты тогда сказала, что тихая жизнь никогда не удовлетворяет меня... Ты сказала, что я должна заработать свою будущность... Как же ты тогда выразилась?

Леди Янтарь улыбнулась: ей было приятно, что королева помнит слова, которые она сказала ей еще в детстве.

– То, что я сказала тебе тогда, столь же справедливо и теперь. Завтрашний день воздаст тебе по сумме дней вчерашних. И не более. Но и не менее.

Улыбка Малты засияла, как солнечный свет.

– И еще ты сказала, что иные из людей хотели бы, чтобы завтрашний день не расплачивался с ними сполна.

– Верно.

Королева шагнула вперед, невольно включаясь в представление, и заняла свое место на сцене, устроенной Янтарь. Нахмурившись, она заговорила, будто в полусне:

– И тогда... я услышала шепот Совершенного. И я почувствовала... О, тогда я еще не понимала этого, но я почувствовала, как драконица Тинталья вторглась в мой разум. И она едва не задушила меня, заставив разделить с ней заточение в ее кургане. И я лишалась чувств. Это было ужасно... Казалось, я в ловушке и никогда не найду дорогу обратно, не вернусь в свое тело.

– Ты покачнулась и упала бы, не подхвати я тебя, – сказала Янтарь. – И тогда-то я коснулась твоей шеи сзади кончиками пальцев, покрытыми Силой. Серебром, как вы это зовете. При помощи этой магии я призвала тебя назад, в твое тело. Но колдовство оставило след. И тонкую волшебную нить, что незримо связывает нас по сей день.

– Что? – Малта словно не верила своим ушам.

– А ведь это правда! – воскликнул король Рэйн со смехом, в котором смешались радость и облегчение. – Отметины на

твоей шее, милая! Я видел их в те дни, когда твои волосы были черными как вороново крыло, прежде чем Тинталья обратила их в золото. Три сероватых овала, словно отпечатки серебряных пальцев, помутневшие от времени.

Рот Малты приоткрылся от удивления. При словах Рэйна рука ее метнулась назад, под струящийся поток золотых волос – золотых, а не просто светлых.

– Там всегда было чувствительное место. Словно незаживающий синяк... – Она вдруг подняла свои пышные волосы, открыв на обозрение шею. – Подходите и смотрите все, кто желает убедиться, что мой муж и леди Янтарь говорят правду.

Я был одним из желающих. По-прежнему опираясь на плечо Ланта, подковылял к королеве и увидел точно такие же отметины, как те, что когда-то были выжжены у меня на запястье. Три серых овала, отпечатки посеребренных пальцев Шута. Они были там.

Женщина по имени Тимара в свой черед подошла взглянуть на затылок королевы и уставилась на отметины с ужасом.

– Удивительно, как это не убило тебя, – тихо проговорила она.

Я думал, что на этом все и разрешится, к общей радости, но генерал Рапскаль, поглядев на отметины раза в три дольше прочих любопытствующих, отвернулся от королевы и заявил:

– Ну и что с того, что Серебро было на ней еще тогда? Какая разница, украла она его несколько ночей или десятилетий назад? Серебро из колодца принадлежит драконам. Ее надо наказывать.

Я выпрямил спину и напряг мышцы живота. Мой голос не должен дрогнуть. Набрал побольше воздуха, чтобы меня услышали все. Хорошо бы еще, чтобы меня не стошнило.

– Это Серебро не из Кладезя. Сам король Верити покрыл им свои руки, чтобы сотворить свое последнее и величайшее чудо. Мой король окунул руки в реку Силы, текущую среди вод обычной реки. Это не драконье Серебро. Это Сила из реки Силы.

– И где же течет эта река? – спросил Рапскаль с жадностью, насторожившей меня.

– Я не знаю, – ответил я, не покрывив душой. – Я видел ее лишь однажды, во сне, навеянном Силой. Мой король не позволил мне отправиться туда с ним, опасаясь, что я поддамся искушению нырнуть в эту реку.

– Искушению? – Тимару явно глубоко поразили мои слова. – Мне даровано право использовать Серебро, чтобы восстанавливать город, но не чувствую искушения нырнуть в него. Напротив, оно внушает мне страх.

– Это потому, что оно не течет в твоей крови с рождения, – сказал Шут, – как оно течет в крови некоторых Видящих. Как течет оно в крови принца Фитца Чивэла, наделенного от рождения Силой – той Силой, при помощи которой он

может придавать форму детским телам, как ваятель придает форму камню.

Повисло потрясенное молчание.

– Разве это возможно? – с искренним недоумением выдохнула крылатая женщина.

Янтарь снова возвысила голос:

– Магия на кончиках моих пальцев – та самая, которую случайно даровал мне король Верити. Она моя по праву, украденная не более, чем магия в крови принца Фитца Чивэла – магия, которой вы так охотно позволили ему делиться с вашими детьми. Как вы зовете таких людей? Отмеченными Дождевыми чащобами? Преображенными драконами? Если магия на моих пальцах украдена, что ж, тогда каждый исцеленный среди вас – соучастник в краже, совершенной принцем.

– Это не оправдывает... – начал было Рапскаль.

– Довольно, – оборвал его король Рэйн.

Я видел, как глаза Рапскаля сверкнули гневом, но он промолчал, а король продолжил:

– Мы оскорбили и утомили наших гостей. Принц по доброй воле согласился поделиться с нами своей магией, а мы стали требовать все больше и больше. Смотрите, как он бледен, как он дрожит. Дорогие гости, пожалуйста, вернитесь в свои покои. Позвольте нам принести вам закуски и наши извинения. Но главное, примите нашу благодарность.

Он подошел к нам и жестом велел Персивирансу отойти.

За королем шла Малта, бесстрашно протягивая руку Янтарь. Рэйн схватил меня за плечо с неожиданной для него силой. Это было немного унижительно, но я был благодарен за помощь. С трудом оглянувшись, увидел, что королева Малта и Спарк сопровождают Янтарь, а замыкает нашу процессию Пер. Мальчишка шел медленно и часто оглядывался, словно опасался подвоха, но мы покинули зал без происшествий. Вдоль стен коридора выстроились любопытствующие, которым не досталось приглашения на встречу. Мы двинулись между ними, а тем временем у нас за спиной распахнулись двери зала, гул голосов вырвался оттуда и набрал силу. Коридор казался бесконечным. Когда мы наконец добрались до лестницы, ступени поплыли у меня перед глазами. Я не представлял, как сумею забраться по ним. Но знал, что выбора у меня нет.

И стал подниматься – медленно, шаг за шагом. Вот и дверь в мои комнаты.

– Спасибо, – из последних сил выдавил я.

– Ты еще и благодаришь меня! – со смехом фыркнул Рэйн. – Да после всего, через что вам пришлось пройти, я заслуживаю скорее твоих проклятий.

– Не вы.

– Что ж, можете отдыхать.

И они с королевой остались в коридоре, а наша компания зашла внутрь. Персивиранс притворил дверь за нами, и на меня накатило такое облегчение, что колени подогнулись.

Лант обхватил меня за талию, чтобы помочь дойти до стола. Я взял его за руку, пытаюсь удержаться на ногах.

Это было ошибкой. Он резко вскрикнул и упал на колени. А я в этот миг ощутил, как Сила ударила сквозь меня, молниеносно, словно змея. Лант схватился за шрам на месте раны, нанесенной калсидийскими наемниками. Она давно срослась; с виду казалось, что полностью зажила. Но краткое прикосновение сказало мне, что его телу еще оставалось много работы, а еще – что одно ребро срослось криво и челюсть в одном месте немного гноилась, до сих пор причиняя ему боль. И все это уже исправлено и исцелилось, если только можно назвать исцелением такое грубое вмешательство. Я радостно рухнул на него.

Лант застонал. Я попытался скатиться с него, но сил не было.

Персивиранс вызвался:

– Господин, я помогу вам!

– Не трогай... – начал я, но он уже наклонился и взял меня за руку.

Его крик был еще пронзительнее; голос юноши вновь зазвучал по-детски визгливо. Он повалился на бок и дважды всхлипнул, прежде чем смог совладать с болью. Я сумел-таки откатиться от них обоих. Лант лежал не шевелясь.

– Что случилось? – Голос Янтарь едва не срывался на крик. – На нас напали? Фитц? Фитц, где ты?

– Я здесь! Опасности нет. Это Сила... Я коснулся Ланта.

И Пера.

– Что?

– Он... Сила что-то сделала с моей раной. Она снова кровоточит. Мое плечо... – сдавленным голосом произнес Персивиранс.

Ну конечно. Так и должно было быть. Но это быстро прекратится. Трудно было пошевелить языком. Я лежал и смотрел в потолок, который изображал небо. По лазури плыли мастерски нарисованные пушистые облака.

Я приподнял голову и сумел-таки объяснить:

– Это не кровь, Пер. Просто влага. Глубоко в ране остался клочок ткани и медленно гнил. Надо было, чтобы он вышел наружу вместе с гноем. Вот он и вышел, а рана снова закрылась. Теперь она полностью зажила.

Сказав это, я снова распластался на полу и стал смотреть, как прекрасная комната кружится вокруг меня. Если закрыть глаза, она вертелась быстрее. Если открыть – распиленные деревьями стены покачивались. Я услышал, как Лант перекатился на живот и встал.

Он присел на корточки рядом с Пером и мягко сказал:

– Ну-ка, давай поглядим, что с тобой.

– На свои раны тоже посмотри, – пробормотал я. Потом перевел взгляд, увидел, что Спарк стоит надо мной, и крикнул: – Нет! Не прикасайся ко мне. Это от меня не зависит...

– Давай я помогу ему, – тихо сказала Янтарь.

Сделав два несмелых шага, она очутилась надо мной.

Я спрятал кисти рук под жилетом:

– Нет! Тебе больше всех прочих нельзя прикасаться ко мне!

Она грациозно присела рядом, но на корточки опустился уже мой Шут, а никакая не Янтарь.

Голосом, полным печали, он промолвил:

– Неужели ты боишься исцелить во мне то, чего не желаешь, Фитц?

Комната по-прежнему кружилась, и я был слишком обесилен, чтобы утаивать что-то от него.

– Я боюсь, что, если ты коснешься меня, Сила пройдет сквозь меня, как меч сквозь тело. Если она сможет, то вернет тебе зрение. И ей все равно, чего это будет стоить мне. А я думаю, что, исцелив тебя, ослепну сам.

Страшно было видеть, как он изменился в лице. Шут и так был бледным, а тут побелел так, что стал похож на ледяное изваяние. От волнения кожа на его лице натянулась, под ней проступили кости. Шрамы, сделавшиеся уже почти незаметными, теперь показались снова, похожие на трещины в тонком фарфоре. Я пытался сосредоточить на нем взгляд, но он словно плыл вместе с комнатой. Меня тошнило, одолевала слабость, и я злился, что проболтался ему. Но скрывать что-либо было поздно.

– Шут, мы слишком близки. За все, что я исцелил в тебе, мне приходилось расплачиваться собственными ранами. Не такими опасными, как твои, но, когда я заставил зарости ра-

ны у тебя в животе, которые сам нанес, я ощутил их боль на себе на следующий день. А когда я залечил глубокие свищи у тебя в спине, они открылись у меня.

– Я видел те раны! – ахнул Персивиранс. – Я тогда подумал, что кто-то напал на вас и несколько раз ударил в спину.

Не отвлекаясь на него, я продолжал единым духом:

– Когда я вправил кости вокруг твоих глазниц, на следующий день мое лицо опухло и потемнело, как от ударов. Если ты прикоснешься ко мне, Шут...

– Я не стану! – воскликнул он, вскочил на ноги и слепо попятился от меня. – Уйдите, все трое! Немедленно. Нам с Фитцем надо поговорить наедине. Нет, Спарк, со мной все будет хорошо. Я могу позаботиться о себе. Пожалуйста, уходите. Сейчас.

Они ушли, но не быстро. Покидали комнату все вместе, сбившись плотно, то и дело с тревогой оглядываясь на нас. Спарк взяла Пера за руку, и они, обернувшись, уставились на нас глазами обиженных детей. Лант шел последним, и на лице его застыла свирепая решимость Видящего. В этот миг он так походил на своего отца, что никто бы не усомнился в его происхождении.

– В мои покои, – сказал он Спарк и Перу, когда закрывал за ними дверь, и я знал, что он постарается защитить их.

Я надеялся, что на самом деле опасаться нечего. Но боялся, что генерал Рапскаль еще с нами не закончил.

– Объясни, – бесцветным голосом произнес Шут.

Я заставил себя подняться с пола. Это оказалось куда труднее, чем при нормальных обстоятельствах. Перекатившись на живот, я подтянул колени к животу, встал на четвереньки и выпрямился. Ухватившись за край стола, проковылял вокруг него к стулу. Исцелив по неосторожности Ланта, а потом и Пера, я окончательно обессилел. Опустившись на стул, с трудом втянул в себя воздух. Даже держать голову было трудно.

– Я не могу объяснить то, чего сам не понимаю. Такого не происходило ни при одном исцелении Силой, которому я был свидетелем. Только между мной и тобой. Все раны, что я забирал у тебя, появлялись у меня.

Он стоял, скрестив руки на груди. Его лицо снова было лицом Шута, и накрашенные губы и нарумяненные щеки Янтарь странно смотрелись на нем. Глаза словно жгли меня насквозь.

– Нет. Объясни, почему ты скрыл это от меня. Почему не доверил мне такую простую правду. Что ты себе вообразил? Что я потребую от тебя ослепнуть, лишь бы я снова мог видеть?

– Я... нет!

Не помню, когда я в последний раз чувствовал себя таким изможденным. Толчки боли в висках вторили ударам сердца. Мне нужно было восстановить силы, но даже просто сидеть было слишком тяжелой задачей для меня. Хотелось рухнуть на пол и провалиться в сон. Я попытался привести мысли в

порядок.

– Ты так отчаянно стремился вернуть себе зрение... Я не хотел отбирать у тебя эту надежду. Я задумал подождать, пока ты окрепнешь, чтобы круг Силы попытался исцелить тебя, если ты позволишь.

Я уронил голову на сложенные на столе руки.

Шут что-то сказал.

– Не слышу.

– Я и не хотел, чтобы ты слышал, – глухо сказал Шут. Потом признался: – Я обозвал тебя дурачком.

– А.

Я с трудом удерживал глаза открытыми.

Шут осторожно спросил:

– А когда у тебя появились мои раны, они потом зажили?

– Да. В основном. Но очень медленно. – На моей спине по-прежнему оставались розоватые ямки – призраки гнойных язв, зиявших в спине Шута. – Или мне так казалось. Ты знаешь, как ведет себя мое тело после того поспешного исцеления, что предпринял круг много лет назад. Я почти не старею, а любые раны заживают на мне за одну ночь, вытягивая все силы. Но они зажили, Шут. Когда я понял, что происходит, то стал осторожнее. Над костями твоего лица я работал очень аккуратно. – Я помолчал. Страшно было предлагать такое... Но дружба между нами была такова, что выбора у меня не оставалось. – Я мог бы попытаться исцелить твои глаза. Вернуть тебе зрение, ослепнуть и посмотреть, сможет

ли мое тело исправить это. Понадобится время. И наверное, не стоит делать это здесь. Может быть, в Удачном, когда мы отправим остальных домой, снимем комнаты и попробуем.

– Нет. Не говори глупостей. – Его тон ясно велел мне ничего не говорить в ответ.

Шут молчал долго, и ко мне подкрался сон, наполнив тяжестью все члены. Тело требовало отдыха и не принимало отказа.

– Фитц... Фитц! Посмотри на меня! Что ты видишь?

Усилием воли я поднял веки и посмотрел. Мне показалось, я понимаю, какой ответ он хочет услышать.

– Я вижу друга. Самого давнего и дорогого мне друга. И не важно, какую маску ты носишь.

– Ты меня хорошо видишь?

Что-то в его голосе заставило меня поднять голову. Я заморгал, чтобы перед глазами не так расплывалось, и уставился на него. Спустя какое-то время мне удалось сосредоточить взгляд.

– Да.

Он перевел дух:

– Хорошо. Потому что когда я коснулся тебя, то почувствовал, как что-то произошло, что-то сверх того, чего я хотел. Я потянулся к тебе, чтобы позвать, – мне показалось, что ты растворяешься в потоке Силы. Но когда я дотронулся до тебя, ощущение было не такое, как если бы я коснулся другого человека. Как будто я сплел собственные пальцы.

Словно твоя кровь вдруг потекла в моих жилах. Фитц, я вижу твой силуэт, вижу, что ты сидишь на стуле. Я боюсь, что отобрал что-то у тебя.

– А. Вот и хорошо.

И я закрыл глаза. Слишком устал, чтобы удивляться. Слишком вымотался, чтобы бояться. Я подумал о том далеком дне, когда вытащил его с того света и затолкал обратно в тело. В тот миг, когда я покинул тело Шута, которое починил для него, и мы прошли друг сквозь друга, прежде чем снова стать собой, – я ощутил то же самое. Единение. Полноту, завершенность. Я вспомнил это чувство, но у меня не было сил описать его словами.

Я уронил голову на стол и уснул.

* * *

Я парил. Недавно был частью чего-то огромного, а теперь оторвался от него. Отделился от великой цели, для которой прежде служил каналом. Никакого от меня толку. Опять. В отдалении гудели голоса.

– Мне о нем кошмары снились. Однажды я даже постель намочил.

Мальчик сдержанно хихикнул:

– О нем? Почему?

– Из-за нашей первой встречи. Я был тогда совсем мальчишкой. Ребенком, которому поручили, казалось бы, про-

стое и невинное дело: оставить подарок для младенца. – Он прочистил горло. – И он застучал меня в комнате Би. Загнал в угол, как крысу. Должно быть, он знал, что я приду, хотя как он догадался – представления не имею. Просто вдруг возник там с ножом у моего горла.

Тишина, в которой затаили дыхание.

– И что?

– Он заставил меня раздеться догола. Теперь-то я понимаю – он хотел убедиться, что у меня не останется никакого оружия. Он забрал все, что у меня было. Маленькие ножички, яды, воск, чтобы делать слепки с ключей. Все, чем я так гордился, все орудия ремесла, которому отец пытался меня научить. Он забрал все, я стоял перед ним голышом и дрожал, а он свирепо смотрел на меня. Решал, как со мной поступить.

– Ты думал, он убьет тебя? Том Баджерлок?!

– Я знал, кто он. Розмари мне сказала. А еще она сказала, что он куда опаснее, чем я могу вообразить. Одаренный. И всегда ходили слухи о его... пристрастиях.

– Не понимаю.

Короткое молчание.

– Что, возможно, мальчики его привлекают не меньше, чем женщины.

Мертвая тишина. Потом парень рассмеялся:

– Он? Нет, только не он! Для него во всем свете не было никого, кроме леди Молли. Об этом всегда перешучивались

слуги в Ивовом Лесу. – Он снова рассмеялся, потом ахнул. – «Постучи дважды, – хихикали кухонные служанки, – а потом подожди и постучи снова. И не входи без разрешения». Никогда не знаешь, когда они с леди Молли решат заняться этим. Мужчины в поместье прямо гордились им. «Старый жеребец еще о-го-го, – говорили они. – В кабинете. В лесах. В саду».

Сад. Летний день, когда ее сыновья разъехались, чтобы искать свою судьбу. Мы бродили среди деревьев, высматривая завязи яблок, говорили, каким будет урожай. Руки Молли сладко пахли полевыми цветами, которые она собирала. Я остановился, чтобы воткнуть веточку гипсолюбки ей в волосы. Она подняла ко мне лицо, улыбаясь. Долгий поцелуй перешел в нечто большее.

– Когда леди Шун впервые приехала в Ивовый Лес, одна из наших горничных сказала, что он, мол, уезжал, чтобы подыскать себе охочую женщину. Это мне повариха Натмег поведала. Повариха тогда той горничной сказала: «Он не такой. Для него никогда не было никого, кроме леди Молли. На других он и смотреть не может». А потом передала Ревелу слова горничной. Ревел вызвал ту девушку и сказал: «Он не лорд Волокита, а помещик Баджерлок. И нечего тут слухи распускать». И велел ей собирать вещи. Так нам повариха Натмег сказала.

Молли пахла летом. Собранные цветы рассыпались, когда я увлек ее на землю. Дикие травы окружали нас хрупкой

стеной. Полы одежды нетерпеливо распахнуты, пряжка моего ремня никак не хочет сдаваться... Молли вдруг оказалась верхом на мне, вцепилась в плечи, навалилась, прижала к земле. Наклонилась – обнаженная грудь поверх распахнутой рубашки – и впиалась губами в мои. Солнце согревало ее кожу под моими руками. Молли. Молли...

– А теперь? – спросил мальчик. – Ты все еще боишься его?

Юноша ответил не сразу.

– Его следует бояться. Не заблуждайся на этот счет, Пер-Фитц – опасный человек. Но я здесь не потому, что справедливо опасаясь его. Я здесь, чтобы выполнить наказ отца. Он поручил мне присматривать за Фитцем. Оберегать его от самого себя. А когда дело будет сделано, привести его домой, если смогу.

– Это будет нелегко, – с неохотой произнес мальчик. – Я слышал, как Фоксглоу говорила с Риддлом после той схватки в лесу. Она сказала – он хочет причинить себе боль. Покончить с собой, раз его жена умерла, а дочь пропала.

– Это будет нелегко, – признал юноша со вздохом. – Нелегко.

* * *

Мне снился сон. Неприятный сон. Я не был мухой, но попался в паутину. Странную, сотканную не из липких нитей, а из каналов, по которым я должен был идти. Они были как

просеки в непроходимом лесу, окутанном туманом. И я шел – не потому, что хотел, а потому, что не мог остановиться. Я не знал, куда ведет моя тропа, но другой не было. Один раз я оглянулся, но оказалось, что за моей спиной проход исчезает. Я мог следовать только вперед.

Она заговорила со мной:

Ты вмешался в мои дела. Я удивлена, человек. Неужели ты так глуп, что не боишься дразнить драконов?

Драконы не тратят времени на церемонии.

Туман медленно расступился, и я оказался возле округлых серых камней, покрытых лишайником, которые, будто горбы, выступали над дерном. Дул ветер, и казалось, что он был здесь с начала времен и будет вечно. Я попытался сделаться маленьким и не шуметь. Ее мысли все равно настигли меня:

Это я должна была придавать форму ребенку. Ты не имел права.

Съежиться не помогло. Я старался успокоиться, но мне отчаянно хотелось, чтобы Неттл была тут со мной, в этом сонном крае. Еще когда она была новичком в Силе, ей удалось выстоять перед всей мощью Тинтальи. Потянулся к дочери, но драконица отрезала меня от мира, как ребенок играючи ловит жука в ладони. Я был один, полностью в ее власти. Пришлось спрятать страх глубоко в груди.

Неизвестно, которая из них обращалась ко мне, но было понятно, что спрашивать будет ошибкой. Драконы берегут

свое имя, чтобы никто не получил через него власти над нами. И от того, что дракон может сотворить с разумом спящего, не отмахнешься со словами: «Это всего лишь сон». Необходимо было проснуться, но она пригвоздила меня к месту, как ястреб прижимает когтями к земле пойманного зайца. Я ощущал спиной холодную каменистую почву, чувствовал, как ледяной ветер вытягивает из меня тепло. Но я по-прежнему не видел драконицу. Возможно, мне удастся воззвать к ее разуму.

– Я не хотел вмешиваться, только немного подправить, чтобы дети остались живы.

Ребенок принадлежит мне.

– Неужели живой ребенок для тебя не лучше, чем мертвый?

Что мое – то мое.

Логика трехлетнего карапуза. Тяжесть, навалившаяся мне на грудь, усилилась, и надо мной проступила тень. Она переливалась синим и серебряным. Я сразу понял, о каком ребенке речь: теми же цветами драконица отметила мать девочки. Ту, которая сказала, что работает с Серебром. Тимара, крылатая и когтистая женщина-Элдерлинг. Драконица заявляла права на девочку, бесстрашно выбравшую, в кого ей преобразиться. Так мало было в ней от человека. Она без колебаний предпочла драконьи лапы человеческим стопам, чтобы выше прыгать и ловчее хвататься за ветки деревьев. Храбрая и умная девочка.

Да, это она.

В ее мыслях ощущался оттенок злобной гордости. Не хотелось делиться с ней своими мыслями, но, возможно, польстив ребенку или драконице, я сумею выиграть время. Драконья лапа давила мне на грудь с такой силой, что, казалось, ребра вот-вот хрустнут. Если она сломает мне грудную клетку и кости проткнут мне легкие, я проснусь или умру? Хоть я и понимал, что сплю, боль и ощущение неотвратимой беды от этого не становились меньше.

Умри в снах, проснись без ума. По крайней мере, так гласит древняя поговорка Старших. Твои связи с миром сильны, человек... Что-то в тебе есть... Но ты не отмечен касанием ни одного из известных мне драконов. Как такое возможно?

– Не знаю.

Что это за связующую нить я чувствую в тебе, дракона и недракона? Зачем ты явился в Кельсингру? Что принес ты в город драконов?

– Мечь, – выпалил я.

Ребра затрещали. Боль была невыносимая. Если бы я спал, то точно проснулся бы. Значит, все происходит наяву. Каким-то образом это так. Но если все по-настоящему, то на поясе у меня висит нож. Не позволю прикончить себя, как зайца. Правую руку прижимал к земле драконий коготь, но левая оставалась свободна. Я нащупал нож, вытащил его и ударил со всей силы... но клинок лишь чиркнул о чешую на

драконьей лапе, словно ударил камень. Драконица не дрогнула.

Ты хочешь отомстить драконам? За что?

Моя рука бессильно упала. Я даже не почувствовал, как нож выскользнул из пальцев. Боль и удушье лишили меня воли. Я не произнес ответ: воздуха не осталось. Я подумал его, обращаясь к ней:

Не драконам. Слугам. Я иду в Клеррес, чтобы убить всех Слуг. Они причинили боль моему другу и уничтожили мое дитя.

Страх. Неужели драконы способны испытывать страх, даже ужас? Поразительно. Что еще более странно, это был страх перед неизведанным.

Город, построенный из костей и белого камня далеко к югу отсюда. На острове. Город, где живут бледные люди, которые считают, будто знают все возможные будущие и какое из них лучше выбрать.

Слуги! – Она начала таять, исчезать из моего сна. *Я помню... что-то. Что-то очень плохое.*

Я вдруг потерял для нее всякую важность. Едва она отвлеклась, я снова смог дышать. И вот уже снова плыву в темно-сером мире, то ли мертвый, то ли один в сновидении. Нет. Нельзя было больше спать и оставаться уязвимым для нее. Я рванулся прочь из сна, к яви, пытаясь вспомнить, где на самом деле находится мое тело.

Открыл глаза в темноте ночи и заморгал липкими веками.

Легкий ветер дул среди холмов. Видно было, как он колышет кроны деревьев. Вдалеке виднелись снежные вершины гор. Луна была огромная и круглая, цвета старых костей. Игра продолжается. Ну почему я сплю так крепко? Голова была будто шерстью набита. Я приподнялся и потянул носом воздух.

Ни ветра, ни лесных ароматов. Только мой собственный запах. Запах пота. И комнаты, где кто-то есть. Кровать слишком мягкая... Я попытался сесть. Рядом зашуршала одежда, чьи-то руки удержали меня за плечи.

– Не спеши. Выпей для начала воды.

Ночное небо оказалось обманкой. Никогда мне уже не охотиться вот так...

– Не касайся моей кожи, – предупредил я Ланта.

Его руки исчезли; мне кое-как удалось сесть. Свесил ноги с кровати. Комната трижды провернулась и успокоилась. Вокруг царил полумрак.

– Вот, – сказал Лант и осторожно вложил в мои руки прохладный сосуд.

Я понюхал – вода. Выпил ее всю. Он забрал чашку и принес еще. Я снова выпил до дна.

– Пока достаточно, пожалуй.

– Что произошло?

Лант сел рядом на краешек кровати. Я внимательно оглядел его и порадовался, что могу видеть.

– А что ты помнишь? – спросил он после долгого молча-

ния.

– Я лечил детей Элдерлингов...

– Ты возлагал руки на одного ребенка за другим. Их было не так уж много – наверное, всего шестеро. Детям становилось легче, и с каждым исцеленным ребенком росло удивление Элдерлингов Кельсингры, а сам ты делался все более странным. Я не наделен Силой, Фитц. Но даже я чувствовал, что ты был словно глаз магической бури, что магия струилась к тебе, а потом расплескивалась повсюду вокруг нас. Когда детей не осталось, вперед стали проталкиваться взрослые. Не только Элдерлинги, но и просто жители Дождевых чащоб. Я никогда не видел таких обезображенных людей прежде. У одних была чешуя, у других – наросты вдоль нижней челюсти. У третьих – когти или драконьи ноздри. Но если у Элдерлингов подобные изменения выглядят красиво, то у этих людей – наоборот. Они были... словно больные деревья. И полны внезапно вспыхнувшей надежды. Они стали рваться к тебе и просить, чтобы ты исправил их. Твои глаза смотрели в пустоту, ты не отвечал. Но ты касался их, одного за другим, и они валялись на пол, преображенные. Ты почти сразу же побледнел и задрожал, но они всё рвались к тебе и умоляли. Леди Янтарь закричала и стала трясти тебя, но ты все смотрел в никуда, а люди все напирали. И тогда Янтарь сняла перчатку, схватила тебя за запястье и оттащила от них.

Память возвращалась ко мне – словно свернутый ковер разворачивался, открывая рисунок. Лант, к счастью, замол-

чал и дал мне собрать мою жизнь по кусочкам воедино.

– А что потом? Все в порядке? – Я вспомнил напирющую и кричащую толпу. – Кого-нибудь из вас ранили? Где все остальные?

– Серьезно никто не пострадал. Так, пара царапин и синяков. – Он фыркнул, словно не в силах поверить. – Да и те сохранились лишь у Спарк. Когда ты коснулся меня и Пера, мы полностью исцелились. Я не чувствовал себя таким здоровым, с тех пор как... с тех пор как меня избили той ночью в Баккипе.

– Прости меня.

Он вытаращился на меня во все глаза:

– Ты просишь прощения за то, что вылечил меня?

– За то, что сделал это так неожиданно. Без предупреждения. Сила... Я не мог управлять ею.

Его взгляд стал рассеянным.

– Ощущение было странное. Как будто меня окунули в ледяную реку и сразу вытащили, таким же сухим и теплым, как был. – Он умолк, погрузившись в воспоминания.

– А где они теперь? Янтарь, Спарк и Пер?

Что, если они были в опасности? А я спал, пока им угрожали?

– Наверное, еще спят. Сейчас моя очередь.

– Очередь? Сколько я уже здесь?

Он тихонько вздохнул:

– Вторую ночь. Ну, возможно, следовало бы сказать, утро

третьего дня. Уже почти светает.

– Кажется, я заснул у того стола.

– Верно. Я беспокоился о тебе, но Янтарь сказала – надо дать тебе выспаться, а звать лекаря не стоит. Наверное, она опасалась того, что могло случиться, если бы лекарь прикоснулся к твоей коже. Она заклинала нас ни за что не дотрагиваться до тебя.

Я ответил на вопрос, который он так и не задал вслух:

– Думаю, я уже могу управлять своей Силой.

И замер, прислушиваясь к ощущениям от потока магии. Тут, в древнем городе, он был невероятно могуч, но теперь он, как прежде, струился скорее вовне, чем сквозь меня. Тогда я обследовал свои мысленные стены: они оказались куда крепче, чем я ожидал.

– Я дал тебе порошок из эльфийской коры, – сказал Лант.

– Да, припоминаю. – Я повернул голову и строго посмотрел на него. – Не думал, что в твоём багаже найдется такое средство.

Он отвел глаза:

– Ты ведь помнишь, какие надежды отец возлагал на меня когда-то, чему меня учили. Я взял с собой много полезных мелочей в это путешествие.

Мы помолчали. Потом я спросил:

– А что генерал Рапскаль? Что вообще думают о нас в Кельсингре?

Лант облизнул губы:

– Наверное, уважают, но лишь потому, что боятся. Янтарь советовала нам быть начеку. Мы ели в своих комнатах и почти ни с кем не общались. Никто из нас не видел генерала Рапскаля. Однако нам доставили послание от него, и трижды заходил один из его солдат, Элдерлинг по имени Кейз. Он держался уважительно, но настаивал, что генерал Рапскаль должен встретиться с тобой наедине. Мы отослали его прочь, потому что ты еще спал. Всем нам кажется, что тебе лучше не встречаться с ним одному. Этот генерал какой-то... странный.

Я молча кивнул, но про себя подумал, что, возможно, мне все-таки придется поговорить с Рапскалем наедине, чтобы он перестал угрожать Янтарь. После такой встречи он может вдруг смертельно заболеть, если не оставит свои преследования.

– Элдерлинги с уважением отнеслись к нашему нежеланию никого видеть, – продолжал Лант. – Подозреваю, король и королева позаботились о том, чтобы оградить нас от любопытствующих и просителей. К нам заходили в основном слуги, а они, похоже, настроены дружелюбно. – Он добавил, явно преодолевая неловкость: – Некоторые из них отмечены Дождевыми чащобами, и отмечены неприятно. Боюсь, они надеются, что ты поможешь им, хоть король и не велел беспокоить тебя. Мы опасались оставлять тебя одного, потому что не хотели, чтобы Элдерлинги нашли тебя без охраны. Это поначалу. Потом мы испугались, что ты умираешь. – И,

словно спохватившись, он вдруг выпрямился и выпалил: – Надо сказать остальным, что ты проснулся! Принести тебе еды?

– Нет. Да.

Есть не хотелось, но было ясно, что это необходимо. Пусть я не умирал, но и живым в полной мере не был. Тело было словно заношенная одежда, заскорузлая от грязи и пропахшая потом. Я потер лицо. У меня отросла щетина. Глаза гноились, язык и зубы были покрыты налетом.

– Тогда я схожу за ней.

Он ушел. Комната постепенно светлела, изображая рассвет. Ночной пейзаж на стенах бледнел и таял. Стаскивая с себя на ходу балахон Элдерлингов, что был на мне, я направился в бассейн. Как только я опустился на колени возле жерла трубы, из нее хлынула вода, от которой шел пар.

Я отмокал в горячей воде, когда вошла Янтарь. С ней был Персивиранс, однако они просто шли рядом, ему не приходилось вести ее и направлять. Оба подошли к кромке бассейна.

– Я очнулся. Ничего не болит. Во мне постепенно просыпается желание поесть. Я снова могу держать Силу в узде. Кажется. Пожалуйста, не прикасайтесь ко мне, пока я не буду уверен.

– Как ты? – спросила Янтарь. – Только честно.

Было приятно увидеть, что она отыскивала глазами меня, хотя я не ощущал, чтобы мои собственные глаза стали ви-

деть хуже. Если зрение отчасти вернулось к Шуту, пострадало ли мое собственное? Я не замечал, чтобы во мне что-то изменилось. Пока что.

– Я проснулся. Пока что еще чувствую усталость, но сонливость прошла.

– Ты спал долго. Мы боялись за тебя. – В голосе Янтарь прозвучала боль, словно, пребывая без чувств, я ранил ее.

Горячая вода прогнала напряжение из моих мышц. Тело ощущалось уже более привычно, словно я никогда и не покидал его. Я снова нырнул в воду с головой и начисто протер глаза. Потом выбрался из бассейна. Что-то в теле по-прежнему ныло. Шестьдесят лет – это не тридцать, как бы я там ни выглядел. Персивиранс оставил Янтарь и принес мне полотенце и балахон.

Вытирая ноги, я спросил:

– Как настроение в городе? Я никому не навредил?

Мне ответила Янтарь:

– По-видимому, нет, – по крайней мере, ничего непоправимого ты не сделал. Дети, которых ты коснулся, чувствуют себя намного лучше, чем прежде. Исцеленные жители Дождевых чащоб прислали письма с благодарностями. И конечно, с просьбами помочь другим. По меньшей мере трое оставили записки у тебя под дверью, умоляя исправить их недостатки. Судя по всему, изменения в них начались от пребывания рядом с драконами или даже там, где драконы долгое время обитали. Те, кого драконы преобразили намеренно,

чувствуют себя куда лучше, чем те, кто родился измененным или в ком изменения проявились по мере взросления. Для детей такие перемены часто бывают смертельны и в любом случае сокращают жизнь.

– Уже пять записок, – тихо добавил Персивиранс. – Еще две лежали у двери, когда мы вошли.

Я покачал головой:

– Я боюсь сейчас помогать кому-либо. Даже несмотря на эльфийскую кору, которую Лант дал мне, я чувствую, что поток Силы струится сквозь меня как река. Я не осмелюсь войти в него снова.

Я просунул голову в ворот элдерлингского платья. Руки все еще были влажными, но я упрямо продел их в рукава, повел плечами – и почувствовал, как балахон мягко обхватил мое тело. Снова магия Элдерлингов? Может, в ткань вплетено Серебро, чтобы одеяние помнило, что оно такое? Элдерлинги добавляли Серебро в камни мостовых, чтобы дороги не забывали своего предназначения. Мох и трава не могли поглотить их. Интересно, магия Силы и магия, которую Элдерлинги использовали для создания этого чудесного города, – это одно и то же волшебство или нет? Что происходит, когда одна магия накладывается на другую? У меня оставалось так много вопросов без ответов, и я порадовался, что Лант дал мне коры, лишив возможности провести еще какой-нибудь опыт.

– Я хочу покинуть это место как можно скорее.

Даже не думал говорить это: слова сами сорвались с губ. Я сказал их на ходу, и Пер и Янтарь прошли следом за мной через спальню в комнату у двери. Там ждал Лант.

– Согласен, – быстро отозвался он. – Даже я, лишенный Силы, с каждым днем все отчетливей слышу шепот города. Надо убраться отсюда. Лучше уйти, пока Элдерлинги благоволят к нам. А то еще генерал Рапскаль восстановит людей против нас. Или они обидятся, что ты помог не всем.

– Да, думаю, это было бы весьма благоразумно. Однако слишком спешить нельзя. Даже если бы у причала стоял корабль, готовый отправиться вниз по течению, все равно нам следовало бы сперва попрощаться с Кельсингрой так, чтобы никому не насолить. – Голос Янтарь звучал задумчиво. – Нам предстоит долгий путь через их земли. И у драконьих торговцев крепкие связи с торговцами Дождевых чащоб, а тех, в свою очередь, множество семейных уз роднят с торговцами Удачного. Нам придется спуститься вниз по реке до Трехога, города в Дождевых чащобах. А самый надежный способ выбраться оттуда – это сесть на один из живых кораблей, что заходят в реку. Нам надо попасть в Удачный, а там найти корабль, который отвезет нас через Пиратские острова в Джамелию. Так что от благосклонности драконьих хранителей зависит, насколько гладким будет изрядный отрезок нашего пути. По меньшей мере, отсюда до Удачного, а может, и дальше. – Помолчав, она добавила: – Потому что путь наш лежит за Джамелию и острова Пряностей.

– И за пределы любых достоверных карт, что я видел, – сказал я.

– Неизведанные воды для тебя – для кого-то дом родной. Мы найдем путь. Мне ведь удалось найти дорогу в Бакк много лет назад. Вот и теперь удастся отыскать дорогу обратно в родные края.

Слова Шута не особенно утешили меня. Я уже успел устать просто оттого, что стоял. Что я с собой сделал? Я опустил на один из стульев, и тот с готовностью позволил мне на нем расположиться.

– Я думал, что буду идти один и налегке. Прделаю часть пути через столпы. Я не планировал такого путешествия, не запасся провизией, чтобы взять кого-то с собой.

Раздался тихий перезвон колокольчиков, и открылась дверь. Слуга вкатил столик на колесиках. Блюда под колпаками, стопка тарелок. Еды явно собрали на всех. В распахнутую дверь тихо вошла Спарк, одетая и причесанная, но по ее глазам я понял, что она недавно проснулась.

Лант поблагодарил слугу. Больше никто не произнес ни слова, пока за ним не закрылась дверь. Спарк стала снимать крышки с блюд, Персивиранс принялся расставлять тарелки.

– Тут футляр для свитков, тяжелый, с забавным гербом – цыпленок в короне.

– Коронованный петух – герб семейства Хупрус, – сообщила нам Янтарь.

По моей спине пробежали мурашки.

– Это не то же самое, что петушиная корона?

– Нет. Хотя, возможно, между ними существует какая-то древняя связь.

– А что такое петушиная корона? – спросила Спарк.

– Открой письмо и прочитай его, пожалуйста, – попросила Янтарь, отмечая ее вопрос.

Персивиранс передал футляра Спарк, а та – Ланту.

– Оно адресовано послам Шести Герцогств. Думаю, это подразумевает всех нас.

Лант сломал восковую печать, вытащил из футляра лист великолепной бумаги и быстро пробежал его глазами.

– Хм... Слухи о твоём пробуждении мгновенно донеслись от кухни до тронного зала. Мы приглашены сегодня вечером на обед с драконьими хранителями Кельсингры. «Если здоровье принца Фитца Чивэла позволяет». – Он поднял глаза на меня. – Как я выяснил, хранители – это жители Дождевых чащоб, которые когда-то отправились с драконами на поиски Кельсингры или хотя бы места, где могли бы жить драконы. Их было немного, по-моему, и пары десятков не набралось. Потом сюда приехали и другие люди, конечно. Обитатели Дождевых чащоб, искавшие лучшей жизни, бывшие рабы и другой люд. Некоторые из хранителей взяли себе жен из числа новоприбывших. Когда они явились с посольством к королю Дьютифулу, то дали понять, что прибыли из многолюдного и процветающего города. Но из того, что я видел сам и слышал от слуг, выходит, что на самом деле все не

так, – задумчиво сказал Лант. – Им с трудом удается поддерживать достаточное число жителей, чтобы можно было зваться городом или хотя бы деревней. Народ Дождевых чащоб уже понял, что здесь их тела меняются быстрее, и редко к лучшему. И как ты сам видел, детей в Кельсингре рождается немного и отличия их не всегда хороши.

– Прекрасный доклад, – сказала Спарк, мастерски передразнив голос Чейда.

Пер прыснул в кулак.

– В самом деле, – согласилась Янтарь, и щеки Ланта зарделись.

– Он хорошо обучил тебя, – сказал я. – Почему, по-вашему, они решили собраться и приглашают нас на обед?

– Хотят поблагодарить вас? – предположил Пер таким тоном, будто не мог поверить, что я сам не додумался.

– Хотят провести переговоры перед сделкой. Так уж заведено у торговцев, – вздохнула Янтарь. – Мы знаем, что нам от них нужно: чтобы они дали нам пополнить запасы и провели так далеко на юг, как это возможно. Вопрос в том, чего от нас за это потребуют?

Глава 3

В горах

Это был очень короткий сон. Человек с лицом белым как мел, в зеленых одеждах с золотым кантом, шел по пляжу. Уродливое существо сидело, скорчившись, на поросшем травой выступе над пляжем, но человек не обращал на него внимания. При нем были красивые цепи, похожие на те, что носят для украшения, только гораздо крепче. Он нес их, намотав петлями на руку. Человек подошел к месту, где песок дрожал и вспучивался. И стал смотреть, улыбаясь. Изпод земли полезли змеи. Большие, длиной с мою руку. Их чешуя была влажной и сверкала разными цветами: голубым, красным, зеленым и желтым. Человек накинул петлю из цепи на голову голубой змеи, и цепь стала арканом. Он потянул и вытащил змею наверх. Она билась, но не могла вырваться, как ни разевала пасть, выставляя длинные белые зубы, очень острые. Бледный человек поймал в аркан другую змею, желтую. Потом попытался поймать красную, но та увернулась и очень быстро поползла прочь, к морю. «Все равно я тебя поймаю!» – крикнул человек. Он побежал за змеей и наступил ей на кончик хвоста у самой кромки прибоя. Держа в одной руке цепи двух пойманных змей, он приготовил новую петлю для красной.

Он думал, что она обернется и кинется на него, и тогда он набросит аркан ей на шею. Но к нему обернулась драконица, потому что нога его стояла у нее на хвосте. «Нет, – сказала она очень громко. – Это я тебя поймаю».

Я нарисовала этот сон, но получилось не очень хорошо, потому что красные чернила моего отца не блестят так, как блестела шкура красной змеи.

Дневник сновидений Би Видящей

Я мерзла во сне, а проснулась от пинка Двалии в мой многострадальный живот.

– Что это ты делаешь? – крикнула она мне и рывкнула через плечо: – Алария! Ты же должна была следить за ней! Она грызла путы!

Алария подошла, спотыкаясь. Белая шуба болталась у нее на плечах, белесые волосы спутанными прядями свисали вокруг бледного лица с сонными глазами.

– Я не спала почти всю ночь! Потом попросила Реппин приглядеть за ней...

Двалия резко отвернулась от меня, и я попыталась сесть. Связанные руки замерзли и почти не слушались. Все тело окоченело, сведенное болью от ушибов и порезов. Я упала и попыталась откатиться, однако далеко передвинуться не удалось. Послышался звук пощечины и вскрик.

– Не смей оправдываться! – рыкнула Двалия и тяжело потопала прочь.

Я попыталась встать, но Алария опередила меня и прижа-

ла коленом к земле. Я извернулась, чтобы укусить ее. Она положила руку мне на затылок и прижала лицом к камням площади.

– Только дай мне повод, и я размозжу твои зубы об эти камни, – предложила она.

Не стоило давать повода.

– Не делай больно моему братцу! – заныл Виндлайер.

– «Не делай больно моему братцу!» – тоненько передразнила его Двалия. – Помалкивай! – Последнее слово она произнесла с хэканьем, и Виндлайер вскрикнул.

Алария потянула на себя подол моей туники и принялась отрезать от него полосы поясным ножом, сдавленно ругаясь. Я чувствовала, что она в бешенстве. Сейчас к ней лучше не подступаться. Она грубо перевернула меня на спину, и я увидела у нее на щеке след от руки Двалии, красный отпечаток пятерни на бледной коже.

– Сука! – прошипела Алария, имея в виду то ли меня, то ли Двалию.

Схватив мои связанные руки, она дернула их на себя и принялась пилить мокрые путы тупым ножом. Я развела запястья как можно шире, надеясь, что лезвие не заденет их.

– На этот раз я свяжу тебе руки за спиной, – пообещала Алария сквозь зубы.

Послышались шаги, шорох веточек и прошлогодней листвы под ногами, и к Аларии подошла Реппин.

– Прости меня, – тихо сказала она. – Рука так болит...

– Я не в обиде, – сказала Алария, но тон ее говорил обратное.

– Она так несправедлива с нами, – сказала Реппин. – Так жестока. Мы должны быть ее советниками, а она обращается с нами будто с прислугой! И ничего не говорит. Ни слова не сказала о том, что она собирается делать теперь, когда притащила нас в это жуткое место. Симфэ нас не к этому готовила.

Алария немного смягчилась:

– Там есть дорога. Я думаю, надо идти по ней. Нет смысла тут оставаться.

– Наверное, она ведет в деревню, – с надеждой сказала Реппин. И добавила тише: – Мне нужен лекарь. У меня всю руку дергает.

– Эй, вы все! Отправляйтесь за дровами! – крикнула Двалаия, сидя у гаснущего костра.

Виндлайер с несчастным видом поднял голову. Я заметила, что Алария и Реппин обменялись мятежными взглядами.

– Я сказала – все! – взвизгнула Двалаия.

Виндлайер встал, но не двинулся с места, словно в нерешительности. Двалаия тоже поднялась на ноги. В руке у нее был сложенный во много раз лист бумаги. Она сжала его так злобно, что я поняла: это из-за того, что там написано, она бесится.

– Вот ведь лжец! – прорычала Двалаия. – Как я раньше не догадалась! Знала ведь, что нельзя верить ни одному сло-

ву, выбитому из Прилкопа. – Она вдруг ударила Виндлайера своей бумагой. – Иди! Принесите дров. Нам тут сидеть еще по меньшей мере ночь. Алария! Реппин! Возьмите Би с собой. Присматривайте за ней. Нам нужны дрова. Ты, калсидец! Пойди поймай нам какой-нибудь дичи!

Керф даже головы не повернул. Он сидел на низкой каменной ограде и таращился на пустую площадь. То есть она казалась пустой, но только пока я не приспустила свои внутренние стены. Тогда мне показались акробаты в черно-белых нарядах, выступающие перед толпой зрителей с волосами странных оттенков. Шум оживленного торжища зазвучал у меня в ушах. Я зажмурилась, укрепила стены, и когда снова открыла глаза, то увидела давным-давно пустую площадь. Да, вот что это на самом деле. Когда-то тут, на прогалине посреди леса, шумела ярмарка, торговцы встречались тут, на перекрестке дорог, чтобы обмениваться товаром, а Элдерлинги приходили развлечься и что-нибудь купить.

– Идем! – прикрикнула на меня Алария.

Я медленно поднялась на ноги. Если идти скорчившись, живот болел не так сильно. Уставившись себе под ноги, побрела за остальными по древним каменным плитам. Среди разбросанного лесного мусора я заметила медвежий помет, а потом перчатку. Я замедлила шаги. Еще одна женская перчатка, на сей раз из мягкой желтой кожи. А вон мокрый обрывок мешковины. Из-под него выглядывает что-то красное,

вязаное...

Медленно, осторожно я наклонилась и вытащила красную шерстяную шаль. Она была сырой и вонючей, как и шапка, подобранная мной раньше, но я была рада этой находке не меньше, чем первой.

– Что это у тебя? – резко спросила Двалия, и я вздрогнула.

Я не слышала, как она подошла.

– Просто тряпка, – ответила я, еле ворочая опухшими губами.

– Тут много всякого барахла валяется, – заметила Реппин.

– А значит, та дорога не заброшена, – добавила Алария.

Она посмотрела Двалии в лицо и сказала: – Мы могли бы пойти по ней до деревни и найти лекаря для Реппин.

– А вон там медвежий помет, – внесла я свою лепту. – И он появился тут позже, чем мусор.

Это была правда. Какашки лежали поверх мешковины, и их не размыло дождем.

– Фу! – Алария потянула за краешек кусок мешковины, но бросила и отшатнулась.

– Что это там? – воскликнула Двалия, оттолкнув ее.

Она присела на корточки и отогнула кусок мешковины. Под ним на мокрых камнях лежала тонкая белая трубочка – кость?

– Хм-ф, – с довольным видом фыркнула Двалия и, вынув крошечную пробку из конца трубочки, достала оттуда свернутый пергамент.

– Что это? – спросила Алария.

– Ступайте за дровами! – огрызнулась Двалия и унесла свою драгоценную находку к костру.

– Шевелись, Би! – прикрикнула на меня Алария.

Я поспешно завернулась в шаль и пошла за ними.

Остаток утра они отламывали ветки с поваленных бурей деревьев и нагружали ими меня, чтобы я относила их к костру. Двалия по-прежнему сидела там, морща лоб и изучая маленький свиток, который нашла.

– Я тут умру! – заявила Реппин.

Она куталась в мою шубу поверх своей, баюкая на коленях прокушенную руку.

– Не ной! – резко сказала Двалия, не отрываясь от изучения пергамента и бумаг.

День угасал, и она шурилась, вглядываясь в свитки. Прошло уже два дня с тех пор, как я укусила Реппин, а мы так и не двинулись с места. Двалия запретила Аларии исследовать старые дороги и отвесила Реппин оплеуху, когда та спросила, что мы будем делать дальше. С тех пор как она отыскала костяную трубочку и нашла в ней пергамент, она только и делала, что сидела и сравнивала его со своей мятой бумагой. Она хмурилась и шурилась, переводя взгляд с одного на другое.

Я смотрела на Реппин, сидевшую по другую сторону костра. Солнце садилось, и холод снова вступал в свои права. То небольшое тепло, что успели впитать каменные плиты за

день, быстро отступит. Реппин, наверное, мерзнет еще больше из-за лихорадки. Я помалкивала. Реппин сказала правду – она умрет. Не сразу, но жизнь покинет ее. Так сказал мне Волк-Отец, и когда я позволила ему управлять моими чувствами, то поняла, что ее пот пахнет болезнью, проникшей вглубь тела.

В следующий раз кусай там, где кровь хлынет потоком, чтобы убить быстро. Но для первого раза ты справилась хорошо. Пусть даже ты не сможешь съесть эту добычу.

Я не знала, что она умрет от моего укуса.

Не жалея ни о чем, наставительно сказал Волк-Отец. Нельзя вернуться назад и сделать что-то или не делать. Есть только сегодня. Сегодня ты должна принять решение, чтобы выжить. Каждый раз, когда надо выбрать, выбирай то, что позволит тебе остаться живой и невредимой. От сожалений нет толку. Если бы ты не заставила ее бояться тебя, она причинила бы тебе большие увечия. И остальные присоединились бы. Они – стая и следуют за вожаком. Ты научила суку бояться тебя, и остальные это знают. Чего она боится, боятся и они.

Поэтому я не выказывала раскаяния и старалась, чтобы мое лицо ничего не выражало. Хотя, думалось мне, тот, кто придумал, что человечину нельзя есть, был далеко не так голоден, как я. За два дня, что миновали с нашего прибытия, я ела дважды – если жидкий бульон из птицы, в которую Алария метко бросила камнем, и похлебку из двух горстей муки

на полный котелок воды можно назвать едой. Остальным доставалось больше, чем мне. Я хотела из гордости отказаться от той малости, что они мне выделили, но Волк-Отец отсоветовал.

Ешь, чтобы жить, сказал он. Гордись тем, что остаешься в живых.

И я старалась. Ела то, что мне давали, держала язык за зубами и внимательно слушала.

К этому времени они уже развязали мне руки и связали ноги свободно, чтобы я могла помогать в бесконечном поиске хвороста. Новые путы опять отрезали от моей туники. Я опасалась грызть их, чтобы не отобрали еще больше. За мной внимательно следили. Стоило мне хоть немного отойти от Аларии, Двалия била меня палкой. Каждую ночь она привязывала мои запястья к лодыжкам, а потом и к своему запястью. Если я шевелилась во сне, она пинала меня. Со всей силы.

И каждый раз, когда Двалия меня пинала, Отец-Волк рычал:

Убей ее! Как можно скорее. Как только сможешь.

– Кроме нас с тобой, никого не осталось, – шепнула Реппин Аларии той ночью, когда Двалия уже спала.

– Я тоже здесь, – напомнил о себе Виндлайер.

– Я имела в виду истинных небелов, – презрительно пояснила Реппин. – Ты не изучал свитков сновидений. Хватит подслушивать! – И она заговорила еще тише, словно чтобы

дать понять, что его это не касается: – Помнишь, сама Симфэ говорила, что нас выбрали, потому что мы лучшие. Выбрали, чтобы мы помогли Двалии разглядеть Путь. Но она с самого начала нас не слушала. Мы обе знаем, что девчонка не имеет никакой ценности. – Она вздохнула. – Боюсь, мы очень далеко отклонились от Пути.

Алария неуверенно возразила:

– Но у Би была лихорадка, и она сбросила кожу. Это должно что-то да значить.

– Только то, что у нее в роду был какой-то Белый. А не то, что она может видеть сны. И уж точно не то, что она и есть тот Нежданный Сын, которого, как говорила Двалия, мы должны отыскать. – Реппин понизила голос еще больше: – Ты ведь сама понимаешь, что это не она! Даже Двалия уже больше в это не верит. Алария, мы должны защищать друг друга. Больше никто нас не защитит. Когда Симфэ и Двалия предложили этот план, то и Капра, и Колтри были против. Они говорили, что мы уже имели дело с Нежданным Сыном: это тот, кто освободил Айсфира и покончил с Илиторой. Так сказал Любимый, когда вернулся в Клеррес. Он сказал, что один из его Изменяющих, убийца благородных кровей, был Нежданным Сыном. Его народ звал Илиторю Бледной Женщиной. И Нежданный Сын сразил ее. Это всем известно! Трое из Четырех сказали, что сны о нем сбылись и теперь эти пророчества следует отбросить. Только Симфэ не согласилась. И Двалия.

Я затаила дыхание. Они говорили о моем отце! Я тайком читала его записи и знала, что Шут звал его Нежданным Сыном. Но я не подозревала, что в какой-то далекой стране о нем было пророчество. Я тихонько придвинулась ближе к ним.

Реппин продолжала шепотом:

– Симфэ поверила, только когда Двалия показала ей ясные указания на то, что победа Нежданного Сына должна быть полной и окончательной. А это пока не так, потому что Любимый вернулся и его снова пленили. Помнится, Двалия прислуживала Илесторе много лет и была влюблена в нее. Она всегда хвасталась, что, когда Илестора вернется, она, Двалия, станет важной особой. – Следующие слова Реппин выдохнула едва слышно: – Мне кажется, Двалия просто хочет отомстить. Ты ведь помнишь, как она злилась на Любимого. Она считает, что он в ответе за смерть Илесторы. А знаешь, кому принадлежал дом, откуда мы похитили Би? Фитцу Чивэлу.

Алария резко села, сбросил одеяла:

– Нет!

– Да. Фитцу Чивэлу Видящему. – Реппин протянула руку и заставила ее снова лечь. – Вспомни. Чье имя выкрикнул Любимый, когда ему разможили ступню? Имя своего истинного Изменяющего. Он скрывал его, утверждая, что у него было много Изменяющих: убийца, мальчик-раб о девяти пальцах, капитан корабля, избалованная девочка, благо-

родный бастард. Но это неправда. Его единственным истинным Изменяющим был Фитц Чивэл Видящий. А когда я вместе с Двалией ходила по тому дому, мы зашли в комнату, где было много свитков, и она вдруг остановилась, уставилась на что-то и улыбнулась. Там на каминной полке стояла резная фигурка. И одно из лиц у фигурки было лицом Любимого! Такое, каким оно было до допросов. – Она поглубже завернулась в одеяла. – Двалия хотела забрать ее, но тут как раз вломились люди Эллика и стали крушить полки и все разбрасывать. Они забрали оттуда меч. Поэтому мы ушли. Вот кто Би на самом деле. Дочь Изменяющего.

– Они говорили, что хозяйина дома зовут Баджерлок, Том Баджерлок. И Би говорит, что это имя ее отца.

– И что? Тебя удивляет, что эта маленькая сучка врет?

– Но она ведь и Белая тоже, верно?

Алария шептала тихо-тихо. Я напряглась, чтобы разобрать ответ Реппин.

– Ага. А теперь подумай, как так могло получиться. – В ее словах слышался праведный гнев, словно само мое существование было чем-то постыдным.

– Виндлайер все слышит, – предупредила Алария и завозилась, натягивая повыше одеяло на них обоих. – Мне нет дела до всего этого. Я просто хочу домой. Обратю в Клеррес. Я хочу спать в кровати и чтобы, когда я просыпаюсь, меня уже ждал завтрак. Я жалею, что меня вообще выбрали для этой миссии.

– Рука страшно болит. Так бы и прибила эту мелкую дрянь!

– Не говорите так! – сказал Виндлайер.

– А ты бы вообще помалкивал. Это все из-за тебя, все это! – зашипела на него Реппин.

– Подслушивать гадко, – упрекнула его Алария, и все трое замолчали.

Они уже не в первый раз шептались по ночам, хотя я не понимала многого в их разговорах. Реппин жаловалась на рану, обе обсуждали хитросплетения власти в Клерресе, упоминая незнакомые мне имена и непонятные тонкости. Клялись доложить обо всем, что им пришлось пережить, когда вернутся, и соглашались в том, что Двалию непременно накажут. Дважды они обсуждали сны о Разрушителе, который, как утверждала Алария, принесет крики, нечистый дым и смерть. В одном таком сне из желудя, принесенного в дом, вдруг выросло дерево из огня и мечей. Я вспомнила собственное видение, где была кукла с головой из желудя. Есть ли между ними связь? Но мне снился и орех на речной стремнине. Я подумала, что мои сны ужасно непонятные. Почти как у Реппин, хотя ей только и снилось что тьма и голос в ней: «Грядет Разрушитель, вами созданный».

Я тщательно запоминала все, что удавалось выудить из перешептываний. Какие-то важные люди были против того, чтобы Двалия отправлялась со своей миссией. Она настаивала, и они уступили, но только потому, что Любимый сбе-

жал. Из записок отца я знала, что Любимый – это тот, кого звали Шутом и лордом Голденем. Четверо грозили Двалии суровой карой, если та явится с пустыми руками. Она обещала им привести Нежданного Сына. А у нее была только я.

С Виндлайером они ничего обсуждать не желали, но он так жаждал их внимания, что терпел все оскорбления. Однажды ночью, когда Алария и Реппин шептались, укрывшись шубами, он встрял со словами:

– Мне тоже приснился сон.

– Ничего тебе не снилось!

– Снилось! – Виндлайер стоял на своем, словно непослушный ребенок. – Мне снилось, что в комнату принесли маленький сверток, который никто не хотел брать. Но кто-то развернул его. И оттуда вырвались пламя, и дым, и громкий шум, и комната вокруг тех, кто был в ней, развалилась на куски.

– Тебе это не снилось, – презрительно выпалила Реппин. – Все ты врешь! Ты просто подслушал, как я рассказывала этот сон, и повторяешь.

– Я не слышал, чтобы ты рассказывала такой сон. – Голос его был полон искреннего возмущения.

Алария глухо прорычала в ответ:

– Лучше не рассказывай этот сон Двалии, потому что я уже ей его рассказала! Она поймет, что ты врешь, и отлупит тебя палкой!

– Но мне это правда снилось, – захныкал тот. – Иногда

Белым снятся одни и те же сны, сама знаешь.

– Ты не Белый. Ты родился неправильным, ты и твоя сестра. Вас надо было утопить.

Я затаила дыхание, ожидая, что Виндлайер вскинется в ярости. Но он ничего не сказал. Дул холодный ветер, и единственное, что у нас было общего, – это страдания. И сны.

С самого раннего детства мне снились яркие сны, и я чувствовала, что они важны, что о них надо кому-то рассказать. Дома я записывала их в дневник. С тех пор как меня похитили Слуги, сны становились все более мрачными и зловещими. Я никому их не рассказывала и не записывала. Видения рвались наружу, торчали костью в горле. С каждым новым из них все невыносимее становилось желание поделиться ими или записать. Мне снилось что-то непонятное. Один раз я стояла с факелом на перекрестке под осиным гнездом. Покрытая шрамами девочка держала на руках ребенка, и Неттл улыбалась ей, хотя и девочка, и Неттл плакали. Какой-то человек варил кашу и сжег ее, и волки выли от боли. Желудь сажали в щебень, и из него выросло дерево из пламени. Земля содрогалась, и небо проливалось черным дождем; он лил и лил, и от этого драконы задыхались и падали с изодранными крыльями. Глупые, бессмысленные сны, но желание ими поделиться подступало настойчиво, словно тошнота к горлу. Я приложила палец к холодному камню и притворилась, будто пишу и рисую. Желание отступило. Я подняла глаза к звездному небу. Ни облачка. Сегодня будет особенно

холодно. Я потуже завернулась в шаль, но это не помогло.

* * *

Третий день прошел, а за ним и четвертый. Двалия мерила площадь шагами, бормотала что-то себе под нос, сверялась с бумагами и пергаментом. Мои синяки успели побледнеть, но все тело по-прежнему болело. Отек на глазу спал, однако один из задних зубов все еще шатался. Рассеченная кожа на скуле почти срослась. Никому не было дела.

– Отведи меня назад сквозь камень, – потребовала Реппин вечером четвертого дня. – Может, если мы вернемся в Шесть Герцогств, там меня спасут. Или я хотя бы умру в постели, а не в грязи.

– Неудачники умирают в грязи, – равнодушно сказала Двалия.

Реппин вскрикнула и легла на бок. Она вытянула ноги, прижимая к себе больную руку. В эту минуту мое отвращение к Двалии сравнялось с ненавистью.

Алария тихо заговорила в сгущающихся сумерках:

– Мы не можем оставаться здесь. Куда мы пойдем? Почему не пойти по той старой дороге? Должна же она куда-то вести. Возможно, в город, где есть теплый ночлег и еда.

Двалия сидела у огня, протянув к нему руки, чтобы согреться. При этих словах она скрестила руки на груди и свирепо уставилась на Аларию:

– Ты что, задаешь вопросы?

Та опустила глаза:

– Я просто размышляю. Разве нам, небелам, не положено быть твоими советниками? Разве не затем нас послали с тобой, чтобы мы помогали тебе отыскать истинный Путь и принять верные решения? – Голос ее сделался выше, визгливее: – Колтри и Капра не хотели отпускать тебя! Они разрешили только потому, что Любимый сбежал! Мы должны были выследить его и убить! И уж потом, может быть, схватить Нежданного Сына, если Любимый приведет нас к нему. Но ты дала Видящему увести Любимого, чтобы мы смогли ограбить его дом. Все эти убийства!.. А теперь мы потерялись в лесу с бесполезной девчонкой, которую ты украла! Видит она сны? Нет! Так что от нее проку? Зачем ты вообще нас сюда привела – чтобы мы тут умерли? Может, правдивы были слухи, что Любимый не сам сбежал, а вы с Симфэ его выпустили?

Двалия вскочила на ноги и нависла над Аларией:

– Я – лингстра! А ты – молодая и глупая небела! Если приспичило поразмыслить, подумай над тем, почему костер вот-вот догорит. Пойди принеси еще дров.

Алария послушалась не сразу, словно подумывала воспротивиться. Потом все-таки поднялась и неохотно побрела в полумрак, сгущающийся под деревьями. За эти дни мы собрали весь хворост поблизости. Чтобы найти еще, ей придется углубиться в лес. Вернется ли она назад? Волк-Отец

уже дважды чуял слабый, но гнилостный запах в воздухе.

Медведь, предупредил он меня.

Я испугалась.

Он остерегается подходить к вам, пока вас так много и вы сидите у костра. Но если он вдруг передумает, пусть остальные бегают и вопят. Ты не сможешь бежать быстро, не убежишь далеко. Поэтому лежи тихо-тихо и не шевелись. Может быть, он погонится за другими.

А если нет?

Лежи тихо-тихо и не шевелись.

Спокойнее мне не стало, и я понадеялась, что Алария вернется благополучно и принесет охапку сухих веток.

– Ты, – вдруг сказала Двалия. – Иди с ней.

– Вы уже связали мне ноги на ночь. И руки. – Я притворилась недовольной. Если меня отправят за дровами, то сейчас, в сумерках, я почти наверняка сумею улизнуть.

– Не ты. Я не дам тебе сбежать в темноте и сдохнуть в лесу. Реппин, принеси дров.

Реппин едва могла поверить своим ушам:

– Меня рука почти не слушается. Я не могу собирать хворост.

Двалия с яростью посмотрела на нее. Я думала, что она прикажет Реппин встать, но Двалия только поджала губы.

– Беспольна, – холодно бросила она. – Виндлайер, принеси дров.

Тот медленно поднялся. Он не поднимал глаз, но я видела,

как ему не хочется идти, по тому, как он сутулился, ковыляя туда, где скрылась Алария.

Двалаия вернулась к занятию, которому посвящала каждый вечер: стала разглядывать маленький свиток и мятую бумагу. До этого она несколько часов бродила вокруг колонн на краю площади, глядя то на выбитые на них руны, то в свиток. Некоторые из рун я видела в записях отца, хранившихся в его кабинете. Неужели она попытается снова пройти сквозь камни? Кроме того, Двалаия прошла немного по старой дороге в обе стороны и вернулась раздосадованная, качая головой. Я не знала, что страшит меня больше: что она потащит нас в столп Силы или что мы из-за нее умрем тут от голода.

На дальнем краю площади Керф плясал, притопывая. Я могла слышать музыку и видеть танцующих Элдерлингов вокруг него, если разрешала себе. Алария вернулась с несколькими заледеневшими зелеными ветками. Гореть они будут, но тепла от такого огня мало. Виндлайер брел за ней, он нес кусок, отломанный от полусгнившего поваленного дерева. Мха в его ноше было больше, чем древесины. Когда они шли через площадь, вокруг них закружился в быстром танце Керф, отбивая ритм ногами.

– Отстань! – огрызнулась Алария, но он только широко ухмыльнулся, развернулся и вновь присоединился к веселым пляскам Элдерлингов.

Мне не нравилось, что мы ночевали посреди открытой

взгляду площади, но Двалия утверждала, что земля в лесу грязная. А я бы предпочла лесную грязь гладким обтесанным камням, которые беспрестанно что-то нашептывали и бессвязно бормотали. Когда я не спала, мне удавалось удерживать мысленные стены, пусть это и отнимало много сил. Но по ночам, когда усталость все-таки пересиливала, я оставалась беззащитна перед голосами, запечатленными в камнях. Ярмарка оживала: над ароматными кострами копилось мясо, жонглеры подбрасывали и ловили сверкающие самоцветы, а одна бледная певица, казалось, могла меня видеть. «Будь сильнее, будь сильнее, иди туда, где тебе родней», – пела она мне. Но ее слова больше пугали, чем успокаивали меня. В ее глазах я читала веру в то, что мне предстоит совершить нечто ужасное и чудесное. Нечто такое, что могу сделать только я? Тут рядом со мной с размаху уселся калсидиец, и я испуганно вздрогнула. Я так укрепила свои стены, что не почувствовала его приближения.

Опасность! – предупредил Волк-Отец.

Керф сел, скрестив ноги, и весело улыбнулся мне:

– Отличная ночка для праздника. Пробовала копченую козлятину? Она превосходна! – Он показал куда-то в темнеющий лес по ту сторону площади. – Вон у того торговца под лиловым навесом.

Безумие сделало его общительным. При упоминании о еде у меня засосало под ложечкой.

– Превосходна, – тихо сказала я, рассчитывая, что, если

во всем соглашаться, этот разговор быстрее закончится.

Он с серьезным видом кивнул и подвинулся чуть ближе к огню, протянув к нему испачканные в саже руки. Даже спятив, калсидиец оказался умнее Реппин: палец, который я укусила, был перевязан полоской ткани, оторванной от рубашки. Керф порылся в прочном мешочке у себя на поясе и вытащил оттуда что-то маленькое и длинное, какую-то палочку.

– Вот, – сказал он и сунул ее мне.

Я попыталась оттолкнуть палочку связанными руками, но почувствовала запах еды. Вяленое мясо. Во мне вдруг проснулся такой жуткий голод, что сама поразилась. Рот наполнился слюной. Дрожащими руками я поднесла полоску мяса ко рту. Оно было сухое и жесткое, мне не удавалось откусить ни крошки. Я жевала и сосала мясо и поймала себя на том, что тяжело дышу, пытаюсь отгрызть кусочек, который могла бы проглотить.

– Я знаю, что ты сделала.

Я вцепилась в добычу, испугавшись, что он отберет ее. Двалия оторвалась от своих бумаг и хмуро смотрела на нас. Я знала, что она не будет пытаться забрать у меня мясо: побойтся моих зубов.

Керф похлопал меня по плечу:

– Ты пыталась спасти меня. Если бы я выпустил твою руку, когда ты укусила меня, я бы остался там с прекрасной Шун. Теперь-то я это понимаю. Ты хотела, чтобы я остался,

защищал и завоевал ее.

Я упрямо жевала мясо. Надо сгрызть как можно больше, пока кто-нибудь не отобрал его. Я запоздало кивнула Керфу. Пусть думает что хочет, лишь бы кормил.

Он вздохнул и устался в ночь:

– Я думаю, мы очутились в царстве мертвых. Хотя я его себе не таким представлял. Я чувствую холод и боль, но слышу музыку и вижу прекрасное. Не могу понять, кара это или награда. И почему я до сих пор с этими людьми, когда меня должны судить предки. – Керф угрюмо взглянул на Двалию. – Эти люди злее смерти. Наверное, поэтому мы застряли здесь, на полпути, в глотке смерти.

Я снова кивнула. Мне удалось отгрызть кусочек мяса, и я старательно пыталась разжевать его до волокон. Никогда еще мне не приходилось так мучительно предвкушать поглощение еды.

Калсидиец отвернулся от меня и принялся шарить у пояса. Когда он снова обратился ко мне, в руке его блеснул большой нож. Я попыталась отползти, но он поймал меня за путы на ногах и подтянул к себе. Нож был остр. Он мгновенно разрезал скрученную полоску ткани, и путы упали. Я вырвалась из его рук. Керф потянулся ко мне снова:

– А теперь руки...

Довериться или нет? Нож такой острый, что отрежет палец так же легко, как расправился с моими путами. Я сжала полоску мяса зубами и протянула ему связанные руки.

– Ну и туго же! Тебе больно?

Не отвечай.

Я молча смотрела ему в глаза.

– Да у тебя уже запястья опухли!

Он осторожно просунул лезвие между моими кистями.

Оно было холодное.

– А ну прекрати! Что ты творишь! – Двалия наконец дала своему гневу выход.

Калсидиец едва взглянул на нее. Он взял одну из моих рук, чтобы было удобнее, и стал резать ткань.

Тут Двалия меня удивила. Она как раз привстала, чтобы подбросить в огонь тяжелый сук. И теперь сделала два шага и обрушила сук на затылок Керфа. Калсидиец повалился на землю, по-прежнему сжимая нож. Я высвободила руки, разорвав последнюю полоску ткани, и вскочила на ноги. Но успела пробежать лишь пару шагов на онемевших ногах: Двалия схватила меня за шиворот, придушив. Первые два удара ее дубинки опустили на мое правое плечо и ребра.

Я развернулась, не обращая внимания на то, что воротник сдавил мне горло, и со всей силы пнула ее по голени и колену. Двалия закричала от боли, но меня не выпустила, а ударила дубинкой по голове. Покореженное ухо вспыхнуло болью, рот наполнился кровью, однако меня встревожила не боль, а то, что перед глазами все по краям стала заволакивать тьма. Я извернулась, но только подставила другую сторону головы под новый удар. Было смутно слышно, как Двалия

кричит, веля остальным хватать меня, но никто не кинулся ей на помощь.

Виндлайер стонал:

– Не надо, не надо, не надо, – все пронзительней с каждым разом.

Я разозлилась: почему он только мычит, но не помогает мне? И я отдала ему свою боль.

Двалия снова ударила меня по уху. Колени мои подогнулись, и я повисла на собственном воротнике. Я была слишком тяжелой для нее, и она рухнула на меня. Плечо пронзило болью.

На меня накатили чужие чувства. Как тогда, когда отец и Неттл объединяли разумы или когда мысли отца бурлили слишком сильно и он забывал сдерживать их.

Не делайте ей больно! Не делайте ей больно! Не делайте ей больно!

Двалия выпустила мой воротник и скатилась с меня, издав странный звук. Я не пыталась встать. Просто лежала и старалась заново наполнить легкие воздухом. Полоска мяса потерялась. Рот был полон крови. Я повернула голову набок и приоткрыла рот, чтобы она вылилась.

Не умирай. Пожалуйста, не умирай и оставь меня в покое, донесся до меня мысленный шепот Виндлайера.

А... Так вот оно что. Когда я отдавала ему свою боль, то открыла для него путь в свой разум. Опасно. Собрав всю силу воли, я отгородилась от него. Глаза мои жгли слезы. Сле-

зы ярости. Можно было дотянуться зубами до лодыжки Двалии. Может, мне удастся отхватить кусок мяса с ее ноги?..

Нет, волчонок. Палка все еще у нее. Отползай. Тихонько. Прежде чем нападать на нее, надо быть уверенной, что ты сможешь убить ее.

Попыталась червяком отползти прочь. Но рука не слушалась. Бесплезно валялась рядом. Меня сломали. Я заморгала от боли, перед глазами заплясали черные точки. Двалия встала на четвереньки, потом с кряхтеньем выпрямилась и потопала прочь, не взглянув на меня. Обошла костер, снова опустилась на тюк с вещами и давай дальше вглядываться то в мятый лист бумаги, то в свиток, который достала из костяного футляра. Она медленно поворачивала куски бумаги, потом вдруг склонилась над ними. Сложила их рядышком на коленях и стала рассматривать по очереди.

Калсидиец медленно сел. Пощупал свой затылок, поднес руку к глазам и потер увлажнившиеся пальцы друг о друга. Он посмотрел, как я тоже сажусь, и покачал головой, увидев безвольно болтающуюся руку.

– Сломана, – прошептала я.

Мне было отчаянно необходимо, чтобы кому-то было не все равно, как меня покалечили.

– Злее смерти, – тихо проговорил он.

Керф протянул руку и ткнул пальцем в мое плечо. Я вскрикнула и отшатнулась.

– Не сломана, – заключил он. – Не сломана, но я не знаю,

как по-вашему сказать, что с ней.

Калсидиец сжал руку в кулак и обхватил его пальцами другой руки. Потом рывком выдернул кулак из собственной хватки.

– Выскочила, – сказал мне Керф. Потянулся ко мне, и я сжалась, но он только махнул рукой на мое плечо. – Выскочила.

– Мне рукой не пошевелить.

Внутри росла паника. Я с трудом могла дышать.

– Ляг. Не двигайся. Расслабься. Иногда оно само становится на место. – Он поглядел на Двалию. – Она – оса.

Я непонимающе уставилась на него. Керф слабо улыбнулся:

– Это калсидийская поговорка. Если пчела жалит, она умирает. Она расплачивается за боль, которую причинила. Оса может жалить снова и снова. Ей ничего не будет за то, что она делает тебе больно. – Он пожал плечами. – Вот они и жалят. Ничего другого не умеют.

Двалия вдруг вскочила на ноги:

– Я знаю, где мы очутились! – Она покосилась на маленький свиток в руке. – Руны совпадают! Это глупо, но выходит, что так! – Она уставилась в темноту. Потому глаза ее сузились, и выражение лица изменилось: она что-то поняла. – Он солгал нам. Он солгал МНЕ! – взревела Двалия.

Я думала, она была страшна, когда злилась, но когда она вышла из себя, то стала еще страшнее.

– Он солгал мне! Рыночная площадь, говорил Прилкоп, на нахоженной дороге! Он думал, что очень умный. Он обманом заманил меня сюда! Обманул меня! – Последние слова она выкрикнула, лицо ее исказилось от ярости. – Прилкоп! – проговорила Двалия, брызжа слюной. – Всегда такой снисходительный. Такой спокойный и надменный. И Любимый, такой молчаливый, а потом как начнет трещать, и трещит, и трещит! И все ложь! Что ж, я заставила его кричать. Я выбила правду из них обоих, или нет?

– По-видимому, нет. – Алария произнесла это еле слышно, уставившись себе под ноги. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня, услышал ее.

Но голова Реппин дернулась, как будто слова донеслись до нее, и она попыталась выпрямиться, сидя.

– Ты думала, что победила. Ты думала, что выбила правду, терзая его тело. Но он оказался сильнее тебя, верно? Умнее. Прилкоп обманом заставил тебя привести нас сюда, и вот мы здесь, голодаем. Умираем! – Ее голос сорвался.

Двалия пустыми глазами уставилась на Реппин. Потом смяла желтоватую карту обеими руками, встала и засунула ее в мешок, на котором сидела. Маленький свиток она свернула и убрала обратно в футляр. И приветственно помахала костяной трубочкой Реппин:

– Не все, Реппин. Не все мы тут умрем. – Ее улыбка сделалась шире, Двалию распирала гордость. – Я расшифровала это. Прилкоп солгал мне, но истинный Путь всегда победит!

Она порылась глубоко в мешке, вытащила маленький мешочек, развязала шнурок на нем и достала тонкую перчатку. Во мне зарычал Волк-Отец. Я уставилась на нее. Мне вдруг сделалось дурно, хотя я не знала отчего. Двалия принялась медленно и осторожно натягивать перчатку на руку, продевая каждый палец на свое место. Она уже надевала ее, когда утащила всех нас в столп Силы.

Двалия встала:

– Соберите вещи, приведите пленницу. Идите за мной.

Пленница. При звуке нового именованя меня словно грязной водой окатило. Двалия не оглянулась, чтобы убедиться, послушались ли ее. С видом превосходства она подошла к одной из колонн и изучила символы на ней.

– Куда она ведет? – робко спросила Алария.

Калсидиец пошел следом за Двалией. Только он, больше никто. Я отодвинулась от костра. Мои руки были свободны, ноги не связаны. Их покалывало из-за онемения, а плечо, наоборот, кричало от боли. Может, получится встать и убежать? Отталкиваясь от земли здоровой рукой, я еще немного отодвинулась в темноту. Все тело болело. Если я смогу потихоньку откатиться, возможно, мне удастся уползти...

Реппин встала и попыталась одной рукой подобрать мою шубу.

– Не знаю, смогу ли я нести мешок, – извиняющимся тоном сказала она.

Никто ей не ответил.

Не обращая внимания на сердитый взгляд Двалии, Керф встал рядом с ней и уставился на колонну. Потом протянул руку и провел пальцами по высеченным в ней рунам.

– Вот эту я помню, – сказал он и как-то странно улыбнулся. – Я стоял на коленях почти что на ней, и больше смотреть было не на что. Мы бдели у тела моего деда в Палате Опрокинутых Дверей в замке герцога Калсиды. Это была большая честь, что тело деда выставили для прощания в таком месте. На следующий день его сожгли на погребальном костре в гавани.

Двалия одарила его недобрым взглядом и улыбнулась:

– Это было в Калсиде, верно?

Он кивнул:

– Оттуда до имения моей семьи всего полдня верхом. Говорят, замок герцога построен на месте, где в древности была великая битва. Четыре таких камня, как этот, повалили на землю и вделали заподлицо в пол той палаты. Говорили, что тебе очень повезет, если удастся отколоть от одного из них кусочек на удачу. Я пытался, но камень оказался твердый как железо.

Улыбка Двалии стала шире.

– Так я и думала! Мы по-прежнему на верном Пути, мои небелы. Теперь я уверена. Недаром нам так улыбнулась удача. – Она похлопала костяным футляром по ладони. – Сама судьба вложила этот свиток в мои руки. Рисунки на нем сделаны странным манером, а надписи на чужом языке, но я

сумела разгадать его. Я отыскала на этой карте место, где мы сейчас, и я знаю, что этот камень перенесет нас в Калсиду. Керф отведет нас в свое семейное имение и представит как друзей. А его родные дадут нам все, что нужно, чтобы мы добрались домой. – Она повернулась к Виндлайеру. – Так, Виндлайер?

Керф явно растерялся. Виндлайер тащил один мешок за плечами, а другой волок по земле; он выглядел усталым и неуверенным. Свет костра играл на его лице, и Виндлайер казался то подобострастным слугой, то побитым псом.

– Мои родичи помогут вам? – переспросил Керф.

– Ты попросишь их уважить нас, – заверила его Двалия.

Я еще немного отползла от огня. При каждом движении боль в выдернутом из сустава плече становилась почти нестерпимой. Прижала покалеченную руку здоровой. Как больно мне будет, если я встану и побегу?

– Мне шубу не поднять, – пожаловалась Реппин, ни к кому в особенности не обращаясь.

– Нет, – покачал головой Керф. – Я не смогу просить за вас моих родичей. Я даже для себя ничего попросить не смогу. Они захотят узнать, как так вышло, что я остался в живых и вернулся, когда все мои товарищи погибли. Они решат, что я бежал с поля боя, бросив моих братьев по оружию умирать. Я буду покрыт позором.

Двалия нацепила на лицо улыбку, взяла Керфа за руку рукой без перчатки и зыркнула на Виндлайера:

– Уверена, твоя семья с радостью примет нас, если ты замолвишь за нас словечко. Уверена, они будут гордиться тобой.

Не сводя с них глаз, я продолжала отползать в темноту. От боли в руке аж тошнило. Лицо Виндлайера застыло, когда тот направил силу мысли вовне. Я чувствовала, как отчаянно он ломится в разум Керфа, словно до меня доносилось эхо далекого крика. Калсидиец, не сводя с Двалии глаз, перестал хмуриться, лицо его разгладилось. Реппин оставила попытки подобрать мою шубу и с пустыми руками поковыляла к остальным. Там она понимающе улыбнулась и кивнула самой себе, глядя, как Виндлайер творит свою магию, но никто не обратил на нее внимания. Я согнула ноги и оттолкнулась ими, отодвинувшись еще дальше.

– Ну конечно же, моя семья с радостью примет вас. Все, что у нас есть, мы предоставим в ваше распоряжение, – сказал Керф Двалии, уверенно улыбаясь.

– Алария, приведи ее! – крикнула Двалия, глядя не на меня, а мне за спину.

Я обернулась. От злобного торжества на лице Аларии меня мороз продрал по коже. Все это время, пока я следила за Двалией, она была у меня за спиной. Сейчас или никогда. С силой оттолкнувшись здоровой рукой, я сумела встать на ноги и прижала непослушную руку к животу. Я побежала.

Алария догнала меня через три шага. Она схватила меня за волосы и пнула по ноге так, словно всю жизнь только об

этом и мечтала. Я закричала. Алария помотала мою голову туда-сюда, как лиса треплет пойманного зайца, а потом отшвырнула меня в сторону. Я упала на больное плечо. Алые вспышки, черные пятна. Я не могла вдохнуть. Вообще ничего не могла. Но тут она схватила меня за рубашку на спине и подняла, почти поставив на ноги.

– Иди! – крикнула Алария. – Иди, а не то я еще тебе врежу!

Подчиниться было трудно, не подчиниться – невозможно. Алария была выше и сильнее меня, и ее никто не избивал. Она удерживала меня за одежду и тянула вверх так, что получалось идти только на цыпочках. Уже на полпути к Двалии и остальным, с трудом удерживая равновесие, я поняла, что в плече пульсирует тупая алая боль и рука снова слушается меня. Ну хоть что-то...

У колонн Двалия выстраивала своих утят на собственный вкус.

– Я пойду первой, – объявила она, как будто кто-то другой мог вести нас. – Виндлайер возьмет меня за руку, а другую руку даст Керфу.

Она тепло улыбнулась калсидийцу, который согласно кивал, и я поняла: эти двое важнее всего для нее. Чтобы выжить, ей надо, чтобы колдун и солдат из Калсиды прибыли с ней.

– Потом девчонка. Керф, держи ее крепко. Только не за руку: помни, она кусается. Держи ее за шею сзади. Вот так.

Алария, ты пойдешь последней. Возьми ее за руку повыше, у плеча, и держи изо всех сил.

Алария была рада исполнить этот приказ, и мне оставалось лишь слабое утешение, что это будет мое неповрежденное плечо. Керф вцепился мне в шею, в нем не осталось и следа доброты, которую он выказывал ко мне прежде. Калсидиец снова сделался марионеткой Виндлайера.

– Погодите! А я? Я пойду последней? – возмущенно спросила Реппин.

Двалия холодно посмотрела на нее:

– Ты не пойдешь последней. Ты не нужна. Ты не пошла за дровами. Сама решила быть бесполезной. Алария, сходи принеси ту шубу. Возможно, удастся выручить за нее денег в Калсиде. И мешок Реппин прихвати.

Глаза на бледном лице Реппин сделались огромными. Алария выпустила меня и побежала выполнять поручение. Калсидиец цепко держал меня. Алария спешила. Она что, пытается доказать свою полезность? В мгновение ока та вернулась с мешком Реппин на спине и моей некогда белой шубой, перекинутой через руку. И схватила меня за плечо, вонзив ногти.

– Вы не можете меня тут бросить! Мне нужен мой мешок! Не бросайте меня!

В свете костра лицо Реппин казалось мертвым. Прокушенную руку она прижимала к груди. Здоровой попыталась схватить Аларию за запястье. Та отвернулась от нее и при-

жала к сердцу мою шубу свободной рукой, так чтобы Реппин ее не достала. Хватка Аларии на моем плече сделалась сильнее. Интересно, отчего? Может, она пытается ожесточить свое сердце, прежде чем бросить Реппин, а может, испытывает облегчение? Возможно, просто радуется, что это не ее здесь бросят. Теперь я поняла, как Двалия удерживает их в своей власти. Когда она жестоко обращается с кем-то из своих людей, другие радуются, что могут ненадолго перевести дух. Небелы не знают преданности, только страх перед Двалией и надежду на ее подачки.

– Пожалуйста! – завопила Реппин в ночи.

Виндлайер тихонько пискнул. Он отвлекся на миг, и хватка Керфа на моем затылке ослабла.

– Она бесполезна! – прорычала Двалия. – Она умирает, она ноет, на нее приходится тратить то небольшое, что у нас осталось. Не сомневайся в моих решениях, Виндлайер. Вспомни, что случилось в прошлый раз, когда ты меня послушался. Сколько погибших, и все по твоей вине! Слушай меня и держи крепко, иначе я и тебя здесь оставлю!

Я вдруг осознала опасность:

– Нельзя этого делать! Лучше пойдем по дороге, должна же она куда-то вести. Стоячие камни опасны! Мы можем вообще никогда не выйти оттуда или потерять разум, как Керф!

Никто не услышал моих предостережений, как я ни кричала. Двалия прижала руку в перчатке к резной поверхности

камня. Ее втянуло в камень медленно, как кусок имбиря тонет в теплом меде. В свете брошенного костра было видно, как она погрузилась в камень. Виндлайер последовал за ней, задыхаясь от ужаса. Он смотрел, как его пальцы, запястье, локоть уходят в камень, и хныкал.

– Мы плывем с мертвецами! – выкрикнул Керф. На лице его застыла безумная усмешка. – В разрушенный дворец мертвого герцога!

Мне показалось, что калсидиец вошел в колонну медленнее, чем Виндлайер, словно камень отторгал его. Я упиралась, но рука Керфа по-прежнему крепко держала меня за шею, даже когда все остальное уже погрузилось в камень. Я посмотрела наверх, когда он подтаскивал меня к колонне, и дыхание у меня перехватило от ужаса. Дополнительная отметка на камне была не так уж нова. Она была прорезана не так глубоко, как изначальные руны, но смысл ее не оставлял сомнений. Кто-то нарочно провел глубокую царапину поперек руны, словно чтобы предостеречь любого, кто решил воспользоваться этим проходом.

– Папа! – закричала я. Крик одинокого ребенка, который никто не услышит. – Папа, помоги мне!

В следующий миг моя щека коснулась камня, и меня затянуло в смоляную тьму.

Глава 4

Калсида

Мы изучили множество старых свитков, в том числе такие, что прежде не были переведены, и я убедился, что легендарные Элдерлинги из наших сказаний – это народ, который некогда на протяжении жизни многих поколений населял обширные земли. Но их города и культура пришли в упадок задолго до того, как был заложен Олений замок. Сведения, почерпнутые из брусков камня памяти – мы зовем их «кубики Силы», – только подтвердили это предположение.

Почему же Элдерлинги, мудрый народ, владевший могущественной магией, исчез из нашего мира? Есть ли тут связь с исчезновением драконов, еще одним событием, которому мы не можем найти объяснение? А теперь, когда и драконы, и Элдерлинги вернулись в мир, как это скажется на будущем рода человеческого?

И как много правды в наших легендах о союзе между Элдерлингами и Видящими, заключенном в незапамятные времена? Именно этот союз пытался возродить король Верити, отправляясь в Дождевые чащобы. Встретился ли он там с живыми Элдерлингами во плоти, или то была лишь запечатленная память о них? Ответы на эти вопросы мы, возможно, найдем, если будем и дальше

исследовать кубики Силы.

Чейд Фаллстар, «Исчезающие Элдерлинги»

Моя мать так иногда делала. Когда хотела перенести меня.

Подернутое дымкой воспоминание: логово, мать несет меня, держа за шкурку. Мысль была не моя, зато она первой пришла ко мне. Кто-то цепко держал меня на шиворот, сжимая волосы, кожу и воротник рубашки. Воротник – вот что душило меня! Меня вытащили из трясины, и кто-то закричал:

– Здесь нет места! Брось ее! Места нет!

Чернота была непроницаемой. Прикосновение воздуха к лицу. В панике я вцепилась одной рукой в чью-то рубашку и заползла на Керфа. Он лежал на боку. Я приподняла голову и ударилась обо что-то. Кто-то цеплялся за мою руку и пытался заползти следом, и это было еще хуже. Калсиди-ец подо мной перевернулся на спину. Я скатилась с него и оказалась зажата между ним и стеной. Машинально попыталась оттолкнуть его, чтобы освободить побольше места. Но он был тяжелый, мне не удалось его сдвинуть, а потом вдобавок Алария ахнула и, повизгивая, вскарабкалась на него, на мое прежнее место.

Визги перешли в крики:

– Отпусти! Пусти меня!

Она билась, лежа на Керфе.

– Твои ноги бьют по мне, – с упреком сообщил Виндлайер.

– Пусти! – вопила Алария.

– Я тебя пальцем не трогаю. Прекрати брыкаться, – велела ей Двалия. – Виндлайер, слезь с меня.

– Не могу! Я застрял. Тут слишком тесно. – Он задыхался от ужаса.

«Где мы? Что с нами произошло?» – гадала я.

Двалия попыталась говорить командным тоном, но у нее ничего не вышло. Не хватало дыхания.

– Тихо, все!

– Меня тошнит. – Виндлайер рыгнул. – Это было ужасно. Они все висли на мне. Хочу домой. Я не могу. Не хочу это делать. Мне надо домой. – Он лепетал, словно ребенок.

– Отпусти! – голосила Алария уже навзрыд.

– Помогите! Я тону! Подвинься, я не могу вылезти из-за тебя!

Я узнала голос и учуяла запах Реппин. Ее загноившаяся рука страшно воняла. Наверное, она так старалась вылезти, что у нее открылась рана.

– Моя рука... Я не могу выбраться! Вытащите меня, кто-нибудь! Не бросайте меня здесь! Не бросайте меня с ними!

Где же мы?

Успокойся. Выясни, что произошло, потом составь план.

Уверенность Волка-Отца заполнила меня. Дыхание со свистом вырывалось у меня из груди. Но его голос в моей голове был таким спокойным...

Слушай. Ощупывай. Принюхивайся. Что ты можешь по-

нять?

Трудно было уговориться, когда рядом со мной пыхтели, били наотмашь и боролись.

Алария умоляла:

– Пусти! Тут нет места! Не тащи меня обратно! Ай!

Реппин не закричала. Только издала протяжный стон, который внезапно оборвался глухим бульканьем, будто тяжелый камень упал в компостную яму. И вот уже только пыхтение Аларии нарушает тишину.

– Ее затащило обратно в камень, – сказала Двалия скорее утвердительно, чем вопросительно.

И тогда я вспомнила, что она потащила нас в столп Силы.

– Мне пришлось! Пришлось оттолкнуть ее! Здесь больше нет места! Ты сама сказала бросить ее. Я не виновата! – Алария больше оправдывалась, чем раскаивалась.

– Замолчи! – Голос Двалии все еще срывался на писк от нехватки воздуха. – Я буду говорить. Виндлайер, слезь с меня.

– Прости. Я застрял тут. Керф затолкал меня на тебя, когда выбирался. Я не могу пошевелиться. Камень давит. – Он был на грани истерики. – Меня так тошнит... И я не вижу! Я что, ослеп? Лингстра Двалия, я ослеп?

– Нет. Тут темно, идиот. И не смей блевать на меня. Ты так навалился, что в лепешку меня раздавишь. Подвинься.

До меня донеслись звуки возни, потом хныканье Виндлайера:

– Не могу, мне некуда двигаться! Меня самого расплющило.

– Если не можешь сделать ничего хорошего, хоть не дергайся. Эй, калсидиец! – Двалия задыхалась. Виндлайер был упитанный, а она застряла под ним. – Керф?

Тот хихикнул. Страшно было слышать хихиканье из уст огромного мужчины в темноте.

– Прекрати! Двалия, он меня щупает! – В голосе Аларии звучали возмущение и ужас.

Керф снова хихикнул и вытащил руку из-под меня. Поднял ее, дав мне чуть больше места, и я догадалась, что он обнял и прижал к себе Аларию.

– Хорошо, – сказал калсидиец хрипло, и я почувствовала, как он прижался к ней бедрами.

– Прекрати! – взмолилась она, но тот в ответ только зарычал и гортанно хохотнул.

Он упирался в меня плечом, и я почувствовала, как напряглись его мышцы, когда он притиснул Аларию ближе к себе. Его дыхание сделалось глубже. Керф начал ритмично ерзать рядом со мной туда-сюда, вжимая меня в стену. Алария разрыдалась.

– Не обращай на него внимания, – холодно велела ей Двалия.

– Он пытается взять меня силой! – пискнула та. – Он...

– Ему не хватит для этого места, так что не обращай внимания. Он даже свои штаны спустить не сможет, про твои и

говорить не приходится. Представь, что он – всего лишь собачонка, которая пристаёт к твоей ноге. – (Мне послышалось или в голосе Двалии прозвучало удовлетворение? Она что, радуется унижению Аларии?) – Мы очутились в ловушке, а ты пищишь, что мужчина тебя трогает. Нашла чего бояться.

Алария в ответ жалобно захныкала, в такт толчкам Керфа: – Девчонка, Би... Она выбралась из камня? Она жива?

Я лежала тихо-тихо. Мне удалось высвободить вывихнутую руку, и я, не обращая внимания на боль в плече, ощупывала свою тюрьму. Камень подо мной. Слева – Керф. Справа – каменная стена, насколько я могу дотянуться. Подняв руку, коснулась кончиками пальцев каменного потолка. Камень был гладкий, как полированный пол. Я пошевелила ступнями. Снова камень. Даже если бы я была одна, то не смогла бы сесть, так тут было тесно. Где же мы?

Калсидиец ерзал все быстрее, шумно дыша открытым ртом.

– Алария, пощупай там вокруг. Девчонка вышла из камня?

– Должна... была... Ой! Я выбралась... потому что держалась... за нее. – Голос Аларии делался все тише и тоньше. Калсидиец продолжал пыхтеть. – Это так... гадко. Он слюнявит мне лицо. Он воняет. Прекрати! – Она сорвалась на крик, но Керф только начал покряхтывать.

– Можешь ее нашарить? Она жива? – гнула свое Двалия. Я лежала не шевелясь. Керф по-прежнему страстно рас-

качивался, но я почувствовала, как рука Аларии нащупала меня. Я затаила дыхание. Она коснулась моего лица, потом груди:

– Она тут. Не двигается, но она теплая. Виндлайер! За-ставь его перестать!

– Не могу. Меня тошнит. Меня так тошнит...

– Виндлайер, не забывай, что я, и только я могу приказывать тебе. Алария, замолкни!

– Их там было так много, – простонал Виндлайер. – И все цеплялись за меня, тянули... Меня так тошнит...

– Так пусть тебя тошнит молча! – рявкнула Двалия.

Алария ахала от ужаса. Она больше ничего не говорила, только тихонько попискивала, а потом калсидиец издал низкий стон, удовлетворив некоторым образом свою страсть. Алария попыталась отползти от него, но я почувствовала, как напряглась его рука, и поняла, что он удержал ее. Меня это устраивало. Не хватало еще, чтобы она скатилась с него на меня.

– Ощупайте все, докуда можете дотянуться! – велела Двалия. – Кто-нибудь может нашарить выход из этой могилы?

Неудачное слово она выбрала.

– Могилы, – повторил Виндлайер и дрожащим голосом застонал от отчаяния.

– Тихо! – зашипела на него Двалия. – Проверь у себя над головой. Нет там отверстия?

Я слышала, как они ворочаются в темноте, водят руками

по камню, шаркают по нему подошвами. Сама не издавала ни звука.

– Ну как? – настойчиво спросила Двалия.

– Ничего, – уныло ответила Алария. – Где ни шарю, везде камень. Мне даже головы почти не поднять. А рядом с тобой нет свободного места?

Керф расслабился и задышал медленно и размеренно. Ясно, что он уснул. Наверное, бывают обстоятельства, когда безумцам можно только позавидовать.

– Стала бы я лежать под Виндлайером, будь у меня выбор! – огрызнулась Двалия.

Повисла тишина. Потом Алария сказала:

– Может быть, тебе лучше вернуть нас туда, откуда мы пришли?

– К сожалению, калсидиец, когда вышел из камня, оттолкнул меня от него. Теперь он лежит на камне-вратах. Мне отсюда не дотянуться.

– Мы прямо как селетки в бочке, – печально заметил Виндлайер. И добавил чуть тише: – Наверное, мы все тут умрем...

– Что? – взвизгнула Алария. – Умрем здесь? Сдохнем от голода в темноте?

– Так ведь выбраться-то не получается, – угрюмо ответил Виндлайер.

– Тихо! – прикрикнула на них Двалия, но было поздно.

Алария сломалась. Она начала судорожно всхлипывать,

а через несколько минут я расслышала глухие рыдания Виндлайера.

Умрем здесь? А кто умрет первым? У меня к горлу подкатил крик.

Такими мыслями делу не поможешь, укорил меня Волк Отец. Дыши. Только тихо.

Паника, набухавшая во мне, враз сдулась под напором его суровости.

Думай, как выбраться отсюда. Ты сможешь войти в камень сама? Можешь дотянуться до камня под калсидийцем и открыть путь обратно в лес?

Не уверена.

Попробуй.

Я боюсь пробовать. А вдруг я застряну в камне? А вдруг выйду из него одна и неизвестно где?

А вдруг останешься здесь и умрешь от голода? Конечно, после того, как остальные свихнутся и набросятся друг на друга. Давай, попробайся.

Когда я скатилась с Керфа, то упала на спину. Теперь я, извиваясь, перевернулась на бок. Вывихнутое плечо при этом оказалось подо мной. И ту же руку мне пришлось пытаться просунуть под спину Керфа, на котором вдобавок лежала Алария. Я старалась делать это медленно, там, где поясица калсидийца не так плотно прилегала к полу. Но я все равно тихонько застонала от боли, и Алария перестала хныкать.

– Что такое? – вскрикнула она и потянулась ко мне. – Она шевелится! Би жива, она очнулась!

– А еще я кусаюсь! – напомнила я, и она поспешно отдернула руку.

Теперь, раз они все равно узнали, что я пришла в себя, скрываться больше не имело смысла. Я засунула руку так далеко под спину Керфу, как только смогла. Он заерзал, намертво придавив ее, потом рыгнул и снова захрапел. Плечо горело огнем, но я проталкивала руку все дальше, царапая ее о неровный камень. Я спохватилась, что громко дышу через рот, и закрыла его. Шума стало меньше, но ужас не отступил. А вдруг меня засосет в камень, едва я дотронусь до руны? Как это будет – меня затянет под него? Или они с Аларией провалятся в камень вместе со мной, будто в распахнувшуюся моими усилиями дверь? От страха у меня сдавило мочевой пузырь. Я запретила себе чувствовать позывы. Запретила чувствовать что бы то ни было, сосредоточившись только на том, чтобы проталкивать руку вдоль камня. Мои пальцы внезапно нащупали узкую бороздку. Я осторожно исследовала ее. Это была руна.

Чувствуешь что-нибудь? Можешь что-то сделать?

Я старалась. Мне не хотелось этого делать, но я прижимала руку к руне, водила пальцами по ее очертаниям.

Ничего. Ничего не получается, Волк-Отец.

Ладно. Тогда придумаем что-нибудь еще.

Его слова были полны спокойствия, но я уловила бурля-

щий под ними страх.

Вытащить руку из-под Керфа оказалось еще большее, чем засунуть ее под него. Едва я высвободилась, как на меня нахлынула паника. На меня давило со всех сторон: теплая туша калсидийца сбоку, безжалостная твердыня подо мной, каменная стена рядом. Мне отчаянно хотелось встать, потянуться, вдохнуть холодного воздуха.

Не сопротивляйся, строго сказал Волк-Отец. Будешь трепыхаться – ловушка только затянется сильнее. Лежи тихо и думай. Думай.

Я пыталась, но все так давило... Алария снова принялась всхлипывать. Керф храпел. Его ребра терлись об меня при каждом вдохе и выдохе. Туника на мне перекрутилась, обмотав одну руку. Было жарко. Хотелось пить. Сама того не желая, я издала тихий гортанный звук. Хотя наружу рвалось нечто большее – крик отчаяния.

Нет. Не надо этого. Закрой глаза, волчонок. Будь со мной. Мы в лесу. Помнишь, как пахнет холодная ночь в лесу? Лежи тихо-тихо. Будь со мной.

Волк-Отец утащил меня в свои воспоминания. Мы были в лесу. Занимался рассвет, а мы уютно свернулись в логове.

Пора спать, настойчиво говорил он. Пора спать.

Должно быть, я заснула. Когда проснулась, он поддерживал спокойствие, которым поделился со мной. Мне больше не за что было держаться. В непроглядной тьме я мерила время тем, как вели себя мои соседи в каменном плену. Ала-

рия закатила истерику, и Керф проснулся. Он обнял ее и стал что-то тихонько напевать, наверное калсидийскую колыбельную. Через какое-то время она заснула. Позже Двалия забилась в бессильной ярости, когда Виндлайер помогил на нее.

– Я терпел, сколько мог, – хныкал он.

От запаха мочи мне тоже захотелось писать.

Двалия прошептала ему что-то, тихо и угрожающе, словно змея прошипела, и тот расплакался.

Потом Виндлайер затих, и я решила, что он уснул. Алария помалкивала. Керф снова запел, на этот раз не колыбельную, а какой-то бравый марш. И вдруг замолчал посреди куплета.

– Малышка. Би. Ты жива?

– Да, – ответила я, обрадовавшись, что он перестал петь.

– Я ничего не понимаю. Когда я шел сквозь камень, я был уверен, что мы мертвы. Но если мы не мертвые, то нас ждет не очень хорошая смерть. Думаю, я смогу дотянуться до твоего горла. Хочешь, я задушю тебя? Это будет не быстро, но быстрее, чем смерть от голода.

Надо же, какой заботливый!

– Нет, спасибо. Пока не нужно.

– Лучше решайся поскорее, пока у меня остались силы. И еще здесь скоро станет мерзко. Моча. Дерьмо. Безумцы.

– Нет. – Я что-то услышала. – Тихо!

– Я понимаю, это неприятно слышать, но я просто хотел предупредить тебя. Возможно, у меня хватит сил сломать те-

бе шею. Это будет быстрее.

– Нет. Не сейчас. – Не сейчас? Что я несу? Тут из далекого далека донесся звук. – Прислушайся. Ты слышишь?

Алария вскинулась при моих словах.

– Что «слышишь»? – резко спросила она.

– Ты что-то услышала? – рявкнула Двалия.

– Замолчите! – зарычала я на них – точно как мой отец, когда злился, и они подчинились.

Мы все наострили уши. Звуки были едва различимы. Тихое цоканье копыт по брусчатке мостовой. Женский голос что-то тянет нараспев.

– Это молитва? – спросила Алария.

– Это голос первой утренней торговли. Она кричит: «Хлебушек, свежий хлебушек, выпеченный этим утром! Хлебушек, теплый хлебушек, только из печки!» – В голосе Керфа послышалась тоска по дому.

– Помогите! – Алария завопила так пронзительно, что у меня зазвенело в ушах. – Помогите, помогите нам! Мы в ловушке!

Когда она наконец умолкла, выбившись из сил, у меня в ушах по-прежнему стоял гул. Я напряглась, пытаюсь расслышать речитатив торговли хлебом или стук копыт, но ничего не разобрала.

– Она ушла, – грустно сказал Виндлайер.

– Мы в большом городе, – заявил Керф. – Только в больших городах торговцы выходят на улицы на рассвете. – Он

помолчал немного, потом заговорил снова: – Я думал, мы мертвы. Я думал, вы поэтому хотите попасть в разрушенный дворец мертвого герцога – чтобы быть там после смерти. Разве уличные торговки продолжают кричать на том свете? Вот уж вряд ли. К чему мертвецам свежий хлеб?

Ответом ему была тишина. Не знаю, о чем думали остальные, но у меня не шли из головы его последние слова. Разрушенный дворец. Какая толща камней навалена над нашей могилой?

– Значит, мы не умерли, – заключил Керф, упрямо продолжая мысль. – Но возможно, скоро умрем, если не сможем выбраться. Однако город будет просыпаться, и мы услышим других людей. И может быть, они тоже услышат нас, если мы закричим о помощи.

– А пока помолчите все! – велела Двалаия. – Молчите и слушайте! Я скажу вам, когда надо будет кричать, и мы будем кричать все вместе.

Ждали в удушающей тишине. Время от времени до нас доносились приглушенные звуки городской жизни. Звон храмового колокола. Мычание вола. Один раз нам вроде бы удалось услышать, как женщина зовет ребенка: тогда Двалаия велела нам кричать всем хором. Но мне казалось, что звуки раздаются слишком далеко. «Может быть, – подумала я, – мы не в самом городе, а на холме над ним?»

Прошло время. Виндлайер снова помочился, и Алария, наверное, тоже. Запах становился все гуще и невыносимей:

дух мочи, пота и страха. Я пыталась представить, что лежу в своей кровати в Ивовом Лесу. В комнате темно. Скоро отец придет проведать меня. Он всегда думал, что я сплю, когда заходил ко мне поздно ночью, прежде чем самому отправиться спать. Я таращилась в темноту и воображала его шаги в коридоре. Я так долго смотрела перед собой, что мне начали мерещиться белые точки. А потом моргнула и поняла, что одна из них превратилась в узкую полоску.

Я уставилась на нее, не смея надеяться. Медленно-медленно подняла одну ногу так высоко, как только могла. Она заслонила свет. А когда опустила ее, свет появился снова, ярче, чем прежде.

– Я вижу свет.

– Где?

– Возле моих ног, – ответила я, но к этому времени свет уже стал просачиваться внутрь.

Теперь мне было видно, как неровно сложены камни вокруг нас. Это были обработанные блоки, но лежали они как попало, будто их просто свалили в кучу.

– Я ничего не вижу, – сказала Двалия таким тоном, будто обвиняла меня во лжи.

– Я тоже, – подтвердил Керф. – Моя женщина мне все заслоняет.

– Я не твоя женщина! – разозлилась Алария.

– Ты спала на мне. Ты помочилась на меня. Теперь ты моя.

Я снова подняла ногу. Все равно она еле доставала до по-

лоски света. Уперлась носком и стала толкать. С шелестом посыпался щебень, а щель сделалась немного шире. Тогда я снова перекатилась на бок и, отталкиваясь вдоль спины Керфа, подползла ногами вперед поближе к цели. Теперь я могла как следует упереться ступнями в камень под заветной полоской. Снова посыпались осколки, все крупнее и крупнее, некоторые падали мне на башмак. Свет стал ярче. Я принялась отчаянно лягать стену. Отверстие сделалось уже толщиной с мою руку. Я сучила ногами, словно отплясывала на муравейнике, полном кусачих муравьев. Но больше щебень не сыпался. Попробовала пинать каменную плиту, нависавшую над отверстием, но тщетно. Остановилась, когда совсем обессилела, и тут поняла, что остальные уже давно что-то кричат мне: одни спрашивают о чем-то, другие пытаются меня подбодрить. Но не стала обращать на них внимание. Не стала и пускать в себя спокойную уверенность Волка-Отца. Я уставилась на тускло освещенный потолок моей могилы и расплакалась.

Калсидиец зашевелился и, оттолкнув меня, высвободил руки, чтобы упереться ими в каменную плиту над собой. Он застонал и вдруг навалился на меня. Его бедро вдавилось мне в грудь с такой силой, что я едва могла вздохнуть. Он подтянул к себе колено, громко крякнул и вдруг ударил камнями ногой, резко и мощно.

Посыпался щебень, каменная пыль запорошила мне глаза и нос, осела на губах. Керф так зажал меня, что я не могла

поднять руку, чтобы утереться. Пыль прилипла к моим мокрым от слез щекам, набилась за шиворот. А едва она осела, так что мне почти удалось вдохнуть чистого воздуха, он снова пнул камни. К первой полоске света добавилась еще одна, идущая сверху вниз.

– Это стена из камней. Попробуй еще, малышка. Только теперь не пинай, а дави. Я помогу. Упрись ногами пониже, у основания стены.

– А если камни обрушатся на нас?

– Тогда хоть умрем быстро, – ответил Керф.

Извиваясь, я подползла поближе к свету. Согнула колени и уперлась пятками у самого пола.

– Толкай, – сказал он, и я послушалась.

Камень ворчливо заскрежетал, но подался. Мы передохнули и навалились снова. Щель была уже шириной в ладонь. Еще толчок – и камень во что-то уперся. Понадобилось налечь еще трижды, прежде чем нам удалось сдвинуть его, а потом он повернулся влево, оставшись на месте. Еще усилие – и дело пошло. Я подвинулась, чтобы было удобнее толкать.

Дневной свет, отыскавший дорогу к нам, уже стал меркнуть, когда мы сумели проделать достаточно широкую брешь, чтобы я смогла выползти наружу. Извиваясь червем, я стала с трудом протискиваться ногами вперед сквозь узкую дыру. Ободрала кожу на бедрах о камни и порвала тунику. Наконец вылезла и села, отряхнула с лица каменную пыль и крошку. Остальные, оставшиеся внутри, кричали, чтобы я

сдвинула еще камни, чтобы сказала, где мы. Я не обращала внимания. Мне было все равно, что это за место. Я могла дышать, и никто ко мне не прикасался. Вдыхала полной грудью холодный воздух, вытирала рукавом пыль с лица и разминала здоровое плечо. Я выбралась.

– Что ты видишь? – Двалия была вне себя оттого, что ничего не могла сделать. – Где мы?

Я огляделась по сторонам. Похоже, мы очутились на развалинах. Теперь можно было осмотреть нашу могилу снаружи, и она оказалась совсем не такой, как мне думалось. Эта была груда огромных каменных блоков. Должно быть, сначала упала одна колонна, потом на нее обрушилась гигантская плита, а остальные куски попадали сверху. Нам еще повезло, что никакой камень не упал прямо на поверхность столпа Силы, вделанного в пол. Я подняла глаза к вечернему небу, оглядела зазубренные остатки стен, посмотрела вниз и увидела выдолбленные руны. Еще один камень Силы, вделанный в пол. Я боязливо отодвинулась от него.

Остальные все кричали, приказывая мне наперебой то идти за помощью, то сказать, что мне видно. Я не стала отвечать. Издалека доносился звон храмового колокола. Я сделала три шага в сторону, туда, где меня никто не мог видеть, присела и облегчилась. Когда я встала, послышался скрежет камней, и из отверстия под плитой показались ноги калсидийца. Поспешно подтянув рейтузы, я увидела, как он уперся ногами и оттолкнул камень. Изнутри завопили: «Осто-

рожнее!» и «Ты сейчас обрушишь все на нас!» – но он не прислушался.

– Надо бежать, – прошептала я.

Не спеши, тихо отозвался Волк-Отец в моей голове. Лучшие знакомая опасность, чем новая. Калсидиец был к тебе по большей части добр. Если мы в Калсиде, дела плохи: ты не говоришь на их языке, не знаешь их обычаев. Может, нам повезет и он выберется, а остальных завалит. Спрячься и смотри.

Я отошла подальше и присела среди развалин так, чтобы меня не было видно, при этом сама могла наблюдать за происходящим. Керф извивался, лежа на спине, брыкаясь, царапаясь и кряхтя. То, что уже протиснулось наружу, было густо покрыто каменной пылью, и оттого казалось, будто из дыры пытается выбраться ожившая статуя. Когда ему удалось высвободить бедра, он повернулся на бок и, извиваясь, как змея, вытащил сначала одно плечо, затем другое. И вот он уже сидит, моргая в предвечернем свете. Светлые глаза выделялись на припорошенном пылью лице. Калсидиец облизнул губы: ярко-красный язык промелькнул на сером лице, что тоже выглядело странно, – и огляделся, потом залез на каменный блок, чтобы осмотреть окрестности.

– Там не опасно? – спросила Алария, но ее ноги уже показались в отверстии.

Она была меньше и более гибкой, чем Керф, но такая же грязная. Не дожидаясь ответа, Алария выбралась наружу, се-

ла, застонала и вытерла пыль с лица.

– Где мы?

Керф усмехнулся:

– В Калсиде. Я почти дома. Это место мне знакомо, хотя оно сильно изменилось. Здесь мы когда-то оплакивали моего деда. Трон герцога стоял в конце большого зала. Вон там, наверное. Это то, что осталось от дворца старого герцога, когда драконы обрушили его прямо ему на голову. – Он несколько раз чихнул, вытер лицо рукой и кивнул сам себе. – Да. Герцогиня заявила, что этот дворец никогда не будет отстроен заново, ибо место проклято. – Калсидиец слегка нахмурился, словно ему было трудно или больно вспоминать. – Герцог Эллик поклялся, что первым делом восстановит его и будет здесь править.

Алария с трудом поднялась на ноги.

– Калсида? – прошептала она себе под нос.

Он повернулся к ней и широко улыбнулся:

– Наш дом! Моя мать будет рада познакомиться с тобой.

Она давно мечтала, чтобы я привел в дом женщину, которая помогала бы ей и моим сестрам по хозяйству и вынашивала бы моих детей.

– Я тебе не жена!

– Пока нет. Но если ты докажешь, что можешь хорошо работать и рожать сильных детей, тогда, возможно, я возьму тебя в жены. Многие наложницы становятся женами. Когда-нибудь.

– Я тебе не наложница! – заявила она.

Керф закатил глаза и покачал головой, словно ее невежество потрясло его. Аларии, похоже, хотелось то ли закричать, то ли расцарапать ему лицо, то ли убежать. Однако ничего этого она не сделала, а устояла на следующие ноги, показавшиеся из каменного мешка.

Ноги Виндлайера беспомощно скребли по земле, пока он пытался протиснуться.

– Я застрял! – завопил он в панике.

– Пусти меня! – Голос Двалии доносился приглушенно. – Говорила же тебе, дай сперва мне выбраться!

– Так места же не было! – Виндлайер уже заливался слезами. – Ты сказала: «Слезь с меня», а мне больше некуда было слезать, кроме как сюда!

Она принялась ругать его, но ее едва было слышно из-под камней. Виндлайер, похоже, не сильно продвинулся вперед. Я воспользовалась случаем, чтобы под шумок отойти еще дальше, за круг поваленных колонн. Оттуда я могла наблюдать за ними, оставаясь невидимой.

Виндлайер не мог продвинуться ни туда ни сюда. Он беспомощно стучал пятками, словно раскапризничавшийся ребенок. Застрял. «Хорошо», – злорадно подумала я. Вот пусть Виндлайер и станет пробкой, которая никогда не даст Двалии выбраться из бутылки. Несмотря на все его теплые чувства ко мне, я знала, что он для меня опасен. Если я убегу, Двалии ни за что меня не догнать. Но если Двалия заставит

Виндлайера натравить на меня калсидийца, мне несдобровать.

– Братик! Братишка! Подними камень и выпусти меня отсюда!

Я сидела на корточках за колонной, не издавая ни звука, и смотрела одним глазком. Керф шагнул к каменной плите.

– Поберегись, будет пыльно! – предупредил он Виндлайера и уперся плечом в твердыню.

Камень заскрежетал по древней кладке пола. Наверху груды открылась щель, туда посыпались мелкие осколки и пыль. Двалия завопила, но на нее падали только мелкие камни, от таких разве что синяки останутся. Керф схватил Виндлайера за толстые ноги и потянул. Тот сначала напрягся и взвыл, но калсидиец только крякнул и вытащил его. Виндлайер сел, серый от пыли. Он ободрал щеку, из ссадины текла кровь.

– Уйди с дороги! – заорала Двалия.

Я не стала ждать, пока выберется и она. Пригнувшись пониже, крадучись двинулась прочь. Я шла на цыпочках по лабиринту каменных обломков – тихо, как мышка. Весеннее солнце садилось, от камней протянулись прихотливые тени. Я нашла место, где стена обрушилась на обломок колонны, так что получился маленький шатер, и забралась туда.

Не высовывайся. Им будет легче заметить движение или услышать твои шаги, чем обыскать все эти развалины.

Я была одна, далеко от дома, в городе, языка которого не знала, меня мучили голод и жажда.

Но я была свободна. Я сбежала.

Глава 5

Сделка

Змея в каменной чаше, плавает в супе. Пахнет это ужасно, и тут я понимаю, что это не суп. Это грязная вода, где болтаются испражнения змеи и мусор. К чаше подходит уродливое существо, и мне вдруг становится ясно, какая эта змея огромная. Она в несколько раз длиннее роста уroda. Тот тянет лапу сквозь решетку вокруг чаши и зачерпывает немного грязной воды. Отхлебывает мерзкой жижи и улыбается широченным ртом. Мне не нравится смотреть на него, в нем все неправильно. Змея сворачивается кольцами и пытается броситься на него. Урод смеется и бредет прочь.

Дневник сновидений Би Видящей

Как ни удобны были одеяния Элдерлингов, я не чувствовал себя одетым подобающим образом для встречи с хранителями, пока не облачился в собственную одежду. Туго затянув кожаный ремень, я заметил, что со дня отъезда из Оленьего замка похудел, так что пряжку теперь приходится застегивать на две дырочки дальше. Кожаный жилет в случае чего послужит как легкие доспехи. Не то чтобы я ожидал, что кто-то бросится на меня с ножом, но никогда ведь не знаешь. Мелочи, разложенные по потайным карманам, помогут мне

справиться с любой смертоносной работой. Я улыбнулся, сообразив, что кто-то вынул все из тайных карманов, прежде чем отдать одежду в стирку, а потом разложил по местам. Я не сказал ничего Спарк, только одернул жилет и похлопал по тому отделению, где лежала тончайшая удавка. Девушка насмешливо вскинула брови. Этого было достаточно.

Я покинул комнату, оставив Спарк помогать леди Янтарь одеться и причесаться перед встречей. Лант был уже готов, Пер составлял ему компанию. У меня в голове пронеслось смутное воспоминание о разговоре этих двоих, но я отогнал его. Что было, то прошло. Лант, похоже, уже не боится меня, а что до Чейдовых указаний присматривать за мной, об этом надо будет поговорить наедине.

– Ну что, мы готовы? – спросил Лант, пряча маленький нож с плоской рукояткой в потайные ножны на бедре.

Ну и дела. Кто этот человек? Ответ пришел быстро: это Лант, в котором не чают души и Риддл, и Неттл. Я вдруг понял, почему Чейд просил его присмотреть за мной. Открытие не польстило моему самолюбию, но странным образом придало уверенности.

Персивиранс встревоженно хмурился:

– Мне что, нужно будет сидеть с вами за столом? Мне прямо не по себе.

Всего за несколько месяцев он превратился из мальчика-грума в моего слугу, а если уж совсем честно, то в спутника.

– Не знаю. Если вас со Спарк попросят сесть за отдельный стол, не отходи от нее ни на шаг.

Он мрачно кивнул:

– Господин, можно кое-что спросить?

– Что такое? – встревожился я, будучи на взводе из-за предстоящей встречи с хранителями.

Мальчишка покосился на Ланта, словно стеснялся говорить при нем:

– Это про чародея Грея. Иногда вы зовете его Шутом, но он сейчас вроде как леди Янтарь.

– Да, это так, – подтвердил я и стал ждать продолжения.

– А Эш сейчас Спарк.

Я кивнул:

– И это верно.

– А Спарк – девушка.

Снова кивнул.

Он поджал губы, словно пытаюсь удержать рвущийся с них вопрос. Потом выпалил:

– А вам разве не... чудно все это? Не так чтобы не по себе?

Я рассмеялся:

– Я знаю моего друга много лет и видел множество его личин. Когда я был мальчишкой, он развлекал короля Шрюда. Был его Шутом. Потом лордом Голденем. Чародеем Греем. А теперь вот – леди Янтарь. Все они такие разные. И все – мой друг. – Я постарался говорить откровенно. – Но в твоём возрасте все это тоже смутило бы меня. Сейчас-то не смуща-

ет, потому что я знаю, кто он такой. И кто такой я, и кто мы друг для друга. Это остается неизменным, как бы он ни звал себя и как бы ни наряжался. Будь я помещик Том Баджерлок или принц Фитц Чивэл Видящий, я знаю, что он мой друг.

Пер вздохнул с явственным облегчением:

– Выходит, это ничего, что мне все равно насчет Спарк? Я заметил, что вас это не волнует, и решил, что и меня не должно. – Он озадаченно покачал головой и добавил: – Когда она Спарк, она выглядит настоящей красавицей.

– Она и есть красавица, – тихо сказал Лант.

Я поймал себя на том, что мне хочется улыбнуться.

– Так вот кто она на самом деле? Девушка по имени Спарк?

А вот это был уже вопрос посложнее.

– Спарк – та, кто она есть. Иногда она – Эш. Это как быть отцом и сыном и вдобавок еще мужем. Все это лишь разные грани одного и того же человека.

Пер кивнул:

– Но с Эшем было веселее болтать.

Легкий стук в дверь возвестил о прибытии леди Янтарь и Спарк. Леди Янтарь приложила все усилия, чтобы выглядеть ослепительно, и преуспела. Длинная юбка, блуза с кружевной оторочкой и жилет с вышивкой в Оленьем замке уже вышли из моды. Леди Янтарь или, скорее, Спарк особенно тщательно нанесла помаду, так чтобы придать форму губам, и скрыла шрамы под слоем пудры. Ее слепые глаза были под-

ведены черным, что придавало им особую загадочность.

Спарк была хорошенькой девушкой, но на этот раз – только хорошенькой, не более. Она предпочла подать себя так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Если Эш собирал волосы в «хвост», как это принято у воинов, то Спарк распустила их, и они черным волнами легли ей на плечи. Блузка цвета жженого сахара и простая свободная рубашка поверх нее скрывали и грудь, и талию. Янтарь улыбалась, явно довольная. Чувствует ли она, как потеряли дар речи Пер и Лант при виде их?

– Эта одежда идет тебе куда больше, чем наряды леди Тайм, – сказал я одобрительно.

– Надеюсь, она и пахнет лучше, – ответил Шут.

– Кто такая леди Тайм? – спросил Лант.

На миг повисла тишина... А потом мы с Шутом расхохотались. Я почти сумел уже взять себя в руки, но тут Шут выдохнул:

– Твой отец...

И мы снова покатались со смеху.

Лант разрывался между смущением и обидой.

– Это очень долгая история, – благовоспитанным тоном сообщила леди Янтарь. – Но если вкратце, из покоев леди Тайм был тайный ход в логово Чейда. В старые времена, когда он покидал свое убежище, то путешествовал в облике леди Тайм.

Лант слушал ее разинув рот.

– Леди Тайм была одной из самых вдохновенных игр твоего отца, – сказала Янтарь. – Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз, а сейчас нам пора спускаться.

– А разве не нужно подождать, пока нас позовут? – спросил я.

– Нет. Правила вежливости Дождевых чащоб происходят от обычаев Удачного, а не от этикета джамелийских аристократов. Здесь люди не делятся на простых и благородных, все очень просто, удобно и по делу. Здесь ты – принц Фитц Чивэл Видящий, и они ожидают, что говорить будешь ты. Но я лучше разбираюсь в здешних традициях. Прошу тебя, позволь мне вести переговоры.

– Переговоры о чем?

– О том, как нам пересечь их земли. И возможно, отправиться дальше.

– Нам нечего предложить в обмен, – напомнил я.

Почти все деньги и те немногие ценности, что я взял с собой, пропали, когда на нас напал медведь.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала она.

– Только не надо предлагать, чтобы я кого-то исцелил. Я не могу.

Она вскинула изящно подведенные брови:

– Уж кому это и знать, как не мне.

Я заметил, как Лант ухмыльнулся, когда Пер шагнул вперед и предложил Спарк опереться на его руку. Она явно удивилась, но предложение приняла. Я глубоко вздохнул.

– Ну, идем, – сказал я своим спутникам.

* * *

Юная служанка, ожидавшая у подножия лестницы, проводила нас в пышный и элегантный зал. Там не было ни гобеленов, ни узорчатых ковров, но сами стены и пол были так прекрасны, что ничего больше и не требовалось. Казалось, нам предстоит обедать посреди поля, среди осенних холмов, зеленых с золотом. Мы ступали по ровной зеленой траве с мелкими полевыми цветами. Только ощущение каменного пола под ногами и неподвижный воздух выдавали, что все это лишь иллюзия. Я слышал, как Спарк шепотом описывает зал Янтарь. Та с тоской улыбалась, слушая ее.

Четыре стола стояли по сторонам незамкнутого квадрата, стулья гостей были расставлены только с внешней стороны, так чтобы все сидели лицом друг к другу. Никаких почетных мест не предполагалось, все одинаковые. Некоторые хранители уже ожидали нас в зале, сидя или стоя небольшими группами. Эта картина остро напомнила мне гобелен с изображением Элдерлингов, украшавший комнату, где я спал в детстве. Были они высокие и стройные, с глазами цвета золота, меди или сверкающей лазури. Все были покрыты чешуей: одни почти целиком, другие лишь отчасти. И у каждого разноцветные чешуйки складывались в свой сказочный узор, точный, как окрас птичьих перьев или рисунок на кры-

льях бабочки. Они были прекрасные и чужеродные, невероятные на вид. Я вспомнил детей, которых исцелил, и тех жителей Дождевых чащоб, что успел повидать здесь. Их изменения были случайными и столь же часто выглядели чудовищно, сколь и красиво. Разница потрясла меня, и думать о произвольных переменах в тех, кто случайно попал под влияние драконов, было жутко.

Служанка-проводная куда-то пропала. Мы стояли и улыбались, не зная, что делать дальше. Нужно ли мне теперь влететь Перу и Спарк возвращаться, или они тоже входят в число «послов Шести Герцогств», которым адресовано приглашение? Спарк тихим шепотом описывала Янтарь помещения, присутствующих и их наряды. Я не перебивал.

Генерал Рапскаль оказался самым высоким среди Элдерлингов и почти что самым широкоплечим. Сегодня его наряд меньше напоминал воинское облачение: синяя туника, желтые штаны и мягкие синие башмаки. Оружия, насколько можно было заметить, при нем не было, но я понимал: это еще не значит, что он не вооружен. С ним были два Элдерлинга, которые раньше сопровождали его и подчинялись приказам. Одного из них, кажется, звали Кейз. Оба были покрыты оранжевой чешуей, а их глаза, когда они обратили взгляды на нас, сверкнули медью. А еще его спутники были очень мускулистые. Я готов был поспорить, что эти двое будут серьезными противниками в драке, если их раздражить.

Женщина-Элдерлинг в синей чешуе сегодня не стала пря-

тать крылья: они были аккуратно сложены у нее за спиной поверх длинной туники. Их тоже покрывала чешуя, похожая на перья; синяя и серебряная, она складывалась в причудливый узор с вкраплениями белого и черного. И как только тело этой женщины, изначально человеческое, выдерживает вес этих крыльев? Ее длинные черные волосы были заплетены во множество кос, украшенных бусинами и небольшими серебряными амулетами. У ее спутника была зеленая чешуя и черные волосы. Он посмотрел на нас, не скрываясь, сказал что-то своей супруге и целеустремленно зашагал к нам.

– Принц Фитц Чивэл Видящий, мне следует представиться. Меня зовут Татс. Мы с Тимарой благодарим тебя за то, что ты сделал для нашей дочери. Ее ноги все еще побаливают, зато ей стало намного легче ходить.

– Я рад, что сумел помочь ей.

Татс не протянул руку для пожатия, так что и я не стал предлагать свою.

В разговор вступила Тимара:

– Я благодарю тебя. Впервые за долгое время она спала и не мучилась от боли. – Поколебавшись, женщина добавила: – Дочь говорит, что-то как будто изменилось у нее в груди. Она не жалуется, напротив, говорит, что ей стало легче дышать, а раньше кожа обтягивала ребра слишком туго? – Отенок в ее голосе превратил утверждение в вопрос.

Я улыбнулся и сказал только:

– Рад, что ей полегчало.

На самом деле мне смутно вспомнился киль, как у птицы. Получается, у их дочери росла такая кость? Пожалуй, не стоит признаваться, что я не очень хорошо помню, как именно Сила исцеляла их дочь, струясь сквозь меня.

Настойчивый взгляд Тимары встретился с моим, потом она посмотрела на Янтарь.

– Да будете вы вознаграждены по заслугам, – мягко сказала Тимара.

Раздался мелодичный звон.

Тимара снова улыбнулась мне:

– Что ж, пора рассаживаться. Спасибо тебе еще раз. И всегда.

Они с Татсом грациозно двинулись прочь, а я запоздало понял, что, пока мы разговаривали, в зал зашли и другие Элдерлинги. Когда-то я был убийцей – всегда начеку, постоянно все подмечал. Но сегодня вечером я дал маху, и не только потому, что изо всех сил держал свои мысленные стены. Я потерял привычку быть постоянно настороже. Когда в последний раз я вел себя как умелый убийца, ученик Чейда? Хотя бы недолго? В то время, когда я жил в Ивовом Лесу с Молли, я бы порадовался такому открытию. Здесь и теперь это могло подвести меня.

Я тихо сказал Ланту:

– Будь начеку. Если заметишь что-нибудь неподобающее – сразу говори мне.

Тот посмотрел на меня так, будто не верил своим ушам.

Это выражение чуть было не переросло в улыбку, но он сдержался. Все вместе мы неспешной походкой двинулись к столам. Я не видел никаких признаков того, как тут полагается рассаживаться согласно чинам и рангам. Король Рэйн и королева Малта уже пришли, но так и не сели, разговорившись с каким-то долговязым Элдерлингом в синей чешуе. С ними был Фрон, сегодня он выглядел гораздо бодрее. Похоже, разговор шел о нас, потому что он дважды указал рукой в нашу сторону. Где же нам полагается сесть? Как неловко... Недолго и опозориться. Тимара искоса взглянула на нас, сказала что-то мужу и поспешила обратно.

– Вы можете сесть где захотите. Как предпочитаете – устроиться все вместе или в окружении других гостей?

Мне отчаянно хотелось перегляднуться с Янтарь. Вместо этого я ласково похлопал по ее ладони, лежащей на моем предплечье, и она тут же отозвалась:

– Вместе, если можно.

– Конечно.

Но нигде уже не осталось пяти пустых стульев в ряд. И тогда Тимара, как ни в чем не бывало, окликнула:

– Алум, Сильве, Джерд, Харрикин! Подвиньтесь и освободите немного места!

Элдерлинги, к которым она обратилась, рассмеялись над ее порывистостью и быстро пересели.

– Вот, пожалуйста, – пригласила Тимара, и мы сели.

Они с мужем тоже нашли себе места за столом, в это вре-

мя к нам присоединились и Малта с Рэйном. Ни торжественного появления королевской четы, ни провозглашения имен. Никаких титулов у хранителей, никаких заметных различий в ранге. Если не считать генерала Рапскаля.

Слуги принесли блюда с едой и расставили их на столах, предоставив Элдерлингам самим передавать их друг другу и накладывать еду на тарелки. Из мясного подали дичь – оленину или какую-то птицу. Хлеба на столе оказалось немного, зато там было четыре рыбных блюда и три вида корнеплодов. Я сделал вывод, что Кельсингра кормит себя сама, хотя пища и не отличается разнообразием.

Персивиранс и Спарк разговорились с Элдерлингом по имени Харрикин. По другую сторону от него сидела девушка-Элдерлинг по имени Сильве, с редкими волосами, но зато прихотливым узором чешуи на голове. Розовая с золотом, она выглядела почти девочкой. Говорили о рыбалке, и Сильве без стеснения рассказывала, как трудно ей было прокормить своего дракона, пока они путешествовали из Трехога в поисках Кельсингры. Лант улыбался и кивал, не забывая зорко оглядывать зал. По правую руку от меня сидела Янтарь, а за ней – Нортель. Он объяснил, что это его дракон Тиндер налетел на нас у фонтанов, когда мы только прибыли. Нортель выразил надежду, что Тиндер не показался нам слишком злобным. Драконы не привыкли к неожиданностям. Янтарь кивала, управляясь со столовыми приборами и едой почти так же хорошо, как если бы была зрячая.

Мы ели-пили. Старались завязать беседу, неуклюже, как это всегда бывает, если приходится перекрикивать гул десятков других разговоров. Участвовать в подобном собрании – далеко не то же самое, что подглядывать за ним в щелку из-за стены. Глядя с высоты, я легко видел, кто объединился в союз, кто соперничает, а кто враждует между собой. Но теперь я был частью всего этого, и мне оставалось только строить догадки. Можно было только надеяться, что Лант, которому досталось место вдали от хозяев, между нашими слугами и мной, сможет вежливо избежать необходимости поддерживать беседу и собрать больше сведений, чем я.

Блюда и тарелки унесли, принесли бренди и сладкое вино. Я выбрал бренди. Он был не из Песчаных пределов, но все равно вкусный. Элдерлинги поднялись из-за столов и стали бродить по залу, собираясь в группы и болтая. Мы последовали их примеру. Королева Малта подошла, чтобы еще раз принести извинения и спросить о моем здоровье. Фрон смутил меня, горячо высказав свою благодарность и недовольство тем, что сделал Рапскаль. Дважды я замечал, как Рапскаль пытается подойти ко мне, но его перехватывают на полпути другие Элдерлинги. Потом все вернулись на свои места, и Харрикин встал. Он трижды стукнул костяшками пальцев по столешнице, и внезапно в зале воцарилась тишина.

– Хранители, поприветствуйте принца Фитца Чивэла Видящего, лорда Ланта и леди Янтарь из Шести Герцогств. Они

пришли к нам как послы короля Дьютифула и королевы Эллианы. Сегодня мы оказываем им прием, которого они заслуживают. И благодарим.

Простые слова. Ни цветистых речей, ни отсылок к былым одолжениям, уговорам и услугам. Я даже растерялся, однако Янтарь, похоже, чего-то такого и ожидала. Пусть она и не могла видеть, но обвела незрячим взглядом всех собравшихся. Может быть, она чувствует тепло, исходящее от их едва различимых для нее силуэтов? С безошибочной точностью Янтарь обратила лицо к Нортелю.

– Спасибо за угощение, за ваше гостеприимство и за то, что предоставили возможность высказаться. Я буду говорить кратко и по делу. – Она позволила себе улыбнуться. – Подозреваю, что с тех пор, как мы прибыли, слухи уже разлетелись широко. Должно быть, вы все знаете нашу историю. Да, это правда, что мы прибыли как послы Шести Герцогств, но правда и то, что цель нашего путешествия не Кельсингра. Принц Фитц Чивэл помог восстановить здоровье вашим детям. Вы можете представить, каково это – когда вашего ребенка похищают. Би Видящей больше нет. Когда мы покинем вас, мы отправимся дальше, чтобы отомстить Слугам Белых.

Янтарь остановилась, чтобы перевести дыхание, и тут раздался низкий мягкий голос королевы Малты:

– Леди Янтарь, позволь мне сперва кое-что сказать.

В ее голосе не звучало упрека, лишь просьба. Та растеря-

лась, но медленно кивнула. Королева глубоко вздохнула и сплела пальцы на столе перед собой:

– Вчера мы, хранители Кельсингры, собрались на совет. Я рассказала остальным вашу историю. Родители и некоторые дети поведали, что сделал принц Фитц Чивэл. Мы по-прежнему преисполнены благодарности, и все согласны с тем, что сказал принц. Жизни наших детей – не предмет для торга. Никакие деньги, никакие ответные услуги не сравнятся с тем, что сделал для нас принц Фитц Чивэл. Все, что мы можем предложить, – это нашу вечную благодарность и обещание всегда, до окончания жизни, помнить. А срок нашей жизни теперь долог. – Малта помолчала и оглядела собравшихся. – Но, кроме того, принц осуществил за нас месть, которой мы давно искали. Мы тоже пострадали от нападений Калсиды, стремившейся уничтожить наших драконов и наш народ. Шпионы и убийцы, подсланные Калсидой, пытались добыть органы драконов, чтобы продлить жизнь своему герцогу. Сельден, мой брат и возлюбленный певец наших драконов, много натерпелся в калсидийском плену как от самого герцога, так и от Эллика. Мы знаем, что Эллик стоял за нападениями на наших драконов. Когда же драконы отомстили Калсиде, разрушив дворец герцога и убив его самого, Эллик бежал. Нынешняя герцогиня Калсиды, без сомнения, будет не меньше нас рада услышать, что с ним покончено. Убив его, ты, принц Фитц Чивэл Видящий, отомстил за нашу семью. Мы в долгу перед тобой и с величайшей радостью

вернем тебе этот долг.

– Посему торговец Дождевых чащоб Рэйн из семейства Хупрус и я, торговец Удачного из семейства Вестрит, хорошо понимаем твое желание довести месть до конца. Как представители торговых семейств Хупрус и Вестрит, мы рады предложить вам равноценный обмен: мы поможем вам воздать вашим врагам, как ты воздал нашим. Мы берем на себя все заботы о переправке вас отсюда в Джамелию. Если желаете, можете отплыть на Смоляном, когда он прибудет в город. Смоляной отвезет вас в Трехог, где вас будет ждать живой корабль по имени Совершенный. Он доставит вас в Удачный, а если захотите, то и в Джамелию, когда пойдет туда по торговым делам. Мы уже отправили голубя с посланием, чтобы уладить все необходимое для вашего путешествия. От имени наших семейств мы надеемся, что вы не откажетесь воспользоваться нашим гостеприимством на борту этих живых кораблей.

– Живые корабли... – с мальчишеской непосредственностью ахнул Пер. – Они что, правда бывают?

Фрон ухмыльнулся ему:

– Погоди, скоро сам увидишь.

Я забыл о своем обещании Янтарь.

– Не знаю, что и сказать.

Малта улыбнулась, и на миг мне удалось разглядеть в ней девочку, которой она была когда-то.

– Вот и хорошо, потому что я еще не закончила. Храни-

тели хотят преподнести вам и другие дары. – Она поколебалась. – Это вещи, созданные Элдерлингами. Они очень пригодятся вам, но, если будет нужда, их можно выгодно продать. – Малта набрала побольше воздуха. – Нехорошо упоминать стоимость подарка, но я должна предупредить вас, что обычно такие вещи торговцы приобретают или перепродают друг другу за исключительно большие деньги, и только в пределах Удачного. – Королева поджала губы на мгновение. – Делая вам такие подарки, мы нарушаем очень старую традицию. Возможно, торговцы Дождевых чащоб и Удачного возмутятся, узнав об этом.

Янтарь кивнула, и ее улыбка стала шире.

– Мы позаботимся, чтобы никто не узнал, что эти вещи есть у нас. И продадим их лишь в самом крайнем случае.

Облегчение на лице Малты было заметно, даже невзирая на ее странную драконью красоту.

– Я так благодарна за понимание.

Она кивнула Харрикину, тот вышел и обменялся парой слов с кем-то за дверью. Ему передали аккуратную деревянную шкатулку, и Харрикин поставил ее перед нами на стол. Откинув крышку на петлях, он достал оттуда тканый мешочек, а из мешочка – браслет. Серебряные звенья тончайшей работы украшали красные и зеленые камни. Харрикин вручил браслет мне с улыбкой, по которой я догадался, что эта вещь великой ценности.

– Очень... красиво.

– Ты еще не знаешь, что это, – с добродушной усмешкой сказал он.

Убрав браслет обратно в мешочек, Харрикин предложил мне заглянуть в него. Я посмотрел – и увидел, как камни внутри засветились.

– Это кристаллы огня, – сказала Малта. – Они светятся собственным светом. Кристаллы в браслете безупречны. Это большая редкость.

Следующим из шкатулки был извлечен пористый серый кирпич. Харрикин повернул его и показал, что одна грань кирпича выкрашена в красный цвет:

– Этот камень отдает тепло, если положить его красной стороной кверху. Только смотрите не кладите его так среди поклажи: он нагревается так сильно, что может поджечь вещи. – Он посмотрел мне в глаза и убрал браслет и кирпич на место. – Мы надеемся, что вы примете это в благодарность от нас.

– Вы оказываете нам честь, – ответил я. В этой маленькой шкатулке лежали волшебные предметы стоимостью в целое состояние. – Мы принимаем ваши дары с благодарностью и всегда будем вспоминать нашу встречу, когда станем использовать их.

– Мы будем рады увидеть вас вновь, возвращайтесь, когда пожелаете, – завершила Малта.

Янтарь с признательностью коснулась шкатулки, и на лице ее отразилась решимость.

– Вы очень щедры, однако я хотела бы попросить еще об одном даре. Прежде чем я скажу, о чем речь, прошу вас, поверьте: я ни в коем случае не пытаюсь обидеть вас этой просьбой.

Сидящие за столами озадаченно переглянулись. Я понятия не имел, что затевает Янтарь. Нам и так преподнесли дары куда богаче, чем я смел надеяться. Что же ей еще нужно?

Янтарь заговорила глубоким, мягким голосом:

– Я прошу дать мне драконьего Серебра. Не много – всего лишь столько, чтобы хватило наполнить эти две склянки. – И она достала из карманов юбки два флакона с плотно притертыми пробками.

– Нет, – твердо сказал Рэйн без колебаний или сожаления.

Янтарь продолжала, будто не слышала:

– Серебро лежит в основе Силы – так мы зовем магию, при помощи которой принц Фитц Чивэл исцелил ваших детей. Мы точно не знаем, как связаны Сила и Серебро, однако связь существует. Магия Кельсингры происходит из Серебра, заключенного в камне. Воспоминания о некогда живших здесь людях, огни, которыми мерцают дома, бассейны, способные подогревать воду, – все это проявления...

– Нет. Мы не можем. – В голосе Рэйна звучал окончательный отказ. – Мы не вправе раздавать Серебро. Это сокровище драконов. – Он покачал головой. – Даже если бы мы согласились, драконы не позволили бы вам взять его. Это означало бы навлечь несчастье и на вас, и на нас. Мы не можем

дать тебе Серебро.

Рапскаль встрепенулся, явно намереваясь что-то сказать. Глаза его сверкали гневом: просьбу Янтарь он воспринял как оскорбление. Надо было срочно перевести разговор на что-то другое.

Я поспешно сказал:

– У меня тоже есть просьба, – возможно, выполнить ее будет проще, и к тому же это может пойти на пользу и Шести Герцогствам, и Кельсингре. – И замолчал.

– Говори, – разрешила Малта.

Трудно было понять что-то по ее причудливо покрытому чешуей лицу, однако мне показалось, что она не меньше моего хочет отвлечь внимание от возникшей неловкости.

– Я хотел бы сообщить королю Дьютифулу в Шесть Герцогств, что мы благополучно прибыли в Кельсингру и вы помогли нам отправиться дальше. Нет ли способа каким-то образом передать ему мое письмо?

– Это не составит труда, – ответил Рэйн. На лице его отразилось явное облегчение оттого, что моя просьба оказалась такой пустячной. – Если ты напишешь письмо достаточно мелко, мы переправим его с птицей в Удачный. А в Удачном множество торговцев обмениваются голубиной почтой со своими знакомыми в Баккипе. Я могу твердо обещать, что ваш король получит письмо. Рано или поздно. Иногда наши голуби задерживаются в пути из-за весенних ветров, но они крепкие и сильные птицы.

– Буду весьма признателен, – отозвался я. И, поколебавшись, ринулся вперед очертя голову. Чейд запретил бы мне это, но Кетриккен, будь она тут, потребовала бы, чтобы я поступил именно так. – Король Рэйн и королева Малта, в моей стране, при дворе, есть другие люди, владеющие магией Силы, подобно мне. Некоторые из них куда лучше умеют врачевать с ее помощью, чем я. – Я огляделся по сторонам. – Многие здесь просили меня помочь им. Я не осмеливаюсь. Магия Серебра в Кельсингре слишком сильна, и я не могу держать ее в узде. По доброй воле я ни за что не был бы столь... – Мне трудно было подобрать слово. Жесток? Несдержан? – Столь торопливым, когда исцелял детей. Более умелый лекарь на моем месте действовал бы мягче. А круг магов Силы, способный лучше направлять магию, сумел бы помочь не только детям, но и всем, кто родился...

Все собравшиеся не сводили с меня глаз.

– Родился не таким, как все, – неловко закончил я, понизив голос.

На лицах людей застыл ужас. Или изумление? Неужели я оскорбил их? Многие из них так переменялись за годы жизни рядом с драконами, что не заметить было невозможно. Но вдруг здесь не принято об этом говорить?

Молчание нарушила Тимара. Она сидела недалеко от нас, но заговорила громко и ясно, чтобы ее слышали все:

– То есть тех, кто родился измененным, можно... избавиться от этого?

Янтарь незаметно сжала мою ногу под столом, предостерегая от ошибки. Это было излишне: я и сам не стал бы обещать того, в чем не был уверен.

– Некоторых – можно. Наверное.

Тимара вскинула руки. Я думал – закроет лицо ладонями, но она сложила их в горсти и уставилась на свои пальцы. Вместо ногтей у нее были черные когти. Женщина задумчиво постучала ими друг о друга.

Молчание, повисшее в зале, искрилось напряжением от открывшихся возможностей.

Наконец королева Малта решилась заговорить:

– Как только ты напишешь письмо... – Она осеклась, горло у нее перехватило.

И тогда вдруг вмешался Харрикин:

– Принц Фитц Чивэл предложил нам такое, о чем мы и мечтать не могли. – Он оглядел собравшихся за столами. – Возможно, нам стоит проявить ответную щедрость. Мы всегда считали себя связанными правилами Удачного и Дождевых чащоб. Мы соглашались, что имеем право торговать наследством Элдерлингов только с ними. Не пора ли пересмотреть эти правила?

На лице Малты отразилось потрясение. Рэйн заговорил с расстановкой:

– Ты предлагаешь нарушить обычай, ведущий свою историю с самого основания первых поселений в Дождевых чащобах. Многие из нас считают, что не обязаны хранить вер-

ность Дождевым чащобам, а уж тем более – Удачному. Что касается волшебных диковин, надо еще посоветоваться. Однако я не вижу причин, почему мы должны соблюдать ограничения на торговлю всем прочим.

Остальные задумчиво кивали его словам.

Король Рэйн снова повернулся к нам:

– Древние карты говорят, что некогда Кельсингру и Горное Королевство соединяли дороги. Пожалуй, настало время восстановить эти пути и стать истинными торговцами, раз уж мы себя так именуем.

– Шесть Герцогств будут рады предложить на продажу множество товаров. Овец и шерсть, зерно, которого у нас в достатке, коров и выделанную кожу, а еще железо. – Я улыбнулся, чтобы скрыть охватившие меня сомнения. Одобрил бы Дьютифул мои необдуманные переговоры?

– Зерно в достатке... Вот это было бы здорово! Меньше чем через месяц мы отправим посольство в Олений замок. Давайте же поднимем бокалы за открытие наших границ!

В тот вечер мы еще не раз поднимали бокалы. Щеки Персивиранса покраснелись от вина, и я заметил, как Лант и Спарк переглянулись. Спарк положила руку на плечо мальчишки и, аккуратно направляя его, помогла покинуть зал, не растеряв достоинства, пусть он уже и слегка покачивался на ходу. Вскоре после этого я извинился, сославшись на усталость, и мы с Янтарь тоже ушли, оставив Ланта дальше в одиночку представлять Шесть Герцогств на пиру.

Когда мы медленно поднимались по лестнице, Янтарь сказала:

– В семье самого короля Рэйна многие жестоко отмечены Дождевыми чащобами. Его сестра...

Я решил, что знаю, о чем она хочет попросить.

– Нет. Даже ради его сестры я не осмелюсь...

– Я не о том. Его сестра сейчас отправилась навестить родных в Трехог, так что ты все равно не смог бы ей помочь. Но если в Шести Герцогствах найдутся целители, которые сумеют вылечить жителей Дождевых чащоб, то Шесть Герцогств обретут могущественных союзников.

* * *

Я не ложился до рассвета – составлял письмо Дьютифулу. Слова приходилось выбирать очень осторожно, ведь, прежде чем письмо попадет в нужные руки – если вообще попадет, – его наверняка прочтут несколько посторонних. Поэтому я написал только, что мы добрались до Кельсингры и договорились о путешествии в Джамелию. Просил короля обеспечить безопасный путь домой для Ланта, Пера и Спарк, а также предупредил, что, возможно, ко двору прибудет посол из Кельсингры с предложением о торговле. И добавил, что на переговорах непременно должна присутствовать мастер Силы Неттл.

Мне хотелось написать больше. Но я не решился. Туго

свернув письмо, запечатал его капелькой воска и вложил в маленькую трубочку, которую можно будет привязать к лапке голубя. Если бы только можно было связаться с Неттл при помощи Силы и предупредить ее... Драконьи хранители называют себя Элдерлингами и утверждают, что древний город Элдерлингов и все его чудеса принадлежат им. Что они скажут, если узнают об Аслевджале с его обветшалыми сокровищами? Попытаются ли заявить права на них или предложат поделиться знаниями об этой магии? Чейд увидел бы в них соперников, Кетриккен – союзников. А Дьютифул и Неттл? Я не знал, как все обернется. Что я натворил, когда использовал Силу в Кельсингре? Бросил камешек, который повлечет лавину войны, или заложил первый крохотный кирпичик в содружество, которое объединит познания в магии? Было мучительно не иметь возможности сообщить больше и при этом знать, что может пройти несколько дней, прежде чем я смогу связаться с семьей при помощи Силы.

* * *

Никто точно не знал, когда прибудет Смоляной, потому что из-за таяния снегов высоко в горах река разлилась и течение в ней усилилось.

Каждый из нас коротал дни в ожидании по-разному. Необходимость постоянно держать стены и сопротивляться потоку Силы, да еще и воспоминаниям города изматывала

меня. Я ел, не выходя из наших покоев, и вежливо отказывался принимать гостей, если была такая возможность. Из-за вызванного Силой постоянного утомления редко выбирался в город. Я помнил, как впервые вступил на улицы покинутой Кельсингры, когда странствовал в поисках Верити. В тот раз мне пришлось впервые пройти сквозь столп Силы: это вышло случайно. Тогда город был опасен для меня. Теперь я знал о Силе намного больше и лучше владел ею, но по иронии судьбы пропитанные Силой стены и улицы несли для меня еще большую угрозу.

Однако приходилось остерегаться не только потока Силы. Трижды к нам стучался генерал Рапскаль, всегда подгадывая такое время, когда мои спутники отсутствовали. В первый раз я притворился, будто даже более слаб, чем был на самом деле. Он настаивал, что нам нужно поговорить, но я, нетвердо покачиваясь на ногах, извинился и медленно, непреклонно закрыл перед ним дверь. После этого просто не открывал на стук. Леди Янтарь продолжала благоразумно держаться от генерала подальше. Она не покидала стен Гостеприимного дома, навещала королеву Малту и пересказывала мне их досужие разговоры о том, как поживают старые друзья, а также последние новости из Удачного и Трехога. А вот Лант, Спарк и Персивиранс были в полном восторге от Кельсингры, прямо как малыш от новой погремушки. И хранители, похоже, были только рады показывать им чудеса своего города. Я предупредил спутников, чтобы соблюдали осторож-

ность, и позволил им бродить по улицам. Пер расхаживал всюду с Пеструхой на плече и быстро стал любимцем слуг. Сам о том не подозревая, он сообщал мне много интересного, когда по вечерам пересказывал их разговоры. Вечерами Спарк и Янтарь чинили свои потрепанные медведем наряды, а Янтарь делилась историями из былых времен Оленьего замка, в том числе о похождениях пресловутой леди Тайм.

Однажды Пер спросил ее о детских годах. Янтарь поведала, что выросла в крестьянской семье и у нее была старшая сестра, которая была счастлива, когда в семье наконец появился еще один ребенок. Она говорила о пологих округлых холмах, чьи склоны летом окрашивались в золото, о послушных и умных бурых коровах. Потом Янтарь умолкла, и я догадался, что дальше в ее истории идет отъезд в Клеррес. В тот вечер она больше ни о чем не рассказывала, и я с ужасом подумал, что вскоре мне придется заставить ее рыться в этих воспоминаниях, выуживая каждую подробность о том, как устроен Клеррес. Она спрятала эти воспоминания в глубине души, а я должен вытащить их на свет, если мы хотим осуществить свое возмездие.

Это ведь Шут когда-то первым потребовал, чтобы я отправился в Клеррес и «убил их всех». Он жаждал мести еще до того, как стало известно о похищении Би. И даже прежде, чем Двалия утащила мою дочь в камень Силы, где она канула без следа, Шут настаивал, чтобы мы перебили всех Слуг. Я так тщательно закончил все дела в Оленьем замке, чтобы

отправиться на поиски этого далекого города и отомстить в одиночку. Останусь ли я сам в живых после этого, меня не волновало.

Однако за мной последовал не только Шут, но и Спарк, Пер и Лант. Последних троих я мог отослать обратно в Бакк, однако, чтобы уберечь от гибели Шута, мне придется вытянуть из него все подробности, которые он помнит о Клерресе и Слугах Белых Пророков.

Но как? Как добыть столь важные сведения у человека, который столь великолепно умеет уклоняться от темы и хранить секреты?

* * *

Один из дней выдался по-зимнему холодным, и все мы предпочли остаться в тепле. Только Перу не сиделось на месте. Он мерил комнаты шагами, потягивался и вздыхал, пока я не махнул рукой и не разрешил ему отправиться осматривать город в одиночку.

После обеда он влетел к нам, раскрасневшийся и взъерошенный, и воскликнул:

– У Пеструхи появилась новая подружка!

Мы все удивленно повернулись к нему.

– Пеструха встретила ворону? Напомни мне подновить чернила на ее перьях, а то эта дружба не продлится долго, – сказал я.

– Нет! Не ворону! – запальчиво выкрикнул он, потом немного успокоился, взял себя в руки и продолжал тоном бывалого рассказчика: – Я держался очень осторожно, как вы и велели. Открывал рот, только когда ко мне обращались, и не говорил лишнего. Но сегодня холодно, и на улицах мало народу. Пеструха нашла меня и уселась на плечо. Мы шли к площади, где стоит большая каменная лошадь, и тут налетел порыв ветра, аж ледяной. Он ударил мне в лицо, и Пеструха вспорхнула с моего плеча. А потом вдруг как закричит, будто менестрель: «О прекраснейшая, алая твоя чешуя будто виноград, тронутый инеем!» Прямо как стихи! Ветер, оказывается, подняла красная драконица, и она опустилась прямо передо мной. Ее когти клацнули о брусчатку, хвост ударил по мостовой. Она едва не раздавила меня, но сумела остановиться. Я попятился и упал. Все ладони ободрал о камни! – И он выставил на наше обозрение покрасневшие руки.

– Драконица угрожала тебе? – сдавленным голосом спросил Лант.

– Нет, вовсе нет. Она просто опустилась на землю. Но я все равно испугался и решил уйти подобру-поздорову. Я позвал Пеструху, да только она не послушалась, а подлетела и уселась прямо перед драконицей. И говорит: «О прекраснейшая, алая королева, кормилица вороньего племени!» Драконица вытянула к ней морду, и я уж думал, она съест Пеструху, но Пеструха взяла и сплясала ей.

Он растопырил руки, склонил голову набок и качнулся из

стороны в сторону, изображая птичий танец.

– И что дальше? – спросила Спарк, затаив дыхание.

– В глазах драконицы кружились вихри, прямо как ленты на майском дереве. Она положила голову на землю, а Пеструха запрыгнула ей на нос и стала чистить клювом чешуйки вокруг глаз и пасти. А драконица забулькала, будто закипающий чайник!

– А потом?

Судя по голосу Спарк, девушка жалела, что пропустила такое зрелище.

– Я стоял и ждал ее. Когда у меня ноги уже совсем заledenели, я позвал Пеструху, но она даже головы не повернула. А драконица лежала себе, прикрыв глаза, будто огромная кошка. Ну, я и пошел обратно один. – Он встревоженно нахмурился и спросил меня: – Как думаете, Пеструхе ничего не грозит?

– Думаю, за нее можно не бояться. Пеструха – очень умная птица.

А может быть, драконы и вороны издревле связаны? Вороны любят подбирать объедки за настоящими хищниками. Не удивительно, если они заключили союз с драконами.

– Очень умная птица.

А еще я знал, что в Пеструхе есть тайна, которую может открыть мне только она сама.

– Это да, – с гордостью заявил Пер. – Она такая.

В один солнечный день я проснулся после дневного сна и обнаружил, что остался один. Тело и разум были вялыми, сонными, и только небольшая прогулка по городу могла помочь мне прийти в себя. Накинув свой прекрасный, подходящий принцу Шести Герцогств плащ, я отправился на улицу. Белые ветви деревьев на холмах за пределами Кельсингры казались чуть розоватыми от прилива весенних соков. Некоторые – возможно, ивы – покрылись крапинками нежной зелени, словно кто-то развесил бусы на их тонких побегах. Снег в горах стоял. Сколько лет прошло с тех пор, как мы с Ночным Волком кормились на их лесистых склонах, охотились как звери и спали как убитые? Целая жизнь, а может, и две.

Стены зданий нашептывали мне воспоминания Элдерлингов, хранящиеся в их пропитанных Силой камнях. Сперва их гомон был едва слышен, словно звон комара где-то вдалеке, потом сделался настойчивым, как жужжание пчел. Они навалились на мои стены, сменяя защиту. Я повернул назад, когда стал разбирать обрывки разговоров и видеть расплывчатые тени Элдерлингов. Поток Силы бурлил вокруг, грозя обрушиться, подобно океанской волне, подхватить и унести далеко от берега. Глупо было отправляться на прогулку одному. Я уже направлялся к Гостеприимному дому, когда по-

нял, что за мной идет Рапскаль. Стараясь защититься от шепота древних Элдерлингов, я перестал обращать внимание на то, что творится вокруг наяву. Пошел медленнее, слегка покачиваясь. Пусть Рапскаль считает меня слабее, чем я есть на самом деле. Хотя, положив руку на сердце, в нынешнем состоянии даже упрямый ребенок наверняка был бы сильнее меня в драке, куда уж мне против этого воина-Элдерлинга.

Он быстро нагнал меня:

– Принц Фитц Чивэл! Рад видеть, что ты поправился после колдовства.

– Очень любезно с вашей стороны, генерал Рапскаль. Но даже эта краткая прогулка слишком утомила меня. Как только вернусь, придется прилечь.

– О, вот как! Очень жаль. Я надеялся сказать тебе пару слов. Важных слов.

Последнее генерал добавил, понизив голос, будто опасаясь, что нас подслушают.

Он что, хочет высказать мне какие-то угрозы наедине? Но когда я посмотрел на него, Рапскаль ответил мне умоляющим, почти извиняющимся взглядом.

– Я ошибался в тебе. Хеби сказала, что я был не прав. – Генерал заговорил еще более серьезным тоном: – Ей приснился сон. Или, может быть, вспомнилось что-то. Она велела передать, что ваши цели справедливы. И она на вашей стороне. – Рапскаль понизил голос до шепота: – Она велела мне помочь тебе всем, чем только смогу, разрушить город

Слуг и уничтожить их самих. Всем, чем только смогу. – Он наклонился и заговорщицки положил руку мне на предплечье. Его глаза сверкнули – совсем не так, как могут сверкать глаза у людей. Мое волнение переросло в тревогу, когда он доверительно добавил: – Твоя ворона и Хеби очень сдружилась.

– Хеби? – переспросил я, пытаюсь улыбнуться в ответ.

– Моя драконица. Ну, ты же знаешь Хеби, верно? Мою алую милашку. – На миг его улыбка превратилась в мальчишескую ухмылку, отчего он заметно помолодел на вид. – Ей нравится твоя ворона – Пеструха, так ведь ее зовут? Пеструха нахваливает Хеби и говорит ей, какая она красавица. Раньше-то, до того как ворона появилась, только я восхищался Хеби, как она того заслуживает. В общем, Хеби вроде как привязалась к Пеструхе. Но я не об этом хотел поговорить. Ты задумал убить всех Слуг – Хеби верит, это правильно.

Я попытался истолковать его слова:

– Твоя драконица увидела во сне или вспомнила, что ей бы пришлось по душе, если бы кто-то убил всех Слуг Белых?

Он ухмыльнулся шире, и на преображенном драконом лице сверкнули белые человеческие зубы.

– Ага. Точно.

Рапскаль явно был доволен, что его слова дошли до меня.

Я остановился. Оперся рукой о стену здания, думая приклониться к нему, чтобы передохнуть. Это было ошибкой.

Улица внезапно заполнилась Элдерлингами – голубыми, серебряными, зелеными; высокими угловатыми созданиями с причудливыми узорами чешуи на лицах, в элегантных просторных одеяниях, изящно наброшенных на плечи. Сегодня на площади Королевы музыканты будут состязаться в мастерстве, и сама королева вручит награду победителю...

– Эгей! Очнись, принц. Я веду тебя обратно в Гостеприимный дом. Там голоса не такие громкие.

Оказалось, что я иду по улице и генерал Рапскаль крепко держит меня под локоть. Состязание музыкантов развеялось, будто сон. Рапскаль вел меня. Возможно, он даже что-то говорил.

– Мне нехорошо, – услышал я собственный голос.

– Да все с тобой прекрасно, – сказал он успокаивающе. – Ты просто был не готов. Если выбрать, какой голос ты хочешь услышать, и приготовиться пожить жизнью этого Элдерлинга, можно узнать много интересного. Я вот узнал! Пока я не открыл мысли воспоминаниям древнего воина-Элдерлинга, я был неуклюжим, глупым парнем, вечно нетерпеливым. Другие хранители хорошо ко мне относились, но никогда не уважали по-настоящему. Никогда.

Голос его задрожал, и он прикусил язык. Вспомнилось, как недавно он показался мне мальчишкой.

Рапскаль прокашлялся.

– Моей драконице Хеби тоже было нелегко. Она никогда особенно не говорила с другими драконами или их храните-

лями. Когда она впервые подошла ко мне, она была маленькой и неуклюжей. Другие драконы презирали ее. Она даже не помнила своего настоящего имени – это я назвал ее Хеби. Но из всех драконов она первой научилась летать и первой сама убила дичь.

Генерал горделиво выпятил грудь, словно говорил о собственном ребенке. Потом заметил, что я смотрю на него, и резко кивнул.

– В комнату, – тихо проговорил я. – Мне нужно прилечь. И это уже не было притворством.

– Конечно. Я с радостью отведу тебя.

Рапскаль похлопал по моей руке, лежащей у него на предплечье, и через это краткое прикосновение мне открылось о нем гораздо больше, чем хотелось. Мы пошли дальше – слишком быстро для меня, но я стиснул зубы, стараясь не отставать. Хорошо бы, если б, когда мы придем в наши покои, там был Лант. Погодите-ка... Когда это я начал рассчитывать, что он будет защищать меня?

Вот если бы рядом был Риддл...

– Так-то вот, – сказал Рапскаль таким тоном, будто подводил черту, и я понял, что многое прослушал, задумавшись. – Поэтому все, что Хеби вспоминает или видит во сне, – очень важно.

Наконец добрались до Гостеприимного дома. Внутри после яркого солнца на улицах казалось сумрачно. Двое Элдерлингов обернулись и уставились на нас, когда Рапскаль по-

вел меня вверх по лестнице.

– Мы наверх, – весело сообщил он им.

Генерал оказался сильнее, чем выглядел.

– Большое спасибо за помощь, – сказал я, когда мы очутились у двери наших покоев.

Я надеялся, что Рапскаль там со мной и простится, но он зашел следом в комнату.

– Вот. Садись-ка к столу. Я скажу, чтобы принесли еды.

Выбора не было, пришлось повиноваться. Попытки не допускать в свой разум голоса Элдерлингов совершенно лишили меня сил. Притворившись, будто устраиваюсь на стуле, я украдкой проверил, что маленький нож, который дал мне Риддл, спрятан в потайных ножнах в ремне. При желании можно было достать его и, может быть, даже отрезать себе масла, если оно окажется мягким. Я попытался разозлиться, в надежде, что гнев придаст мне сил, но ощутил только страх и слабость в коленях. Показное дружелюбие Рапскаля не убедило меня. Похоже, нрав его переменчив. И при этом Рапскаль хитроумен. Похоже, только он один и догадался, что мы были не вполне честны с жителями Кельсингры. Так кто же передо мной: безжалостный военачальник, готовый на все ради защиты своей родины, или печальный юноша, переживающий из-за снов драконицы?

Коснувшись цветочного рисунка у двери, он сел со мной за стол.

– Как это получается? – спросил я, надеясь узнать о нем

больше. – Что происходит, когда нажимаешь на этот цветок?
– Понятия не имею. Просто оно так устроено. Стоит нажать на него – и внизу в кухнях такой же цветок начинает светиться и гудеть. На каждую комнату – свой цветок. – Он пожал плечами, будто отметая мой вопрос. – Мы еще так многого не знаем. Например, мы всего шесть месяцев назад поняли, что эти помещения внизу задуманы как кухни. Там есть чаша, которая наполняется горячей или холодной водой. Но ни плит, ни печей. Довольно странная кухня получается. Хотя не то чтобы у моей матери была печь или хотя бы кухня, насколько я помню.

Генерал ненадолго замкнулся в угрюмом молчании. Теперь, когда гомон Силы на улицах не отвлекал меня, мне захотелось, чтобы он рассказал больше о том сне. Но прежде всего надо было как-то предупредить остальных, пока они не вернулись. Я не доверял этому Рапскалю нисколько. А вдруг он придумал этот сон, только чтобы пробраться в наши комнаты?

Трижды вдохнув и выдохнув, я спросил:

– Так твоей драконице приснился Клеррес?

Он подскочил и снова вспомнил обо мне:

– Клеррес, точно! Так она и сказала. Выходит, это правдивый сон, один из тех, что вызваны воспоминаниями ее предков-драконов!

– Ничего не понимаю. Воспоминания драконьих предков?
Рапскаль улыбнулся и подпер подбородок кулаком:

– Это уже ни для кого не секрет. Когда змея превращается в дракона, она выходит из кокона, уже зная все то, что знали ее предки-драконы. Знает, где охотиться, где вить гнездо, помнит имена других драконов в своем роду и события, которые они видели. Точнее, так должно быть. Но наши драконы слишком долго оставались морскими змеями и слишком рано вышли из коконов. У них сохранились только обрывки воспоминаний. Моя Хеби не помнит почти ничего из жизни своих предков. Но иногда во сне к ней приходят их воспоминания. Я надеюсь, что со временем она сумеет вспомнить больше.

Его глаза широко распахнулись и странно блеснули. Слезы? В глазах этого безжалостного человека?

Он заговорил снова, уже мягче, и в голосе его звучала боль.

– Я люблю ее такой, какая она есть. Всегда любил и всегда буду. Но для нее так много значит вернуть себе память предков. – Генерал посмотрел мне в глаза, и я понял, что вижу убитого горем родителя. – Может, я бессердечный, если тоже этого хочу? Если думаю, что она может стать лучше... Нет! Она и так слишком чудесная, ничто не может сделать ее лучше, чем есть! Так почему же я этого хочу? Неужели я не верю в нее?

Худшее, что может случиться с убийцей, – это ощутить общность с тем, кого ему предстоит отправить на тот свет. Но я сам столько раз задавал себе этот вопрос. Лежал без сна

рядом с Молли и спрашивал себя: «Может, я чудовище, если хочу, чтобы моя дочь не отставала от других детей?» На мгновение показалось, будто наши с Рапскалем сердца истекают одной кровью. Потом Чейдова выучка шепнула мне: «Вот оно. Брешь в его броне».

Стоило подумать о том, как осуществить задуманное. А еще о Шуте. Нужно было узнать больше, и, возможно, этот мальчишка-генерал сможет дать мне необходимые сведения.

Я подался к нему, словно заслушавшись, и подпустил в голос фальшивой теплоты:

– Но как же удивительно, что ей приснились Слуги и Клеррес! Ведь ни ты, ни она никогда не были в этом далеком городе, верно?

Скормлю ему крохи сведений, чтобы посмотреть, не сболтнет ли он чего. Главное – держаться спокойно. Притворяться, будто это всего лишь светский визит, а не попытка оценить силу противника.

Моя уловка сработала. Его лицо осветилось радостью.

– Никогда! Так и в самом деле есть такое место, такие люди? Значит, это и впрямь не просто сон, а воспоминания предков!

Грудь Рапскаля вздымалась от восторга. Глаза, в которых всегда сквозила настороженность, вдруг широко распахнулись. Я чувствовал нечто, исходящее от него. Это была не Сила и не Дар. Причудливая смесь того и другого? Может, такова природа связи между хранителем и драконом? Тут я

понял, что все это время он держал стены, а теперь опустил их, чтобы поделиться с Хеби радостным известием: ее сны – истинные воспоминания. Где-то в городе победно затрубил дракон. Мне послышалось или в ответ закаркала ворона?

Я заговорил, чтобы заставить его рассказать больше:

– Клеррес существует на самом деле, и Слуги тоже. Но боюсь, я должен сказать тебе еще кое-что. Мы держим путь в неизведанное.

– Чтобы отомстить, – негромко уточнил он.

– Чтобы отомстить, – подтвердил я.

Генерал наморщил лоб и на мгновение сделался больше похож на человека.

– Тогда, наверное, мы должны отправиться с вами. Потому что Хеби помнит, что это мрачное место и оно приносит горе. Она его и ненавидит, и боится.

Я мягко спросил:

– Что именно ей удалось вспомнить?

Он нахмурился:

– Подробностей немного. Измена и предательство. Преданное доверие. Драконы умерли. Точнее, их перебили. – Он глядел в стену, словно видел что-то далекое сквозь нее, и вдруг перевел взгляд на меня. – Для нее все как в тумане. И от этого еще страшнее.

– А другие драконы не смогут вспомнить того, что ей не удастся?

Рапскаль покачал головой:

– Я ведь говорил. Все драконы Кельсингры вышли из коконов с обрывочными воспоминаниями.

Тинталья. И Айсфир. Я следил, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул. Ни он, ни она не принадлежали к выводку драконов, обосновавшемуся в Кельсингре. Тинталья появилась на свет за несколько лет до них и долгое время считала, что осталась последней драконицей на свете. Наше знакомство с ней было до крайности неприятным. Она мучила Неттл, вторгаясь в ее сны и угрожая ей. И мне. А все ради того, чтобы мы откопали для нее Айсфира. Этот дракон древних времен добровольно вмерз в лед, когда решил, что остался последним в своем племени. Мы с Шутом освободили его и вернули в мир. Он должен помнить историю остальных драконов. Но насколько я знал Айсфира, вряд ли он что-то расскажет.

Генерал Рапскаль все говорил о своей драконице:

– Моя Хеби не такая, как другие драконы. Она всегда была маленькой, кто-то сказал бы, даже чахлой, и я до сих пор боюсь, что она никогда не вырастет такой большой, как они. Говорит она редко и почти исключительно со мной. И брачный полет ее не манит. – Помолчав, он продолжил: – Она моложе остальных – сначала была самой молодой змеей, а теперь самая молодая драконица. Мы думаем, что ее поколение было последним перед катастрофой, которая убила всех драконов. Когда-то, во времена, когда драконов было много, они откладывали яйца, а из яиц через год вылуплялись змеи

и быстро уползали в море. Там они плавали и отъедались, следуя за косяками рыб. А когда вырастали, возвращались в реку Дождевых чащоб, поднимались по ее течению до пляжа возле нынешнего Трехога и там окукливались. Так было когда-то. У многих драконов сохранились воспоминания о том, как они помогали змеям слепить кокон. А на следующее лето драконы выходили из коконов сильными и здоровыми, способными летать и охотиться.

Он печально покачал головой:

– С нашими драконами все было не так. Они... заблудились. Они оставались змеями слишком долго, потому что случилась какая-то страшная беда, берег моря и река изменились так сильно, что они не могли найти пляжи для окукливания. Мы с Хеби думаем, что из-за этого несколько поколений змей так и остались в змеином облике. Застряли в море на гораздо более долгий срок, чем нужно.

Я кивнул. У меня появились кое-какие собственные мысли на этот счет, но было ясно, что сейчас нужно слушать. Пусть расскажет все, что знает. Нет нужды говорить ему, что мне известно намного больше благодаря двум старшим драконам.

– Хеби подозревает, что не все драконы погибли, когда рухнули города Элдерлингов. Айсфир-то уж точно выжил. – Его голос приобрел совсем уж мрачный тон. – Я об этом тоже размышлял. Можно подумать, будто Элдерлинги, жившие тут, в Кельсингре, умерли, когда все произошло. Но это

не так. Я проследил воспоминания одного Элдерлинга до того самого дня, когда что-то, непонятно что, разрушило город и раскололо его. Его глазами я видел, как земля задрожала и Элдерлинги обратились в бегство. Но куда они бежали? Наверное, в другие места, отмеченные на карте в План-башне. – Он умолк и посмотрел на меня. Только сильнейшим усилием воли я не дрогнул, когда Рапскаль сказал: – Не знаю, как работала эта магия, только они бежали через стоячие камни. Такие же, как тот, возле которого мы впервые встретились.

– Бежали сквозь камни? – переспросил я, будто не веря своим ушам.

– Сквозь камни.

Я дышал медленно и ровно, глядя на него с интересом. После долгого молчания генерал заговорил снова:

– Я рос в невежестве, принц Фитц Чивэл. Но я не дурак. Этот город может рассказать свою историю. Все боятся затеряться в воспоминаниях, навешанных камнями, а я нарочно изучал их. И узнал многое. Но кое-что из того, что я узнал, вызвало только новые вопросы. Вот тебе разве не кажется странным, что одна-единственная катастрофа унесла жизни всех драконов и Элдерлингов на свете?

Он обращался уже не столько ко мне, сколько к себе самому. Я был только рад – пусть говорит.

– Некоторые поселения Элдерлингов были разрушены. Это нам точно известно. Трехог долгое время вел раскопки погребенного под землей города. Возможно, и остальные го-

рода пали. Но люди-то не вымерли, и попугаи тоже, и обезьяны. Так как же вышло, что все до единого Элдерлинги и драконы исчезли? Было бы понятно, если бы их просто стало намного меньше. Но чтобы они полностью вымерли? Это странно. Я видел, что, когда город стал рушиться, многие бежали. Что стало с ними? И что стало с драконами, которых не было здесь, когда город рухнул?

Рапскаль почесал чешуйчатый подбородок. Когти у него переливались всеми цветами радуги, и когда они касались чешуи – раздавался металлический скрежет. Генерал поднял на меня глаза:

– Хеби помнит измену и предательство. Землетрясение – это коварство природы, но предательством его не назовешь. И я сомневаюсь, что Элдерлинги предали своих драконов. Так чью же измену она помнит?

Я спросил наудачу:

– А что на это говорит Айсфир?

Он презрительно фыркнул:

– Айсфир? Ничего. От этого задиры никакого прока ни драконам, ни людям. Он никогда не говорит с нами. Если у Тинталы нет выбора, она приводит его с собой, все-таки он ее самец. Но он уже доказал, что недостойн ее. Мы редко видим его в Кельсингре. Но я слышал песни менестрелей о том, как Айсфира освободили из льда. Злая женщина с бледной кожей пыталась убить его. Белая Пророчица, так она себя звала. И вот что мне думается: если кто-то перебил

всех Элдерлингов и драконов, разве он не захотел бы убить и Айсфира?

Выходит, история об Айсфире и Бледной Женщине дошла уже и до Кельсингры. Тогда меня звали Том Баджерлок, и мало кто из менестрелей прознал о том, какую роль я сыграл в падении Бледной Женщины. Но Рапскаль прав. У Айсфира есть причины ненавидеть Бледную Женщину и, возможно, Слуг. Нельзя ли как-то пробудить эту ненависть и убедить его помочь мне в моем отмщении? Нет, вряд ли. Если он сам не бросился мстить за причиненное ему зло, вряд ли он станет мстить за зло, причиненное людям.

Я увел разговор прочь от Айсфира:

– Я не совсем понимаю тебя. Получается, в Кельсингре одни драконы старше других? Но я слышал, что все драконы вышли из коконов в один и тот же день.

Он снисходительно улыбнулся:

– Вы, чужеземцы, многого о наших драконах не понимаете. Драконы спариваются, самка откладывает яйцо, змея строит кокон – все это происходит не сразу, у людей может смениться поколение, а то и несколько. А если у морских змей выдается голодный год или бури уносят их далеко от родных берегов, может потребоваться еще больше времени, чтобы они вернулись и окуклились. Все змеи, которых Тинталья привела к берегу окукливания, выжили, когда разразилось неведомое бедствие в прошлом, но некоторые из них пробыли в море на много лет дольше, чем другие. Они оста-

вались змеями с тех пор, как исчезли драконы, а когда драконы покинули этот мир, никто не знает. Мы с Хеби думаем, что она – младшая из всех змей, кто достиг реки Дождевых чащоб. Пусть у нее сохранилось мало воспоминаний предков, зато она помнит время перед самым исчезновением драконов.

Настало время задать самый важный вопрос:

– А Хеби помнит что-нибудь такое о Клерресе и Слугах, что пригодилось бы мне и помогло их уничтожить?

Он печально покачал головой:

– Она их ненавидит, но и боится тоже, а я не знаю больше ничего такого, чего бы она боялась. Она мечется, не знает, чего хочет. То требует, чтобы я призвал всех наших драконов на помощь в твоём деле, то говорит, что нам нельзя и близко подходить к этому месту. Если во сне к ней придет ясное воспоминание, может, она и решит сама отправиться туда и отомстить. – Рапскаль пожал плечами. – Но если это воспоминание слишком напугает ее, она может заречься приближаться к Клерресу.

Генерал резко встал, и я невольно отодвинулся назад вместе со стулом и весь напрягся. Рапскаль печально улыбнулся. Я и сам не коротышка, но даже если бы встал в полный рост, этот человек возвышался бы надо мной.

Однако он заговорил с почтительностью:

– Даже если моя драконица пока что не может собраться с духом, чтобы отомстить за свой род этим Слугам, я хочу

перебить их сам. Ради нее. – Рапскаль взглянул мне прямо в глаза. – Я не стану извиняться за то, как обошелся с вами, когда вы явились в город. У меня были причины для подозрений, и я до сих пор не до конца верю в вашу историю. Никто не видел, как вы спускались с гор в Кельсингру. И вещей у вас слишком мало, чтобы вы могли их долго нести. Никто из вас не выглядел как путешественник, проделавший долгий путь по безлюдным местам. Я не мог не насторожиться. Мне казалось, только Старшие древних времен умели пользоваться стоячими камнями, чтобы попадать из одного места в другое.

Он умолк. Я не отвел взгляда, но и не сказал ничего. В его отливающих металлом глазах блеснул гнев.

– Ну хорошо. Не хочешь говорить, и ладно. Я разыскал тебя не потому, что сам хотел поговорить, а только ради Хеби. Она хотела, чтобы я помог вам. И поэтому, вопреки тому, что сам считаю правильным, по ее просьбе я дам вам это. Мне остается лишь положить на то, что вы будете хранить этот дар в тайне от людей, Старших и драконов, пока не окажетесь очень далеко от Кельсингры. Не могу представить, зачем это вам. Коснувшись драконьего Серебра, леди Янтарь окунула пальцы в собственную смерть, а дотронувшись до тебя, передала ее и тебе. Я не завидую ни тебе, ни ей. Но желаю вам осуществить задуманное, прежде чем смерть доберется до вас.

С этими словами он потянулся к своему камзолу. Мои

пальцы нащупали рукоять ножа, подаренного Риддлом, но то, что Рапскаль достал из-за пазухи, не было похоже на оружие в обычном понимании. Это была толстая трубка, и сначала я решил, что она выкована из металла, но потом заметил переливы Серебра внутри.

– До наших времен сохранилось не так много сосудов, которые использовали в своей работе мастера Серебра. Стекло очень толстое, стеклянная пробка тщательно притерта. И все-таки обращайтесь с ним крайне осторожно.

– Стекланный сосуд, наполненный Серебром? Но зачем ты мне его показываешь?

Рапскаль положил трубку на стол; та покатила, и он осторожно остановил ее. В толщину она была как рукоятка весла и удобно ложилась в руку. Генерал снова порылся за пазухой, достал второй такой же сосуд и положил рядом с первым. Стекланные стенки тихо звякнули, соприкоснувшись; Серебро внутри закружилось, будто жир в кастрюле супа, который перемешали.

– Показываю? Нет. Я даю его тебе. После того что рассказала мне Хеби, я понял, что леди Янтарь задумала использовать Серебро против Слуг. Так что держи. Пусть оно будет вам оружием. Или источником магии. В общем, используйте как хотите. Это от Хеби, она дает его вам по доброй воле, потому что только дракон может поделиться Серебром.

В дверь постучали. Рапскаль схватил сосуды и сунул мне.

– Спрячь! – резко велел он.

Растерявшись от неожиданности, я подхватил сосуды и взял поудобнее. Они оказались теплые и гораздо тяжелее, чем я ожидал. Прятать мне их было особенно некуда, так что я просто сунул их за пазуху рубашки и сложил руки на груди, чтобы не было видно, как они выпирают. Тем временем Рапскаль подошел к двери и открыл ее.

– А... Это тебе принесли еду, – сказал он, пропуская в комнату слугу с подносом.

Тот потрясенно вытаращился на генерала, поспешил к столу и принялся расставлять блюда передо мной. Его лоб был покрыт чешуей, и скулы тоже. Губы были тонкие и жесткие, как у рыбы, а когда он чуть приоткрыл рот, я разглядел у него во рту плоский серый язык. И его глаза двигались как-то странно, когда он посмотрел на меня. Я отвел взгляд, прочитав в них безмолвную мольбу. Мне хотелось попросить у него прощения за то, что не могу помочь ему, но я боялся даже начинать этот разговор. Сторая со стыда, я лишь тихо поблагодарил слугу. Он молча кивнул и направился к двери, скользнув взглядом по Рапскалю. Скоро о моем госте станет известно в кухнях, а уж оттуда новость разлетится, как это бывает со всеми сплетнями.

– Поешь со мной? – спросил я Рапскаля.

Он покачал головой:

– Нет. Думаю, через несколько минут в эту дверь ворвется один или несколько твоих спутников, чтобы убедиться, что я не причинил тебе вреда. А жаль. Я так хотел узнать, как вы

ходите сквозь стоячие камни. И почему, по словам Хеби, от тебя пахнет так, будто ты в родстве с драконом, но она этого дракона не знает. Думаю, и мне есть что рассказать интересного для тебя. – Генерал тяжело вздохнул. – Мы многое теряем из-за того, что не верим друг другу. Прощай, принц Фитц Чивэл Видящий. Надеюсь, союз в делах торговли и магии, который ты предложил заключить, сложится во благо. Надеюсь, это не приведет к войне.

И с этими зловещими словами он ушел.

Едва за ним закрылась дверь, я встал, чтобы сложить сосуды с Серебром в свой заплечный мешок. Задумчиво взвешивая каждый в руке, постучал пальцем по стеклянной стенке, посмотрел, как клубится внутри Серебро. Тщательно изучил обе пробки. Они сидели очень туго и на ощупь казались липкими, словно их обмакнули в смолу для пушей надежности. Засунув каждый сосуд в толстый носок, я подогнул края, положил оба носка в теплую шерстяную шапку и спрятал на самое дно мешка. Стекло выглядело толстым и прочным, но я не хотел рисковать. Я собирался в точности последовать наказу Рапскаля: не говорить никому об этом подарке. Никому, и в последнюю очередь – Шуту. Неизвестно, зачем Янтарь понадобилось Серебро. Пока она не соизволит поделиться своими замыслами, я не позволю ей им распоряжаться. Меня насторожило то, что она посеребрила свои пальцы, и до сих пор было не ясно, как относиться к тому, что на моем запястье вновь появились серебряные отпечатки. Я вздохнул.

Это ведь разумное решение, так почему же чувствую себя таким виноватым? Даже хуже. Предателем и обманщиком.

* * *

Остальные гурьбой влетели в комнаты ближе к вечеру и засыпали меня рассказами о городе. Они побывали в старом саду, где когда-то выращивали деревья. Те давно погибли, но сохранились статуи, медленно изменявшие позы, и фонтан, в журчании которого слышались радостные голоса детей. Лант и Спарк заметили тени Элдерлингов, скользившие среди призрачных зеленых деревьев и лоз. Янтарь кивала, когда они рассказывали об этом, а вот Персивиранс дулся.

– Почему я ничего не вижу и не слышу? – сердито спросил он. – Даже Янтарь слышит их шепот. А когда мимо пролетают драконы, все говорят, будто понимают, о чем они трубят друг другу – в основном, ругаются и отстаивают свои охотничьи угодья. Но я слышу только рев – похоже на то, как ревет лоси, когда у них гон. – Его голос звучал возмущенно, почти зло.

– Мне жаль, что ты не видишь и не слышишь того, что видим и слышим мы, – тихо промолвила Спарк.

– Но почему я не могу? – спросил Пер у меня.

– Точно не знаю. Но мне кажется, это дается или не дается человеку от рождения. У кого-то есть природное сродство с магией, будь то Сила или Дар. Если так, они могут развить в

себе способность управлять ею. Это как овчарки от рождения знают, как гуртовать овец, а гончие умеют идти по следу даже прежде, чем их обучат охотиться.

– Но собаку можно научить пасти или охотиться, даже если она не той породы. А вы не могли бы научить меня видеть и слышать то же, что и остальные?

– Боюсь, что нет.

Пер покосился на Спарк, и мне померещилось в этом взгляде то ли соперничество, то ли просто желание ощутить то же, что и она.

Лант тихо сказал:

– Я вижу и слышу гораздо меньше, чем остальные.

– Но я-то не улавливаю вообще ничего! – выпалил мальчишка.

– Возможно, это не недостаток, а благословение. Считай, что у тебя есть броня против магии. Это благодаря ей ты сумел противостоять побуждению присоединиться к остальным на подъездной дороге в ту ночь, когда на Ивовый Лес напали. Это благодаря ей ты сумел помочь Би как можно дольше прятаться и попытаться сбежать. Твоя невосприимчивость к Силе и магии Кельсингры – не только слабость, но и защита.

Я надеялся этим утешить парня, но напрасно.

– Толку-то от этого! – буркнул он с несчастным видом. – Они все равно похитили у меня Би и сжили ее со свету.

От таких слов мы все упали духом и замкнулись в унылом

молчании. Вся радость от прогулки по волшебному городу испарилась от зловонного дыхания истинной причины, которая привела нас сюда.

– Сегодня меня зашел проведать генерал Рапскаль, – сказал я, уронив слова, словно камни в тихий омут.

– Чего он хотел? – спросила Янтарь. – Он угрожал тебе?

– Вовсе нет. Он сказал, что пришел пожелать успеха в нашей миссии, чтобы мы сумели осуществить свою месть. И еще сообщил, что его драконица Хеби видела во сне Слуг. И Клеррес. – И я коротко пересказал им наш разговор с Рапскалем.

Мой рассказ был встречен долгим задумчивым молчанием. Нарушил его Пер:

– И что все это значит?

– Рапскаль подозревает, что некогда на драконов обрушилось какое-то страшное бедствие. Он думает, что Хеби ненавидит Слуг за то, что они каким-то образом уничтожили оставшихся драконов. Или убили столько драконов, сколько смогли.

Лицо леди Янтарь расслабилось, и на нем проступили черты Шута. Голосом Шута мой друг прошептал:

– Это многое объясняет! Если Слуги предвидели бедствие, которое случилось с драконами и Элдерлингами, они могли ухудшить его последствия. Если они хотели известить всех драконов в мире и преуспели, они могли предсказать, что мы попытаемся вернуть их в мир. И тогда они создали

Бледную Женщину, заперли меня в Клерресе, а ее отправили на мое место. Чтобы драконы никогда не смогли вернуться. – Он уставился в пустоту, погрузившись в воспоминания о наших свершениях. – Все сходится, Фитц. – Тут его лицо осветилось странной улыбкой. – Но у них ничего не вышло. Мы все-таки помогли драконам вернуться.

У меня волосы встали дыбом, по спине пробежал холодок. Как далеко в будущее простираются замыслы Слуг? Как-то раз Шут намекнул, что они могли использовать его, чтобы выманить меня из Ивового Леса и похитить Би. А что, если сны и знамения уже предупредили их, что мы идем? Какие еще препятствия они смогут воздвигнуть на нашем пути, чем попытаются отвлечь от цели? Я попытался подавить свои страхи.

– Но мы так и не знаем, зачем им понадобилось уничтожать драконов.

Шут бросил на меня такой знакомый насмешливый взгляд.

– Я сказал, что это объясняет многое, но не сказал, что все. Слуги очень давно играют с миром и жизнями его обитателей. И единственная их цель в этой игре – собственное процветание. Хотел бы я поговорить с этой Хеби, вдруг она еще что-нибудь сумеет припомнить.

– Не думаю, что это разумно. Мне кажется, нам всем лучше избегать генерала Рапскаля. Какой-то он... непредсказуемый. Сегодня он держался вежливо, даже дружески. Но я

все равно ему не доверяю. Он прямо заявил мне, что не верит нашему рассказу о том, как мы пришли сюда, равно как и о том, откуда у тебя Серебро на пальцах. Он всерьез подозревает, что мы воспользовались столпами. Он мельком видел тебя у драконьего колодца в ту ночь, когда ты окунул пальцы в Серебро, Шут. Нам всем лучше держаться от него подальше.

Он долго молчал, потом его черты сложились в лицо леди Янтарь.

– Пожалуй, это более мудрый путь. И ты сказал, Хеби говорит только с ним? Как думаешь, другие драконы могут что-то вспомнить о Слугах?

– Сомневаюсь. Но почему знать? – Я немного поразмыслил над этим. – Айсфир точно знает, что произошло. Какая бы судьба ни постигла остальных драконов, он избежал ее и по собственной воле заточил себя во льду. Он должен помнить те времена. Должен знать, причастны ли Слуги к вымиранию драконов. Думаю, он мог рассказать об этом Тинталье.

– Но его здесь нет. Многие драконы на зиму улетели в теплые земли. Некоторые покинули эти края еще два или даже три года назад. Я слышал, что Айсфир улетел и не вернулся.

У меня внутри все похолодело. Изо всех сила стараясь, чтобы на моем лице ничего не отразилось, я спросил:

– Шут... Леди Янтарь... А какая погода обычно стоит на Белом острове? И на землях вокруг?

Она обратила на меня невидящий взгляд:

– Там всегда тепло. Я не знала, что такое зима, пока не отправилась на север, в Шесть Герцогств. – Янтарь улыбнулась, лицо ее преобразилось в лицо Шута. – Там очень красиво, Фитц. Не только на самом Белом острове, не только в Клерресе. И на других островах, и на большой земле. Это ласковый край, гораздо более дружелюбный, чем любой из тех, где тебе доводилось бывать. Нет, конечно, Бакк тоже красив, собственной дикой красотой. Это суровая земля, и ее народ растет крепким, как ее скалы. Моя родина – дело другое. Мягкие пологие холмы, широкие речные долины, стада коров и отары овец. И коровы не такие тощие и поджарые, как ваши, а тучные, с широкими полумесяцами рогов и черными носами, ростом в холке со взрослого человека. Это богатая и нетребовательная земля, Фитц. Дальше от моря есть озера с золотыми песчаными берегами, кишачие рыбой, и пышущие паром источники в лесистых холмах. – Он вздохнул и надолго задумался, возможно погрузившись в воспоминания детства. Потом вдруг вернулась Янтарь и, склонив голову к плечу, спросила меня: – Думаешь, это туда улетают драконы, когда здесь наступает зима и все замерзает? Или, по крайней мере, улетали когда-то?

Я представил пологие тучные пастбища и жирных коров, в панике убегающих от драконов.

– Это объяснило бы, почему Слуги решили их извести. Драконам не обрадовались в Шести Герцогствах. Возможно, Слуги сочли их хуже, чем просто неудобством.

Известно ли Слугам, как убить дракона? Не выйдет ли так, что некоторые драконы уже никогда не вернуться в Кельсингру?

– Дай мне подумать об этом. Надо вспомнить все то небольшое, что я знаю о пророческих снах с упоминанием драконов. – Янтарь нахмурилась, и уже Шут добавил: – И почему мне раньше не пришло в голову, как это странно, что пророчеств о драконах так мало? И почему совсем нет снов-пророчеств о расцвете и гибели драконов? Или пророки их нарочно скрывали?

«Скрывали», – подумал я. Как Шут прятал собственные воспоминания о Клерресе. Мне придется сорвать покровы с обеих тайн. В голове у меня стал вырисовываться план, как постепенно сделать это.

Глава 6

Разоблачения

Впервые я увидел сон о Разрушителе еще на Аслевджале. Изменяющий Любимого вернулся во второй раз. Думаю, его присутствие и заставило меня увидеть вещей сон, более того, увидеть Разрушителя. В том сне Разрушитель был кулаком, сжимающим пламя. Пальцы разжались, и пламя взметнулось высоко, но, вместо того чтобы осветить все вокруг, оно распространило тьму. И все, что я знал, оказалось разрушено.

К тому времени я уже так давно не видел снов, что решил, будто напрасно придаю значение этому видению. Я ведь только что выполнил все задуманное. Так почему же столь мрачный сон явился мне в минуты моего торжества? Тем не менее это заставило меня сказать Белому Пророку и его Изменяющему, что им пришло время расстаться. По крайней мере один из них согласился, что в моих словах содержится истина, но я видел, что им не хватает воли сделать необходимое. И тогда я сам позаботился о том, чтобы разлучить их.

Из записей Прилкопа Черного

Выздоровление шло медленнее, чем после любой раны, полученной за десятки лет. По-видимому, давнишнее исцеление Силой не могло помочь мне восстановиться после то-

го, как Сила же опустошила меня. Сосредоточиться было трудно, я быстро уставал. Послеобеденная встреча с генералом Рапскалем обошлась мне дорого. Даже в так называемом тихом доме я чувствовал, как поток Силы бурлит и поет вокруг. Но работу никто не отменял. Сведения необходимо собрать, невзирая на препоны. И на страшную усталость.

Той ночью я послал Персивиранса в кухню попросить для меня бренди и бокал. Он вернулся с бутылкой бренди из Песчаных пределов.

– Кэрот из Дождевых чащоб очень страдает от толстой чешуи на лице и руках, – сообщил Пер, расставляя на столе бутылку и два бокала. – Он сказал, что вы заслуживаете только самого лучшего, и попросил меня замолвить за него словечко перед вами.

Я вздохнул. Как бы решительно я ни отказывался попытаться вылечить кого-то еще, люди, страдающие от вызванных драконами изменений, все равно пытались подольститься ко мне. Понимающе пожав плечами, Пер оставил меня одного в комнате и отправился спать.

Янтарь вернулась после позднего ужина с Малтой и застала меня на кровати с бутылкой на столике и бокалом в руке. Я осушил последние капли и поприветствовал ее.

– Как вечер? Удался?

– Вполне. Хотя узнала я немного. Айсфир не показывался уже несколько месяцев. Малта не помнит точно, когда он улетел. Все знают, что Хеби говорит только с Рапскалем, и

Малта слышала, что Рапскаль навещал тебя. Она за тебя беспокоилась.

– Надеюсь, ты сказала ей, что со мной все хорошо. Хотя, если начистоту, напрасно я вообще явился в Кельсингру. Поток Силы тут такой мощный, что кажется, будто меня несет могучая река, полная порогов и камней. Может, это потому, что меня учили чувствовать и использовать ее, а может, потому, что тут так много Серебра. Возможно, я каким-то образом сделался уязвимым для Силы, когда открылся ей, чтобы лечить всех этих людей, и позволил течь сквозь меня беспрепятственно. – Я приподнял бутылку. – Будешь?

– Что это? – Она принюхалась. – Бренди из Песчаных пределов?

– Он самый.

– Тогда буду. Нельзя же позволить тебе пить в одиночку.

Я сбросил сапоги, постаравшись, чтобы они шумно упали на пол, налил себе бренди, нарочно звякнув горлышком бутылки о край бокала, лег на спину и стал смотреть в сумеречный потолок. На темно-синем небе мерцали звезды. Но не только они одни освещали комнату. Стены превратились в лесной пейзаж. Белые цветы на деревьях тоже светились.

Я заговорил, обращаясь к звездам:

– В этом городе течет столько Силы, а я боюсь ее использовать.

Янтарь сбросила юбки и стерла краску с лица. Когда я почувствовал, как кто-то сел рядом со мной на кровать, оказа-

лось, что это уже Шут, в простых штанах и рубахе. Он схватил бокал со стола.

– Ты до сих пор не решаешься помочь никому из запятнанных драконьим влиянием? Даже тем, чьи увечья невелики? Скажем, просто чешуя на веках?

Стукнув легонько горлышком бутылки о край чашки, чтобы предупредить его, я налил ему бренди.

– Знаю, о ком ты. Этот человек уже дважды приходил просить меня. Сначала умолял, потом сулил деньги. Шут, я боюсь. Я как будто сижу в осаде, а мои стены штурмует Сила. Если я открою ей ворота, мне конец.

Я приподнялся и сел в постели. Шут сделал два больших глотка, чтобы не расплескать бренди, и уселся рядом со мной. Я поставил бутылку между нами.

– И связаться с Неттл или Дьютифулом ты тоже не можешь?

Он откинулся на подушки рядом со мной, держа бокал обеими руками.

– Я боюсь. Ну вот представь, что у тебя в сапоге хлюпает вода. Ты ведь не будешь ковырять дырку в подошве, чтобы слить ее, верно? Иначе туда может хлынуть целый океан.

Шут не ответил. Я поерзал в постели, устраиваясь удобнее, и добавил:

– Какая жалось, что ты не видишь, – эта комната такая красивая! Сейчас ночь, на потолке сияют звезды, а стены превратились в сумеречный лес. – Я поколебался, раздумы-

вая, как бы вывести разговор в нужное русло. Вперед! – Я смотрю на это, и у меня сердце кровью обливается из-за Аслевджала. Солдаты Бледной Женщины уничтожили там столько прекрасного. Если бы можно было полюбоваться теми залами в их первозданном виде...

Он долго молчал. Потом проронил:

– Прилкоп много рассказывал о том, каким был Аслевджал до ее вторжения.

– Выходит, он поселился там еще до нее?

– О, задолго до нее. Он же очень старый... был. – Последнее слово Шут произнес с ужасом.

– Сколько же лет ему было?

Шут тихонько хихикнул:

– Он был по-настоящему древним, Фитц. Он уже жил на Аслевджале, когда Айсфир прилетел туда, чтобы похоронить себя. Прилкопа потрясло, что дракон решил сотворить такое над собой, однако он не отважился мешать ему. Айсфир был одержим мыслью, что он должен вмерзнуть в лед и так умереть. Остров уже был покрыт ледником, когда Прилкоп приплыл туда. Иногда на Аслевджал еще заглядывали Элдерлинги, но вскоре перестали.

– Разве человек может жить так долго? – поразился я.

– Он был истинным Белым, Фитц. К тому времени, когда я родился, такой древней и чистой Белой крови уже не осталось. Белые живут долго, и их ужасно трудно убить. Нужно очень потрудиться, чтобы убить Белого или необратимо по-

калечить его. Как потрудились надо мной Бледная. – Он с шумом отхлебнул из бокала, потом наклонил его и сделал хороший глоток. – То, что они сделали со мной в Клерресе... Ты бы этого не пережил, Фитц. Ни один человек бы не пережил. Но они знали свое дело и всегда вовремя останавливались, чтобы не зайти слишком далеко. Как бы я ни мечтал, чтобы они не рассчитали усилий.

Вот разговор и свернул в нужную мне сторону, да не тем руслом, каким мне хотелось его вывести. Я и без того чувствовал напряжение Шута.

– А куда подевалась бутылка?

– Вот она.

Шут нашарил бренди у себя под боком и передал мне. Я плеснул немного себе и наполнил бокал Шута.

Он поморщился, отряхивая капли с пальцев, потом отпил достаточно, чтобы бренди не расплескался из чашки. Мы помолчали какое-то время. Я прислушивался к его дыханию, отмечая, как оно становится глубже и медленнее.

Лежа рядом со мной в темноте, Шут поставил бокал себе на грудь и поднял руку в перчатке. Он осторожно стянул перчатку, обнажив посеребренные пальцы, и повертел кисть перед собой так и эдак.

– Ты видишь их? – из любопытства спросил я.

– Не так, как ты. Но я их чувствую.

– Не болит? Тимара сказала – это убьет тебя, а Спарк говорит, что Тимара – одна из немногих Элдерлингов, кому

позволено работать с Серебром, и знает о нем больше всех. Хотя ей пока не удалось овладеть искусством древних Элдерлингов.

– Правда? Не слышал об этом.

– Она пытается черпать сведения в воспоминаниях, сохранившихся в городе. Но прислушиваться к ним слишком долго – дело опасное. Лант слышит шепот города. Спарк слышит его пение. Я предупредил их, чтобы не вздумали намеренно искать места, где хранятся воспоминания. – Я вздохнул. – Но уверен, они по меньшей мере попробовали кое-что из того, что здесь есть.

– О да! Спарк рассказывала, что некоторое юные служанки все свободное время балуются любовными воспоминаниями одной Старшей, которая запечатлела их в своей статуе. Малта и Рэйн этого не одобряют, и правильно делают. В старые времена до меня доходили слухи о семействе Хупрус: отец Рэйна проводил слишком много времени в погребенном городе среди таких воспоминаний. Это свело его в могилу. Точнее, он стал так одержим ими, что перестал заботиться о себе, и жизнь покинула его тело. Здесь это называют «утонуть в воспоминаниях». – Он отпил еще.

– А мы зовем это «утонуть в Силе». Август Видящий, – произнес я имя давно умершего родича.

– И Верити, хотя он выбрал куда более впечатляющий путь. Он не стал тонуть в чужих воспоминаниях, а погрузился в каменного дракона, забрав собственные воспоминания

с собой.

Я помолчал, обдумывая его слова. Потом поднес было бокал ко рту, но пить не стал, а сказал:

– Одна колдунья как-то сказала мне, что вся магия взаимосвязана. Что она как замкнутое кольцо и одним людям от природы достается одна дуга этого кольца, другим – другая. У меня есть Сила и Дар, но я не могу видеть будущее в хрустальном шаре. А вот Чейд это умеет, точнее, умел. Кажется. Он никогда напрямую не признавался в этом мне. Джинна умела делать амулеты, но презирала мой Дар, считая его грязной магией. – (Он вертел в воздухе посеребренными пальцами.) – Шут... Зачем тебе понадобилось покрывать Серебром свою руку? И зачем ты просил еще Серебра?

Он вздохнул. Другой рукой встряхнул и расправил перчатку, прежде чем аккуратно вдеть в нее пальцы. Потом взял бокал в обе ладони.

– Чтобы у меня была магия, Фитц. Чтобы было проще пользоваться столпами Силы. Чтобы снова придавать форму дереву, как я делал раньше. Чтобы уметь постигать людей и вещи одним прикосновением, как я умел когда-то. – Шут набрал полную грудь воздуха и выдохнул. – Когда они искалечили меня... Когда срезали кожу с руки... – Он умолк. Потом медленно отпил бренди и проговорил так, будто ему все равно: – Мне не хватало магии у меня на пальцах. Я скучал по ней. Хотел вернуть.

– Тимара сказала, что это убьет тебя.

– Серебро медленно убивало Верити и Кеттл. Они знали это и спешили закончить дракона, пока в них оставалась жизнь...

– Но ты много лет жил с Серебром на кончиках пальцев.

– ...Точно так же как их следы на твоём запястье не убили тебя. И Малту не убило то, что я коснулся ее шеи.

– Почему?

Он нахмурился, глядя в свой бокал, потом отпил, чтобы уж точно не расплескать, и повернулся на бок, лицом ко мне:

– Не знаю. Может быть, потому, что я не вполне человек. Может быть, из-за Белой крови в моих жилах. Может быть, потому, что тебя учили управлять Силой. Может быть, потому, что тебя, как и Малту, Серебро едва коснулось. Или, может быть, преобразенная Тинталей, Малта стала неуязвимой к нему. – Шут улыбнулся. – А может быть, потому, что в тебе есть нечто от дракона. Кровь Элдерлингов прошлого. Я подозреваю, что кровь Элдерлингов смешалась с кровью Видящих еще в те времена, когда Тейкер Завоеватель высадился на берегу, позже ставшем герцогством Бакк. Пусть стены Оленьего замка и не пропитаны Силой так, как пропитана ею Кельсингра, мы оба знаем, что Сила живет в нем – в столпах и в самых старых камнях замков. Возможно, она не вредит тебе, потому что ты вырос среди нее, а может быть, потому, что ты таким родился. – Шут покачал головой, когда кровать под ним сделалась слишком мягкой. – Мы не знаем. Но я думаю, это, – он потер друг о друга пальцы в

перчатке, – очень пригодится мне в Клерресе.

– А зачем тебе потребовалось наполнить Серебром два флакона?

– Если честно, это не для меня, а для одного друга. Я хотел немного улучшить его жизнь. И возможно, добиться его расположения.

Я добавил чуть-чуть бренди себе и заново наполнил его бокал. Мы выпили.

– Что за друг? Я его знаю?

Он от души рассмеялся. В последнее время мне так редко доводилось слышать этот смех, что я невольно улыбнулся, хоть и не понял, что так развеселило Шута.

– Нет, пока не знаешь. Но непременно узнаешь. – Он обратил ко мне свои бледно-золотые глаза, и у меня появилось чувство, что Шут по-настоящему видит меня. – И возможно, тебе предстоит обнаружить, что у вас с ним много общего. – И снова рассмеялся, немного развязно.

Я не стал больше ничего спрашивать: все равно Шут не ответил бы на прямой вопрос. Но тут он удивил меня, спросив сам:

– А ты никогда не задумывался об этом? Чтобы добавить немного Силы своим пальцам?

– Нет.

Я вспомнил Верити с руками в Серебре по локоть, как он не мог дотронуться до своей жены или обнять ее. Или как, ощутив случайное прикосновение папоротника или ли-

ста дерева, на миг против воли забывал обо всем, полностью проникнувшись этим ощущением.

– Нет. По-моему, у меня и так хватает сложностей из-за Силы. Ни к чему делать себя еще уязвимее.

– Но ты жил с отпечатками моих пальцев много лет. И очень обиделся, когда я забрал их.

– Верно. Мне было жаль потерять связь с тобой, которую они давали. – Я отпил немного бренди. – Но как ты сумел забрать их? Как тебе удалось призвать Силу обратно?

– Да как-то взял и забрал. Вот ты мог бы описать, каким образом ты связываешься с Неттл?

– Я бы мог, но ты не поймешь. Для этого надо владеть Силой.

– Вот именно.

Между нами снова повисло молчание. Я укрепил свои стены, и бормотание города сошло на еле слышный шепот, а потом и вовсе сменилось благословенной тишиной. На миг ко мне пришло ощущение умиротворения... и тут меня начали одолевать упреки совести. Да какое у меня есть право почивать в мире, когда я так подвел Би?

– Хочешь, чтобы я их забрал?

– Что?..

– Следы моих пальцев. Хочешь, я заберу их назад?

Я немного подумал. Хочу ли я?..

– Я и в прошлый раз не хотел, чтобы ты забирал их. А теперь?.. Я боюсь, что, если ты прикоснешься к моему за-

пястью, нас обоих унесет течение. Шут, я ведь говорил, что магия будто осаждает меня. Ощувив всю мощь Силы, я стал очень осторожным. Я вспомнил Чейда в последние месяцы, то, как его разум будто крошился. А вдруг такое случится со мной? Вдруг я начну все забывать, не смогу больше держать свои мысли в порядке? Я не могу такого допустить. Мне нельзя забывать о своей миссии. – Я отхлебнул бренди. – У нас... у меня есть дело, и я должен его сделать.

Шут ничего не ответил. Я продолжал смотреть в потолок, но краем глаза подмечал, как он допивает бокал. Он налил себе еще из протянутой мною бутылки. Что ж, пожалуй, пора...

– Расскажи мне о Клерресе. Про остров, про город, про школу. Как мы попадем туда?

– Ну, мне-то попасть туда труда не составит. Едва я покажусь поблизости под личиной, сквозь которую они сумеют узнать меня, как они тут же поспешат вернуть меня обратно и закончить начатое. – Он попытался засмеяться, но внезапно умолк.

Возможно, Шут сам напугал себя. Надо срочно перевести разговор на что-то другое...

– Ты пахнешь, как она.

– Что?

– Ты пахнешь, как Янтарь. Это немного действует на нервы.

– Как Янтарь? – Он поднес запястье к носу и принюхал-

ся. – Запах розового масла уже почти выветрился. Как ты умудрился его учуять?

– Наверное, дело в том, что я по-прежнему отчасти волк. И еще благовония особенно заметны, потому что сам ты никак не пахнешь. Нет, если ты давно не мылся, я чувствую запах грязи на твоей коже и одежде. Но собственного запаха у тебя нет. Ночной Волк иногда звал тебя Лишенным Запаха. Он считал, что это очень странно.

– А я и забыл. Ночной Волк...

– Да, Ночной Волк... За друзей, которых с нами давно уже нет! – Я поднял бокал и осушил его.

Шут сделал то же. Я быстро снова наполнил его сосуд и звякнул бутылкой о край собственного.

Мы помолчали, вспоминая моего волка, но это была уже совсем другая тишина. Потом Шут прокашлялся и заговорил голосом Федврена, рассказывающего об истории Бакка:

– Далеко на юге, за морем и к востоку, лежит земля, откуда я родом. Я родился в небольшой семье, жившей фермерством. Почва на наших полях была доброй, наша река редко пересыхала. Мы разводили овец и гусей. Моя мать пряла шерсть, мои родители красили пряжу, мои отцы ткали из нее. Это было так давно, что кажется волшебной сказкой. Когда я родился, моя мать была уже немолода. Рос я медленно, совсем как Би. Но они берегли меня, и я жил с ними много лет. Они были уже старыми, когда отвезли меня к Слугам в Клеррес. Возможно, они решили, что уже слишком стары,

чтобы обо мне заботиться. Они сказали мне, что я должен стать тем, кем мне на роду написано, и опасались, что и так продержали меня при себе слишком долго. Ибо в тех краях о Белых Пророках знают все, хотя и не все верят легендам.

Я родился на большой земле, в Мерсении, но, перебираясь с одного острова на другой, мы достигли Клерреса. Это очень красивый город, который стоит на берегу бухты на большом острове, зовущемся на старом наречии Келлс. Или Клеррес. Некоторые зовут его Белый остров. На том берегу, как и на песчаных берегах некоторых соседних островов, попадаются огромные кости. Они такие старые, что превратились в камень. Я видел их своими глазами. Некоторые из этих каменных костей вделаны в стены крепости Клерреса. Ибо это воистину крепость, выстроенная задолго до Слуг. Некогда в Клеррес можно было попасть по длинной косе. Тот, кто построил цитадель, уничтожил перемычку, оставив лишь длинную узкую насыпь. Насыпь эта исчезает под водой каждый день во время прилива и вновь появляется с отливом. На обоих концах насыпи выстроены крепкие ворота, и они хорошо охраняются. Слуги решают, кого пропустить, а кого нет.

– Так у них есть враги?

Шут засмеялся:

– Нет, насколько я знаю. Они управляют денежными потоками. Паломники, торговцы, нищие – какой только народ не стекается в Клеррес!

– Тогда надо подплыть к острову ночью на маленькой лодке.

Он покачал головой и снова отпил бренди:

– Нет. На высоких башнях днем и ночью дежурят отменные лучники. Ближе к морю высятся огромные груды камней, и на них по ночам жгут костры. Они горят ярко. С моря не подобраться.

Я вздохнул:

– Продолжай.

– Я ведь говорил. Какой только народ не ищет пути в Клеррес! Торговцы из далеких краев, люди, желающие узнать свое будущее, люди, которые хотят войти в число Слуг или Белых, наемники, решившие наняться в стражники. Мы спрячемся среди них. В потоке людей, что каждый день вливается в Клеррес, затеряться не составит труда. Можно примкнуть к толпе желающих узнать будущее, они каждый день при самой низкой воде спешат в крепость.

– Я бы лучше проник в нее тайком. И желательно ночью.

– Возможно, и такой способ есть, – признал он. – Под насыпью проходит древний подземный ход. Понятия не имею, где он начинается и где заканчивается. Я ведь говорил тебе, что несколько юных Белых втайне вынесли меня из Клерреса. – Шут покачал головой и сделал большой глоток бренди. – Я думал, они мне друзья, – с горечью сказал он. – Но теперь я постоянно задаю себе вопрос: а если они исполняли волю Четырех? Наверное, они освободили меня, как почто-

вого голубя выпускают из клетки, зная, что он точно полетит домой. Я боюсь, что они будут ждать меня. Что они провидели мое возвращение и приготовились. То, что мы пытаемся сделать, Фитц, разрушит любое будущее, спланированное ими. А значит, они должны увидеть много снов об этом.

Я повернул голову на подушке и посмотрел на Шута. Он странно улыбался:

– Когда ты впервые вернул меня из-за порога смерти, я сказал тебе, что очутился в будущем, которого никогда не предвидел. Ни разу я не видел во сне ничего из того, что произошло со мной после смерти. Моя смерть, и я это знал, была предопределена. И когда я путешествовал с Прилкопом обратно в Клеррес, мне не снились сны. Я был уверен, что время, когда я был Белым Пророком, осталось позади. Разве мы не осуществили все то, о чем я мечтал?

– Осуществили! – воскликнул я и поднял бокал. – За нас!

– С годами я снова начал видеть вещие сны, но лишь урывками. А потом Эш дал мне драконьей крови, и сны вернулись. И какие это сны! Они предостерегают о великой неправильности в будущем. Дважды мне снилось, что в Клеррес приходит Разрушитель. Должно быть, это ты, Фитц. Но если я увидел это во сне, то увидели и другие. Возможно, Слуги поджидают нас. Возможно, это они запустили цепь событий, чтобы я явился к ним и привел своего Изменяющего.

– Тогда надо постараться, чтобы они тебя не заметили, – сказал я, изображая надежду на лучшее, которой не чувство-

вал.

То, что жертва готова к его появлению, – худшая новость для убийцы. Я отважился спросить еще кое о чем, что давно не давало мне покоя:

– Шут... Когда мы с тобой меняли мир, направляя его на «лучший путь», как ты говорил... Откуда ты знал, что нужно делать, а чего делать нельзя?

– Да я не то чтобы знал... – Он тяжело вздохнул. – Я видел тебя в желаемых для меня вариантах будущего. Но нечасто. Сначала было вообще не так много вариантов, при которых ты оставался в живых. Поэтому первой моей задачей было найти тебя и позаботиться, чтобы ты прожил как можно дольше. Чтобы ты продолжал существовать в большем числе будущих. Понимаешь, о чем я?

Я не понимал, но хмыкнул, будто соглашаясь.

– Ну так вот. Чтобы бастард выжил, надо найти человека, наделенного властью. Завоевать его расположение, склонить на свою сторону. Я вложил в голову короля Шрюда мысль, что ты можешь пригодиться ему в будущем. Что нельзя позволить Регалу уничтожить тебя, иначе Шрюд лишится оружия, которое еще может сослужить ему службу.

Мне вспомнилось, что сказал Регал, когда впервые увидел меня.

– «Не делай ничего непоправимого, пока не поймешь, чего ты после этого уже сделать не сможешь».

– Почти в точку, – сказал Шут, икнул и хихикнул. – О,

король Шрюд... Я не предвидел, что так привяжусь к нему, а он – ко мне. Или к тебе! – Он зевнул и добавил: – Но он привязался.

– Итак, что мы можем сделать такого, чтобы Слуги не столь наверняка ожидали нас?

– Ну, можно никуда не идти.

– Так.

– Можно отложить поход лет на двадцать.

– К тому времени я буду уже мертв. Или состарюсь.

– Верно.

– Не хочу втягивать в это остальных. Ланта и детей. Я и тебя-то не хотел брать, а уж их и подавно. Надеюсь, в Удачном мы сумеем посадить их на корабль и отправить домой.

Шут неодобрительно покачал головой:

– Ты что, надеешься и от меня избавиться по дороге?

– Я бы хотел, но, увы, ты нужен мне, чтобы найти Клеррес. Так что принеси пользу, Шут, расскажи мне о подземном ходе. Он тоже охраняется?

– Не думаю, Фитц. Я мало что могу тебе рассказать. Я был слеп и искалечен. Я даже не знаю имен тех, кто вынес меня оттуда. Когда я понял, что меня несут, то решил, что меня хотят сбросить в выгребную яму в самых глубоких подземельях. Это жуткое место, от него всегда несло мерзостью и смертью. Все отходы замка сливаются в огромный резервуар, высеченный в полу. Туда сбрасывают расчлененные тела тех, кто вызвал неудовольствие Четырех. Дважды в день

прилив наполняет резервуар. Сливная труба ведет из него в залив под замковой стеной. А когда начинается отлив, вода уходит и уносит с собой все: отбросы, дерьмо, задушенных младенцев, которых сочли недостойными жизни.

Его голос дал петуха, когда он добавил:

– Я думал, за этим они и пришли. Чтобы порезать меня на куски и сбросить туда вместе с прочим мусором. Но когда я закричал, они попросили меня не шуметь и сказали, что пришли спасти меня. Они завернули меня в одеяло и вынесли прочь. Когда я приходил в себя, я слышал, как капает вода. Пахло морем. Мы спустились по каким-то ступеням. Потом меня долго несли. Я чуял запах горячего масла в фонаре. Потом вверх по ступеням – и мы очутились на склоне холма. Там пахло овцами и сырой травой. Они мучительно долго несли меня по неровной местности, а потом в порт – и там передали матросам на корабле.

Я сохранил в памяти все то небольшое, что он сумел рассказать. Подземный ход под дамбой заканчивается на овечьем пастбище. Да, отыскать его будет непросто.

– Кто они были? Захотят ли они помочь нам?

– Не знаю. Я и помню-то все смутно.

– Ты должен вспомнить.

Он передернулся, и я испугался, что слишком сильно надавил на него. Пришлось заговорить более мягким тоном:

– Шут, ты – все, что у меня есть. А мне еще так много нужно узнать об этих Четырех. Мне необходимо знать все

об их слабостях, их утехах, их друзьях. Я должен знать их привычки, их пороки, их распорядок дня и их чаяния.

Я ждал. Шут хранил молчание. Я попробовал спросить иначе:

– Если бы нам пришлось выбирать, кого одного из них убить, чья смерть тебе наиболее желанна?

Он по-прежнему молчал. Спустя время я тихо спросил:

– Эй, ты не спишь?

– Не сплю. Нет. – Судя по голосу, Шут был не так уж и пьян. – Фитц... Это так вы обсуждали дела с Чейдом? Сиделись и решали, как кого убить?

Нет, об этом говорить нельзя. Это слишком личное, чтобы делиться воспоминаниями даже с Шутом. Я и с Молли никогда не касался этой темы. Единственной, кто видел меня за работой, была Би.

Я прокашлялся:

– Пожалуй, хватит на сегодня, Шут. Завтра я попрошу у хранителей бумагу, и мы начнем рисовать план цитадели. Посмотрим, что тебе удастся вспомнить. А сейчас нужно поспать.

– Я не смогу заснуть.

Голос его был полон тоски. Мне пришлось вытащить на свет все то, что он старался похоронить глубоко в себе. Я передал ему бутылку. Шут отхлебнул из горлышка. Я в свой черед поступил так же. Вряд ли мне самому удастся заснуть. Я не собирался напиваться. Хотел только подпоить друга. И

при помощи этой уловки вытянуть из него нужные сведения. Отпил еще и глубоко вздохнул:

– У тебя есть союзники по ту сторону стен?

– Возможно. Прилкоп был жив, когда я в последний раз видел его. Но если он и жив до сих пор, то почти наверняка в заточении. – (Молчание.) – Я постараюсь упорядочить в голове то, что знаю, и рассказать тебе. Но это тяжело, Фитц. Вспоминать многое просто невыносимо. Оно является мне только в кошмарах. – Он умолк.

Добывать из него сведения было так же мучительно, как выковыривать осколки кости из раны.

– Когда мы покинули Аслевджал, чтобы вернуться в Клеррес, – сказал вдруг Шут, – это затеял Прилкоп. Я еще не вполне пришел в себя после всего, что случилось. Я не чувствовал, что у меня хватит соображения продолжить собственный путь. А Прилкоп всегда хотел вернуться в Клеррес. Он мечтал об этом много-много лет. Его воспоминания об этом месте так сильно отличались от моих... В его время Слуги еще не были испорчены. В его время они верой и правдой служили Белым Пророкам. Когда я рассказал ему, как мне жилось там, как со мной обращались, он пришел в ужас. И только еще больше утвердился в своем решении вернуться. Он хотел вернуться и все исправить. – Шут вдруг обхватил себя за плечи и сгорбился. Я повернулся на бок, лицом к нему. В слабом свете звезд он казался очень старым и маленьким. – Я позволил ему убедить меня. У него было...

надеюсь, и сейчас остается... доброе сердце. Даже после того, как он своими глазами увидел все, что творила Илестора, он не мог поверить, что Слуги теперь служат лишь собственной алчности и ненависти.

– Илестора?

– Ты звал ее Бледной Женщиной.

– Не знал, что у нее было другое имя.

Его рот чуть изогнулся в улыбке.

– Неужели ты думал, что ее с самого детства звали Бледной Женщиной?

– Нет, я думал... да я просто об этом не задумывался. И ты сам звал ее Бледной Женщиной!

– Верно. Это старинный обычай, а точнее, суеверие: никогда не произноси имени того, чье внимание не хочешь привлекать. Возможно, это поверье восходит еще к тем давним временам, когда люди и драконы сосуществовали в мире. Тинталье не нравилось, что люди узнали ее подлинное имя.

– Илестора, – тихо произнес я.

– Она умерла. А я все равно стараюсь не называть ее по имени.

– Она в самом деле умерла.

Мне вспомнилось, какой видел ее в последний раз: вместо рук – почерневшие культы, пряди волос свисают вокруг лица, вся былая красота исчезла. Не хотелось думать об этом, и я обрадовался, когда Шут снова заговорил, мягко произнося каждое слово:

– Когда я только вернулся вместе с Прилкопом в Клеррес, Слуги были... потрясены. Я уже говорил, как слаб я был. Если б не это, возможно, я держался бы более осторожно. Но Прилкоп был уверен, что нас там ждет мир, утешение и чудесное возвращение домой. Мы вместе прошли по насыпи, и все, кто видел его сверкающую черную кожу, должно быть, понимали, кто перед ними: пророк, выполнивший свое предназначение до конца. Мы вошли, и он отказался ждать. Мы прошли прямо в приемный зал Четырех.

Я следил за его лицом в тусклом свете. Вот на нем почти проступила улыбка и тут же погасла.

– Они потеряли дар речи. Возможно, перепугались. Он прямо заявил, что их подложная пророчица потерпела поражение и мы выпустили в мир Айсфира. Он ничего не боялся. – Шут повернулся ко мне. – Какая-то женщина с криком выбежала из зала. Не уверен, но думаю, это была Двалия. Это произошло, когда она услышала, что руки Бледной Женщины пожрал каменный дракон и она умерла от холода и голода. Илистора всегда презирала меня, а в тот день я заслужил и ненависть Двалии.

Однако почти сразу после этого Четверо устроили в честь нашего прибытия настоящий праздник. На роскошных пирах мы восседали вместе с ними за высоким столом. Нас развлекали лицедеи, к нашим услугам были напитки и куртизанки и вообще все, чего, как им казалось, мы могли пожелать. Нас чествовали как вернувшихся героев, словно и

не мы вовсе разрушили будущее, которое они пытались создать.

Снова повисло молчание. Шут глубоко вздохнул и продолжал:

– Они поступили умно. Потребовали от меня полного отчета о том, что мне удалось совершить. Это было вполне ожидаемо. Они предоставили в мое распоряжение писцов, прекрасную бумагу, великолепные чернила и кисти, чтобы я мог записать все свои приключения во внешнем мире. Прикопа чествовали как старейшего из Белых.

Шут опять умолк, и мне показалось, что он задремал. Сам-то я выпил гораздо меньше его. Мой замысел сработал слишком хорошо. Я осторожно вынул бокал из его обмякшей руки и поставил на пол.

– Нам отвели роскошные покои, – заговорил он наконец. – За мной ухаживали лекари. Я окреп. Они держались так скромно, так извинялись за то, что сомневались во мне. Так стремились к знаниям. Задавали так много вопросов. Но однажды я поймал себя на том, что, несмотря на все их расспросы и лесть, я умудрился... свести твою роль почти на нет. Я представил все так, будто это был не ты один, а несколько разных людей. Мальчик-грум, незаконнорожденный принц, убийца. Я старался не выдать тебя, спрятать под видом безымянного Изменяющего, служившего мне. И тогда я понял, что по-прежнему не доверяю им. Что я не забыл и не простил того, как они со мной обращались и держали под

замком.

У Прилкопа тоже появились дурные предчувствия. Он наблюдал за Бледной Женщиной с тех самых пор, как она объявила Аслевджал своим. Он видел, как она задабривала своего Изменяющего, Кебала Робреда, подарками. Серебряное ожерелье, золотые серьги с рубином... Ясно было, что в ее распоряжении огромные богатства. Все золото Клерреса было к ее услугам, чтобы она повернула мир на лучший, как они это называли, путь. Она была не пророком-отщепенцем, а посланницей Четырех, исполняющей их волю. Она должна была уничтожить Айсфира и тем убить последнюю надежду на возрождение драконов. Так почему же, спрашивал меня Прилкоп, они так обрадовались нам, пустившим прахом все их усилия?

Поэтому мы с ним сговорились. Мы решили, что ни в коем случае нельзя открывать ничего, что могло бы вывести их на тебя. Прилкоп предположил, что они ищут так называемые развилки – места и людей, которые помогли нам направить мир к лучшему будущему. И что они могут попытаться использовать определенные места и людей, чтобы столкнуть мир обратно на их «истинный Путь». Чутье подсказывало Прилкопу, что ты – очень важная развилка и тебя следует защищать. В то время Четверо все еще обращались с нами как с дорогими гостями. У нас было все, чего душа пожелает, в том числе и возможность невозбранно бродить по цитадели и городу. Тогда-то нам и удалось отправить к тебе первых

двух гонцов. Чтобы они разыскали и предупредили тебя.

Я напряг свой полусонный разум:

– Нет. Посланица сказала, что ты просишь меня отыскать Нежданного Сына.

– Та посланица пришла позже, – тихо проговорил он. – Намного позже.

– Но ты всегда говорил, что Нежданный Сын – это я.

– Так я думал раньше. И Прилкоп тоже. Вспомни, как настоятельно он советовал нам расстаться, чтобы мы по случайности не натворили еще каких-то изменений в мире, изменений непредсказуемых и неуправляемых. – Он невесело рассмеялся. – И он был прав.

– Шут, меня не волнуют чьи-либо видения лучшего будущего этого мира. Слуги убили моего ребенка. – Я говорил, роняя слова в темноту. – Все, чего я хочу, – это лишить их любого будущего. – Я чуть подвинулся, устраиваясь в кровати. – А когда ты решил, что Нежданный Сын – это не я? И если все эти предсказания не имеют ко мне отношения, как же тогда все то, что мы с тобой совершили вместе? Мы ведь следовали подсказкам, которые ты видел во сне, а если эти сны были на самом деле не про меня...

– Я сам бился над этой загадкой. – Он вздохнул так тяжело, что я ощутил дуновение на лице. – Вещие сны – те еще шарады, Фитц. Шарады, которые приходится разгадывать. Ты нередко упрекал меня в том, что я толковал свои сны уже после того, как все случилось, подгоняя их под дей-

ствительность. Но пророчества о Нежданном Сыне... Их так много. Я ведь тебе рассказывал. В одних у тебя были оленьи рога. В других ты выл как волк. Сны говорили – ты придешь с севера, родившись от бледной матери и смуглого отца. Все сходится. Я ссылался на эти сны, чтобы доказать, что незаконнорожденный принц, которому я помог, и есть Нежданный Сын.

– Ты помог мне? Я думал, что был твоим Изменяющим.

– Да, ты им был. Не перебивай. Мне и так непросто, а тут еще ты перебиваешь.

Он снова помолчал. Потом поднял бутылку. Когда же опустил, я еле успел подхватить ее, чтобы не упала.

– Я знаю, что Нежданный Сын – это ты. Я чувствовал это сердцем тогда, чувствую и сейчас. Но они упорно твердили, что это не ты. Они делали мне так больно, что я уже не понимал, что я знаю, а что нет. Они перекручивали мои мысли, Фитц, точно так же, как выкручивали мне руки и ноги. Они утверждали, что некоторые из выведенных в Клерресе пророков до сих пор видят сны про Нежданного Сына. Им снится, как он осуществляет страшную месть. Если бы я помог сбыться всем этим пророчествам, говорили мне, больше никто не видел бы подобных снов. Но они продолжались.

– Может быть, это все равно обо мне. – Я заткнул бутылку пробкой и осторожно поставил на пол. Рядом пристроил свой бокал. И повернулся на бок, чтобы взглянуть на друга.

Я сказал это не всерьез. Но по лицу его понял, что для

него это прозвучало вовсе не смешно.

– Но... – начал было Шут и оборвал себя. Он вдруг так резко наклонил голову, что чуть не боднул меня в грудь. И прошептал, словно не решаясь произнести это вслух: – Но это означало бы, что они всё знают. Знают точно. Ох, Фитц! Они явились и нашли тебя. Они забрали Би, но они нашли Нежданного Сына. Они ведь утверждали, будто сны предсказывают, что они найдут его, и они нашли. – На последних словах у него перехватило дыхание.

Я положил ему руку на плечо. Его трясло. Заговорил негромко:

– Ну, нашли они меня. А теперь мы заставим их крепко пожалеть о том, что они меня нашли. Разве ты не говорил, что я снился тебе как Разрушитель? Вот тебе мое предсказание: мы уничтожим тех, кто уничтожил мою дочь, и разрушим их дом.

– Где бутылка?

Судя по голосу, он совершенно пал духом, и я решил сжалиться над ним:

– Она опустела. Мы так долго говорили. Пора спать.

– Я не смогу. Я боюсь того, что мне может присниться.

Я был пьян. Слова сами сорвались у меня с языка:

– Тогда пусть тебе приснится, как я убиваю Четырех. – И глупо рассмеялся. – С каким удовольствием я бы прикончил Двалию! Теперь я понимаю, почему ты разозлился, узнав, что я не убил Бледную Женщину. Я-то знал, что она все рав-

но умрет. Но понимаю, почему тебе хотелось, чтобы я убил ее.

– Ты нес меня на руках. Я был мертв.

– Да.

Мы долгое время молчали, вспоминая. Давно я уже так не напивался. Спустя время я позволил себе расслабиться, начал погружаться в дрему.

– Фитц... Когда родители оставили меня в Клерресе, я был еще ребенком. Мне тогда так нужен был кто-то, кто бы защищал меня, заботился обо мне, а у меня никого не было. – Голос Шута, всегда такой выверенный, все больше дрожал от слез. – Когда я впервые сбежал из Клерреса и проделал долгий путь в Баккип, чтобы найти тебя... Это было ужасно. Мне такое приходилось делать, и со мной делали такое... И все это – лишь бы добраться до Бакка. И найти тебя. – Он прерывисто вздохнул. – А потом король Шрюд... И ты, живой... Я стал таким, каким меня учили быть Слуги, – безжалостным, думающим только о себе, только о том, как бы использовать людей в своих целях. Я явился к его двору, оборванный и полумертвый от голода, и дал ему письмо, где половина чернил смылась. В письме говорилось, что меня прислали Шрюду в подарок.

Шут шмыгнул носом и потер веки. Мои глаза наполнились слезами от сочувствия к нему.

– Я кувыркался, скакал и ходил на руках. Я думал, он будет насмехаться надо мной. Я готов был делать все, что

угодно, лишь бы заставить его сохранить тебе жизнь. – Он всхлипнул вслух. – Он... велел мне прекратить. Возле его трона стоял Регал, в ужасе оттого, что уродца вроде меня вообще допустили к королю. Но Шрюд... Он сказал стражнику: «Отведи этого ребенка на кухню и проследи, чтобы его хорошо накормили. Пусть портниха подыщет ему одежду. И башмаки. Найдите ему башмаки».

И все было сделано, как он сказал. Ох как я насторожился! Я не доверял ему. Капра учила меня бояться тех, кто с самого начала проявляет доброту. Я постоянно ждал удара или приказа. Когда Шрюд сказал, что я могу спать у очага в его покоях, я был уверен, что он... Но он ничего такого не имел в виду. Когда королевы Дизайер не было в замке, я скрашивал его вечера, веселил его шутками, историями и песенками. А потом ложился спать у огня и вставал утром вместе с ним. Фитц, ему не было никакой выгоды оттого, что он так по-доброму обращался со мной. Вообще никакой.

Стены Шута рухнули в прах; он расплакался, не скрываясь.

– Он защищал меня, Фитц. Прошло несколько месяцев, прежде чем я стал ему доверять. Но потом, всякий раз, когда королева Дизайер уезжала и мне разрешалось спать у огня, я чувствовал себя в безопасности. Там я мог спать спокойно. – Он опять потер глаза. – Вот бы и теперь... Как бы я хотел снова спать так спокойно.

И я сделал то, что, наверно, каждый сделал бы для друга,

особенно когда оба настолько пьяны. Вспомнил собственное детство и Баррича и как его спокойная уверенность и внутренняя сила защищали меня в первые годы. Я обнял Шута одной рукой и крепко прижал его к себе. На миг ощутил невыносимую близость, связывающую нас. Приподнял руку и подвинулся так, чтобы его голова оказалась у меня на плече.

– Я почувствовал, – сказал он.

– Я тоже.

– Тебе надо быть осторожнее.

– Надо. – Я укрепил свои стены, чтобы он не мог пробиться сквозь них. Мне не хотелось этого делать, но так было нужно. – Спи, – сказал я. И пообещал, хотя сомневался, что смогу сдержать слово: – Я буду защищать тебя.

Он в последний раз шмыгнул носом, потер запястьем глаза и глубоко вздохнул. Потом нашарил рукой в перчатке мою и сжал запястье, а я сжал в ответ его, как это делают воины. Спустя какое-то время я почувствовал, как Шут обмяк рядом со мной; его рука, сжимавшая мое предплечье, разжалась. Сам я его руки не выпустил.

Защищать его... Да разве я теперь способен защитить хотя бы себя самого? Какое право было у меня давать такое пустое обещание? Разве мне удалось защитить Би, а? Я глубоко вздохнул и стал думать о ней. Но не так, как обычно рассеянно вспоминают прекрасные былые времена. Я думал о том, как ее пальчики крепко сжимали мою руку. Как она

любила намазывать хлеб толстым слоем масла, как держала чашку двумя руками. Боль всколыхнулась во мне, острая, как прежде, словно на старые раны насыпали соли. Я вспомнил, как нес ее на плечах, а она держалась за мою голову, чтобы не упасть. Би... Такая крошечная... Так недолго она была моей... А теперь ее не стало. Она растворилась в потоке Силы и исчезла навсегда. Би.

Шут тихонько застонал, будто от боли. Его рука на миг сжала мою и снова расслабилась.

И еще долго я лежал рядом с ним, глядя в ненастоящее звездное небо, и нес свою вахту.

Глава 7

Нищенка

Этот сон очень короткий, но столь красочный, что я не могу забыть его. Важен ли он? Мой отец разговаривает с человеком, у которого две головы. Они так увлеклись беседой, что я никак не могу докричаться до них. Во сне я кричу: «Найди ее! Найди ее! Еще не поздно!» Во сне я волк, сотканный из тумана. Я вою и вою, но они не замечают меня.

Дневник сновидений Би Видящей

Никогда еще мне не было так одиноко. И так голодно. Даже Волк-Отец не мог подсказать, что мне делать.

Давай найдем какой-нибудь лес. Там я научу тебя быть волком, как твой отец научил меня.

Развалины представляли собой огромный лабиринт почерневших и оплавившихся камней. Грани некоторых прямоугольных блоков выглядели так, будто подтаяли и оплыли, как лед на солнце. Мне приходилось перебираться через рухнувшие стены, и я боялась провалиться в щели между камнями. В одном месте два каменных блока привалились друг к другу, и мне удалось укрыться в этом шалаше. Сидя в тени, я попыталась собраться с мыслями и силами. Нельзя попасться на глаза Двалии и остальным. У меня нет ни еды,

ни воды. Есть та одежда, что на мне, а за пазухой – свеча. Заплесневелую шаль и шерстяную шапку я потеряла, когда меня в последний раз избили. Как же мне вернуться в Бакк или хотя бы добраться до границы Шести Герцогств? Я перебрала в голове то небольшое, что знала о географии Калсиды. Возможно ли добраться до дому пешком? Калсида – суровый край. Здесь над землей дрожит жаркое марево. Кажется, тут есть пустыня... и низкий горный хребет. Я покачала головой. Бесполезно. Голова отказывается работать, когда брюхо требует есть, а рот пересох от жажды.

До конца дня я пряталась в своем укрытии. Напряженно прислушивалась, но так и не услышала Двалии и ее спутников. Наверное, она сумела-таки выбраться из-под завала, а Виндлайер снова зачаровал калсидийца, чтобы тот помог им. Что они будут делать дальше? Возможно, отправятся в город или в дом Керфа. Станут ли искать меня? Так много вопросов, и ни одного ответа.

Когда сгустились сумерки, я стала пробираться сквозь развалины уничтоженной драконами части города. Некогда роскошные дома зияли теперь пустыми оконными и дверными проемами, крыши их обрушились. Улицы были завалены обломками. Падальщики и мародеры немало потрудились на развалинах. Во многих стенах не хватало каменных блоков. В проломах проросла высокая трава и жилистые кусты. Сквозь дыру в поваленной ограде сада виднелась чаша фонтана, где скопилась дождевая вода. Я напилась, чер-

пая воду пригоршней, и ополоснула лицо. Ободренные запястья засадили, когда стала мыть руки. Раздвинула непомерно разросшиеся кусты в поисках укрытия, чтобы переночевать. Среди грядок с травами под ногами запахло раздавленной мятой. Пришлось немного поесть ее – просто чтобы хоть чем-то наполнить желудок. Ощупывая пальцами травы, я сумела опознать зонтичные листья настурции. Нарвала полные горсти листьев и запихала в рот. За покосившейся шпалерой, заросшей плющом, нашелся полуразрушенный дом.

Забравшись внутрь через низко расположенное окно, я поглядела на небо. Ночь будет ясная и холодная. Нашла уголок, где было поменьше мелких обломков, зато кусок рухнувшей крыши давал укрытие, заползла туда и свернулась клубком, как бродячая собака. Закрыла глаза. Сон пришел и принес череду резко сменяющихся видений: Ивовый Лес, поджаренный хлеб и чай. Отец нес меня на плечах. Я проснулась в слезах. Свернувшись в темноте получше, попыталась придумать, как мне вернуться домой. Лежать на полу было жестко. Плечо по-прежнему ныло. Живот болел не только от голода, но и от побоев. Я потрогала ухо: вокруг него на волосах запеклась кровь. Ну и жуткий же, наверное, у меня вид... Совсем как у того нищего, которому я помогла в Дубах-у-воды. Значит, завтра я стану нищенкой-попрошайкой. Все, что угодно, лишь бы добыть еды. Вжавшись в стену, я крепче обхватила себя. В ту ночь я спала урывками. Было бы не так уж и холодно, если бы не пришлось лежать под от-

крытым небом в драной одежде.

Когда встало солнце, по синему небу неслись белые облака. Я вся заоченела, изголодалась, измучилась от жажды и одиночества. И была свободна. Странный дух висел в воздухе, вплетаясь в запахи кухонных очагов, сточных канав и лошадиного навоза.

Отлив, шепнул мне Волк-Отец. Так пахнет море, когда отступает.

Я взобралась на то, что осталось от стены дома, чтобы оглядеться. Развалины находились на низком холме в огромной впадине долины. За городом, раскинувшимся подо мной, блестела на солнце река. Позади меня землю покрывали здания и дороги, словно корка на подсохшей болячке. Из бесчисленных труб поднимался дым. Издалека к городу тянулись щупальца коричневатой воды, в ней стояло на якоре множество кораблей. Гавань. Слово было знакомым, но я впервые увидела воочию то, что оно означает, – водное пространство, защищенное со всех сторон. Словно большой и указательный палец суши почти сомкнулись в кольцо, оградив ее. А дальше снова простиралась вода, до самого горизонта. Я столько раз слышала выражение «синее море», что не сразу поняла – неужели все это множество оттенков зеленого, синего, серебряного, серого и черного и есть то, о чем поют менестрели? А еще они пели, что море манит и зовет, но меня к нему вовсе не тянуло. Море было огромное, пустое и опасное. Я повернулась к нему спиной. В другой

стороне за городом виднелись низкие желтоватые холмы.

– У них тут нет леса, – прошептала я.

А-а-а. Тогда понятно, почему калсидийцы такие, какие есть, отозвался Волк-Отец. Воспользовавшись моими глазами, он оглядел землю, застроенную домами и вымощенную брусчаткой. Это незнакомые мне и опасные охотничьи угодья. Боюсь, от меня тут будет мало толку. Будь осторожна, волчонок. Будь очень осторожна.

Калсида просыпалась. В мешанине улиц внизу виднелись длинные полосы развалин, но основную ярость драконы обрушили на дворец и дома вокруг него. «Дворец герцога», – сказал Керф. В моей памяти что-то блеснуло. Я слышала, как мать с отцом говорили о том, как все произошло. Драконы Кельсингры напали на Калсиду и ее столицу. Старый герцог погиб, и его дочь объявила себя наследницей трона. Никто не мог припомнить, чтобы когда-либо Калсидой правила женщина. Отец тогда сказал: «Сомневаюсь, что у нас установится с Калсидой мир, но неплохо уже и то, что внутренние распри отвлекут их от нас».

Но я не видела никаких признаков распрей. Ярко одетые прохожие мирно спешили по своим делам. Улицы заполнились повозками, запряженными ослами и какими-то странными крупными козами. Между повозками шли люди в просторных, вздувающихся на ветру рубахах и черных штанах. Вон на берег вытащили лодку и выгружают из нее серебристую рыбу, а вон корабль направился в открытое море, па-

руса его наполнились ветром, расправились, словно птичьи крылья, и он бесшумно скрылся из виду. Я разглядела два рынка: один возле причалов, а второй на широкой улице, обсаженной деревьями. Тот, что на большой улице, щеголял яркими навесами, а тот, что у причалов, выглядел более блеклым и бедным. До меня донеслись запахи свежееиспеченного хлеба и коптящегося мяса, и, хотя они были очень слабыми, мой рот наполнился слюной.

Я заново обдумала свой план: притвориться немой и выпрашивать еду и мелочь. Но порванная рубашка, рейтузы и меховые башмаки выдадут во мне чужеземку: в этой стране носят яркие, струящиеся наряды.

Выбор был невелик: продолжать прятаться тут и голодать или попытать удачи на улицах.

Я, как могла, привела себя в порядок. Раз уж мне придется быть нищенкой, то хотя бы не такой, на которую противно смотреть. Понадеялась, что благодаря светлым волосам и голубым глазам меня примут за уроженку здешних мест. А я прикинусь, будто не могу говорить. Синяки на лице до сих пор болели, царапины только начали подсыхать. Возможно, убогий вид будет мне на руку. Но нельзя полагаться только на жалость.

Меховые башмаки я сняла. Весенний день только разгорался, а мне в них уже было жарко. Как могла отряхнула их от грязи. Потом стянула лохмотья, оставшиеся от чулок, и устоялась на свои бледные, сразу покрывшиеся гусиной ко-

жей ноги. Уж и не помню, когда последний раз ходила босиком. Что ж, придется привыкать... Прижав башмаки к груди, я стала спускаться в сторону рынка.

Там, где что-то продают, можно и купить. К тому времени, когда показался рынок, мои ноги покрылись пылью и синяками из-за того, что я оступалась на камнях, но голод был сильнее боли. Трудно было идти мимо прилавков с первыми фруктами, хлебом и мясом. Я не обращала внимания на удивленные взгляды и старалась выглядеть спокойной и расслабленной, а не бродяжкой, не знающей города. Нашлись прилавки, где торговали тканями и одеждой, а потом и телеги, с которых продавалось подержанное платье и тряпье. Я молча протягивала свои башмаки торговцам. Первые несколько человек не заинтересовались, потом какая-то женщина взяла мою обувь и принялась вертеть так и эдак. Она хмуро посмотрела на них, потом на меня и протянула шесть медных монеток. Торговаться мне было не с руки. Хороша цена или плоха, а другой не дадут. Так что я взяла деньги, коротко поклонилась и отошла. Постаралась затеряться в толпе, но еще долго чувствовала затылком взгляд торговли.

Я молча протянула две монетки через прилавок с хлебом. Молодой торговец о чем-то спросил меня, я показала на свой закрытый рот. Он посмотрел на монеты, на меня, поджал губы и наконец повернулся к закрытой корзине. Достал оттуда и протянул мне черствую сайку: ее испекли, наверное, несколько дней назад. Я взяла ее дрожащими от нетерпения

руками и поклонилась. У него на лице промелькнуло странное выражение. Он схватил меня за запястье так сильно, что я едва сумела подавить крик. Однако продавец выбрал из свежего товара на прилавке самую маленькую саечку и дал мне. Должно быть, выражение неимоверной благодарности на моем лице смутило его, потому что он шуганул меня, как бродячего котенка. Я сунула еду за пазуху, где уже лежала потрепанная свечка, и побежала искать, где можно поесть.

В конце рыночного ряда оказался колодец, которым могли пользоваться все. Никогда не видела ничего подобного. В каменной чаше бурлила теплая вода. Излишек стекал на землю по желобу. Женщины подставляли под него ведра, а потом маленькая девочка подошла и напилась из горсти. Я последовала ее примеру, опустившись на колени. Вода странно пахла, и в ней был сильный привкус, но она была мокрая и не ядовитая, чего еще желать? Я вдоволь напилась, потом брызнула воды себе в лицо и потерла мокрые ладони друг о друга. Должно быть, тут это считалось неприличным, потому что какой-то человек вскрикнул с отвращением и уставился на меня сердито. Я поспешно вскочила и убежала.

По другую сторону рынка оказалась торговая улица. Там не было лотков, а в роскошных домах из камня и дерева размещались богатые лавки и таверны. Был теплый день, и их двери стояли настежь. До меня донесся аромат коптящегося мяса, послышался шорох рубанка по доске. Рядом и позади плотницкой мастерской были свалены запасы необработанных

ного дерева. Оглядевшись по сторонам, я нырнула под сложенные крест-накрест доски, и они скрыли меня от посторонних глаз. Села на землю, прислонившись спиной к сладко пахнущему дереву. Достала из-за пазухи сайки и заставила себя сначала съесть черствую. Она оказалась твердой как камень – и невероятно вкусной. Я ела ее, дрожа от удовольствия. Проглотив последний кусочек, я замерла, тяжело дыша и прислушиваясь к тому, как он опускается в желудок. Я бы не отказалась еще от десятка таких же.

Взяв в руку маленькую сладкую сайку, я вдохнула аромат. Разумнее было бы оставить ее на завтра. Но с другой стороны, если я стану носить хлеб за пазухой целый день, то вдруг оброню его или от него откошатся кусочки... Мне не составило труда убедить себя. На верхней корочке был тонкий запекшийся слой меда, нанесенный в виде завитка, а внутри – ломтики фруктов и пряности. Я откусывала по невыносимо крохотному кусочку, смакуя каждую каплю сладости на языке. Очень скоро и эта сайка закончилась. Голод отступил, но забыть о нем не удавалось, и это было мучительно.

Еще одно воспоминание всплыло у меня в голове. Другой нищий, покрытый шрамами, замерзший калека. Возможно, он был даже более голоден, чем я теперь. Мне хотелось помочь ему. Мой отец ударил его ножом, и еще раз, и еще. А потом бросил меня, чтобы отнести нищего в Олений замок, где его могли вылечить. Я попыталась соотнести все это с тем, что мне удалось подслушать, но кусочки мозаики упор-

но складывались в такое, чего точно быть не могло. Тогда я задумалась, почему же никто не замечает меня, такую маленькую, голодную и одинокую, и никому не приходит в голову угостить меня яблоком.

При мысли о яблоке, которое я дала тому нищему, мой рот наполнился слюной. Ах, какие каштаны я ела в тот день, такие горячие, что больно было чистить, такие сладкие, что таяли во рту. В животе заурчало, и я подтянула колени к груди.

У меня осталось еще четыре монетки. Если продавец хлеба будет завтра так же щедр, как сегодня, я протяну еще два дня. Потом придется либо воровать, либо голодать.

Как же мне вернуться домой?

День разгорался, солнце припекало все жарче. Я оглядела себя. Мои босые ноги были покрыты грязью, ногти на них отросли. Подбитые ватой штаны заскорузли от грязи. Туника из Ивового Леса, когда-то длинная, теперь была вся в пятнах и заканчивалась рваными клочьями чуть ниже пояса. Манжеты рубашки под ней лоснились. Нищенка и есть, как ни посмотри.

Надо пойти к гавани и посмотреть, нет ли там кораблей, которые направляются в Бакк или хотя бы куда-нибудь в Шесть Герцогств. Но как мне выяснить это и чем заплатить за проезд? Солнце припекало, на мне была слишком теплая одежда. Я забилась глубже в тень и свернулась калачиком возле штабеля досок. Не собиралась спать, но заснула.

Проснулась я уже после полудня. Тень уползла с меня, но сон не уходил, пока солнце не коснулось моих век. Я села. Мне было ужасно худо: тошнило, голова кружилась, хотелось пить. Кое-как встала на ноги и побрела прочь. Остатки храбрости покинули меня. Я не нашла в себе сил спуститься в порт или хотя бы исследовать город. Вернулась на развалины, туда, где пряталась ночью.

В чужом и незнакомом городе я старалась держаться того немногого, что уже успела изучить. При свете дня стало видно, что вода в чаше старого фонтана зеленоватая и в ней плавают маленькие черные козявки. Но мне ужасно хотелось пить. Утолив жажду, я разделась, чтобы вымыться, насколько это возможно. Постирала одежду. Это оказалось неожиданно тяжело, и я уже не в первый раз подумала о том, какой беззаботной была моя жизнь в Ивовом Лесу. Слуги делали за меня всю работу. Я старалась быть с ними вежливой, но поблагодарила ли я их хоть раз по-настоящему за весь их труд? Мне вспомнилась Кэшн и как она одолжила мне свои кружева. Жива ли она еще? Вспоминает ли меня хоть иногда? Захотелось заплакать, но я удержалась.

Я окунала в воду, терла и выжимала свою грязную одежду, одновременно решительно выстраивая планы. Двалия долгое время не знала, что я девочка. Выдавать себя за мальчика безопаснее. Пригодится ли такой на корабле, идущем в Шесть Герцогств? Я слышала много историй о том, как мальчишки нанимались на корабли и переживали удивительные

приключения. Менестрели пели о том, как некоторые из них становились пиратами, другие находили сокровища, третьи дослуживались до капитанов. Завтра я возьму еще две монетки, куплю на них хлеб и съем его. Эта часть плана мне очень нравилась. Потом надо будет спуститься к гавани и узнать, нет ли там кораблей, направляющихся в Шесть Герцогств, и не согласятся ли взять меня на борт, если я отработаю дорогу? Я постаралась не думать о том, какая я маленькая, на вид суший ребенок, что силенок у меня немного и я не говорю на калсидийском. Как-нибудь справлюсь.

Другого выхода нет.

Разложив одежду на обвалившейся каменной стене на просушку, я вытянулась гольшом на согретых солнцем каменных плитах двора. Мамина свеча была мятая, сломанная пополам в одном месте так, что держалась только на нити фитиля. На воске отпечаталась ткань. Но она все равно пахла мамой. Домом, покоем, ласковыми руками. Я так и уснула там, в ажурной тени полуповаленного дерева. Когда снова проснулась, одежда моя почти высохла, а солнце садилось. Мне снова захотелось есть и сделалось страшно при мысли о ночном холоде. Проспав столько времени, все равно чувствовала себя усталой. Возможно, путешествие сквозь камни обошлось мне дороже, чем я думала. Я забралась поглубже в тень поваленного дерева, туда, где скопились опавшие листья за несколько лет. На такой подстилке было уютнее, чем на голых каменных плитах. О пауках и прочих кусачих

созданиях я старалась не думать. Свернулась клубком и снова уснула.

Ночью отвага покинула меня. Я проснулась от собственного плача и долго не могла успокоиться. Закусив кулак, чтобы не рыдать слишком громко, захлебывалась слезами. Оплакивала свой потерянный дом, погибших в огне лошадей, Ревела, лежавшего мертвым в луже крови у моих ног. Все, что со мной произошло, все, что мне пришлось увидеть, но до сих пор не было времени пережить внутри себя, вдруг навалилось на меня разом. Отец бросил меня ради раненого нищего, а Персивиранс, возможно, погиб. Шун осталась далеко позади, и я могла только надеяться, что с ней все хорошо. Удалось ли ей выжить и добраться до Ивового Леса, чтобы рассказать, что с нами стало? Придет ли кто-нибудь спасти меня? Я вспомнила Фитца Виджиланта, его алую кровь на белом снегу.

«Мне нельзя возвращаться», – подумалось вдруг. Что ждет меня дома? Как меня встретят? А если они возненавидели меня, потому что бледные пришли за мной? И разве Двалия или кто-то еще из ее племени не догадается сразу, куда я направилась? А если они придут за мной снова, станут жечь и убивать? Я сжалась в комочек в укрытии под деревом и тихонько закачалась, баюкая себя, понимая, что меня некому защитить.

Я буду защищать тебя. Слова Волка-Отца были тише шепота.

Он существует только у меня в голове. Как он может защитить меня? Что он такое? Всего лишь плод моего воображения. Я придумала его себе, начитавшись отцовских записок...

Я настоящий, и я с тобой. Доверяй мне. Я помогу тебе защитить себя.

Меня вдруг охватила злость.

– Ты не помог, когда меня похищали! Ты не помог, когда Двалия избивала меня и тащила сквозь камень! Ты просто сон. Я придумала тебя, потому что была маленьким напуганным ребенком. Но ты не сможешь мне теперь. Никто не может мне помочь.

Никто, кроме тебя.

– Замолчи! – выкрикнула я и в ужасе зажала себе рот.

Мне надо сидеть тише воды ниже травы, а я тут кричу на выдуманного волка. Я забилась под дерево в самую глубину, вжалась спиной в остатки рухнувшей стены. Постаралась стать как можно меньше, зажмурилась, подняла стены и уснула.

На следующий день я встала с соленой коркой от слез на щеках. В голове толчками стучала боль, живот подводило от голода. Не скоро мне удалось заставить себя выбраться из тени дерева. Идти вниз, к рынкам, не было сил, и я просто шаталась по развалинам. Иногда мне попадались ящерицы и змеи, пригревшиеся на расколотых камнях. Я подумала, не съесть ли одну, но они проворно прятались под камнями,

стоило мне подойти. Дважды я замечала людей, которые, похоже, тоже жили в полуразрушенных домах. Я чувствовала запах их очагов, видела лохмотья, развешанные на просушку, и старалась не попасться никому на глаза.

В конце концов голод пригнал меня на рынок. Торговца хлебом, благодетельствовавшего меня днем раньше, мне найти не удалось. Я долго ковыляла, прихрамывая, среди рядов, но в конце концов пришлось подойти к другому лотку. Женщина с кислой физиономией жарила пирожки с какой-то аппетитной начинкой. У нее был небольшой металлический котел для огня и большая сковородка, где были тесно уложены пирожки, и она ловко переворачивала их лопаточкой, чтобы подрумянились с обеих сторон.

Я протянула ей монетку, но торговка покачала головой. Тогда, спрятавшись за прилавком, я достала из завязанной узлом рубахи вторую монетку. Получив обе, женщина завернула мне пирожок в большой лист какого-то растения, заколов его деревянной палочкой, чтобы не разворачивался. Я благодарно поклонилась ей, но она, не обращая больше на меня внимания, уставилась поверх моей головы на следующего покупателя.

Интересно, этот лист тоже едят или он используется просто как салфетка? Я осторожно откусила кусочек. Вроде ничего... Наверное, торговка не стала бы заворачивать пирожки в ядовитую растительность. Отыскав укромное местечко позади незанятого прилавка, я села на землю, чтобы поесть.

Пирожок был маленький, с мою ладонь, и мне хотелось растянуть удовольствие. Начинка крошилась и отдавала мокрой овцой. Мне было все равно. Но после того, как я откусила от пирожка второй раз, я заметила, что за мной через щель между прилавками наблюдает какой-то мальчишка. Я отвернулась, откусила еще, а когда снова посмотрела в сторону улицы, к наблюдателю присоединился его приятель помоложе, одетый в грязную полосатую рубаху. Оба были лохматые, волосы и босые ноги все в пыли. У них был взгляд мелких хищников. Я сердито посмотрела в их сторону, и на миг у меня закружилась голова. Это было почти как тогда с нищим в Дубах-у-воды. Я видела вихри событий, возможности... но я не понимала, какие из них к добру, а какие к худу. Знала только, что мне надо всячески постараться всего этого избежать.

Когда по улице проехала запряженная осликом тележка, заслонив меня от мальчишек, я стремглав бросилась за угол прилавка и запихала в рот остатки пирожка. Теперь у меня был полный рот, зато освободились руки. Я встала и попыталась затеряться в толпе.

Моя одежда притягивала любопытные взгляды. Я шла, опустив глаза, стараясь не привлекать внимания. Несколько раз оглядывалась. Мальчишек видно не было, но я не сомневалась, что они идут за мной. Если эти двое отберут две оставшиеся монетки, мне самой ничего не останется. От этой мысли меня охватила паника, но я постаралась успоко-

иться. *Не думай, как добыча.* Что это – совет Волка-Отца или моя собственная мысль? Я замедлила шаг, присела за тележкой мусорщика и стала смотреть, как приливает и отливает толпа.

На рынке были другие маленькие нищие, и они владели ремеслом куда лучше меня. Трое ребят, две девочки и мальчик, болтались вокруг лотка с фруктами, невзирая на все попытки торговца отогнать их. Внезапно все трое бросились к нему, ухватили кто что успел, и разбежались в разные стороны. Продавец стал ругаться им вслед и послал своего сына вдогонку за одним из воришек.

Еще я заметила стражников. Они носили плащи до колен, полотняные штаны, легкие кожаные рубахи и низкие башмаки. У каждого была короткая суковатая дубинка и меч в ножнах, и ходили они группами по четыре человека. Когда стражники проходили мимо, торговцы предлагали им попробовать мясо на вертеле, каравай хлеба или куски рыбы на лепешках. «Интересно, что ими движет, – задумалась я, – благодарность или страх?» И шмыгнула прочь, чтобы не попадаться им на глаза.

В конце концов я спустилась в порт. Там жизнь была ключом. Работники толкали тачки, упряжки лошадей тянули нагруженные телеги, что-то грузили на борт, что-то сгружали. Запахи так и били в нос; по большей части пахло дегтем и гнилыми водорослями. Я попятилась, гадая, как понять, куда направляется корабль. Мне совсем не хотелось, чтобы ме-

ня увезли еще дальше от Шести Герцогств. Какой-то механизм, названия которого я не знала, поднял несколько больших деревянных ящиков, завернутых в сеть, и перенес их с причала на палубу корабля. Я стояла и смотрела на это во все глаза. Я увидела, как молодому парню, направлявшему машину, досталось три сильных удара палкой по голой спине. Что он сделал не так? За что его ударили? Я не знала и испуганно съежилась, представив, каково было бы мне, если бы палка обрушилась на меня.

Незаметно было, чтобы в порту работали такие маленькие дети, как я, хотя, наверное, несколько мальчишек из тех, кого я видела, были мои ровесники. Они носились бегом, без рубашек, стуча босыми пятками по деревянным причалам, – должно быть, очень спешили. У одного из них кожа вдоль спины была рассечена ударом и кровоточила. Возница упряжки заорал мне, чтобы я убиралась с дороги, а какой-то носильщик, волочивший на плечах тяжелые бухты канатов, и кричать не стал, просто оттолкнул.

Испугавшись и упав духом, я поспешно вернулась на рынок, а оттуда направилась вверх по склону, к развалинам.

Но едва я вышла с рыночной площади, как меня с улыбкой окликнул юноша в нарядном плаще, расшитом желтыми розетками. Он поманил меня; я подошла, но остановилась на безопасном расстоянии. Юноша сел на корточки, чтобы посмотреть мне в глаза, наклонил голову к плечу и сказал что-то ласковым убедительным голосом. Слов я не понима-

ла. На вид он казался добрым. Его волосы, более золотистого оттенка, чем мои, были подрезаны чуть выше подбородка. В ушах красовались нефритовые серьги. Явно человек из знатной и богатой семьи.

– Не понимаю, – поколебавшись, ответила я на всеобщем языке.

Он прищурился от удивления – глаза у него были голубые, – потом улыбнулся еще шире. И с сильным акцентом произнес:

– Новый плащ. Идем. Дам поесть.

Юноша осторожно шагнул ближе, и до меня донесся запах благовоний от его волос.

Беги! Быстрее!

Волк-Отец ясно дал понять, что медлить нельзя. В последний раз взглянув на улыбчивого молодого человека, я покачала головой и бросилась прочь. Он продолжал звать меня. Я не знала, почему бегу, но бежала. Он снова окликнул меня, но я не оглянулась.

Не иди сразу в логово. Сначала спрячься где-нибудь и убедись, что он не гонится за тобой, предупредил Волк-Отец.

Так я и сделала. Меня никто не преследовал.

Ночью, лежа в своем убежище под деревом, я пыталась понять, почему бросилась бежать.

Глаза хищника, объяснил Волк-Отец.

Что мне делать завтра?

Не знаю, печально ответил он.

Той ночью мне снился дом. Тосты и горячий чай на кухне. Во сне я была такой маленькой, что не могла дотянуться до стола или поставить на место опрокинутую лавку. Крикнула Кэшн, чтобы помогла мне, но обернулась и увидела, что горничная лежит на полу, вся в крови. Я с криком выбежала из кухни, но повсюду натыкалась на окровавленные тела слуг. Открывала другие двери, в надежде спрятаться, но за каждой из них стояли двое нищих мальчишек, а за ними – хохочущая Двалия. Я проснулась в слезах посреди ночи. И, к своему ужасу, услышала голоса. Один из них окликал кого-то, что-то спрашивал. Я проглотила слезы и попыталась дышать как можно тише. Мне было видно, как по улице за оградой сада, где я пряталась, прошел кто-то с тусклым фонарем. Двое разговаривали на калсидийском. Я не высовывалась из укрытия и не смыкала глаз до утра.

Лишь поздним утром я набралась смелости вернуться на рынок. Мне удалось отыскать лоток с хлебом, где меня покормили в первый день, но теперь вместо юноши за прилавком стояла какая-то тетка, и, когда я показала ей свои две монетки, она с отвращением замахала руками, чтобы я убиралась. Я подумала было, что она увидела только одну монетку, и снова показала ей обе, но торговка что-то сердито крикнула и угрожающе хлопнула в ладоши. Я попятилась, решив поискать еды в другом месте, и тут меня сбили с ног. Это был один из вчерашних мальчишек. А едва я упала, второй мигом выхватил у меня монетки и был таков. Я осталась

сидеть в пыли, едва дыша от удара. А потом, к собственному стыду, разрыдалась. Сидела на мостовой, закрыв лицо руками, и плакала.

Никому не было дела. Толпа обтекала меня, словно река – камень. Когда слезы кончились, я еще какое-то время сидела и горевала. Есть хотелось ужасно. Плечо ныло, безжалостное солнце палило мою больную голову, и я не знала, что делать дальше. Как можно было мечтать о возвращении домой, когда у меня даже нет представления, как пережить день?

Погонщик, который вел ослика с тележкой через толпу, постучал меня хлыстиком по плечу. Он не пытался сделать мне больно, просто предупредил, и я поспешно убрались с дороги. Глядя ему вслед, вытерла пыль и слезы рукавом, а потом осмотрелась. Голод, донимавший меня, похоже, был вызван неделями недоедания, а не только сегодняшним днем. Пока у меня была возможность есть хоть немного каждый день, я могла терпеть его. Но теперь он захватил власть надо мной. Я расправила плечи, еще раз вытерла глаза и не спеша пошла прочь от лотка.

Я медленно брела в толпе покупателей, внимательно разглядывая каждый прилавок и продавца. Совесть мучила меня лишь до тех пор, пока рот не наполнился слюной от запахов еды. Вчера я видела, как это делается. У меня не было подельников, которые отвлекали бы внимание, и если кто-то погонится за мной – ему не придется выбирать, куда бежать. Голод заставлял меня думать быстрее. Надо выбрать прила-

вок, добычу и путь к бегству. Потом подождать: если пове- зет, что-нибудь отвлечет продавца. Я маленькая и быстрая. Я смогу. Я должна. Такой голод, как сейчас, терпеть невоз- можно.

Я крадась в толпе, выбирая цель. Это не должна быть ка- кая-то мелочь. Не стоит испытывать судьбу ради крохотного фрукта. Мне нужен кусок мяса, каравай хлеба или ломоть копченой рыбы. Я старалась присматриваться к еде незамет- но, но мальчишка – сын торговки рыбой угрожающе замах- нулся на меня плеткой, когда я слишком загляделась на лом- ти красной соленой рыбы.

Наконец я нашла, что искала: лоток пекаря, больше и рос- кошнее, чем все, что я видела до сих пор. В корзинах, стояв- ших на земле перед прилавком, высились горы черного хле- ба с хрустящей коричневой корочкой и золотистых булок. На прилавке перед торговцем был разложен товар подороже: плетенки с медом и пряностями, сдобные кексы, начиненные орехами. Я нацелилась на пышный золотой каравай. На со- седнем лотке были развешаны на продажу легкие шали; ве- тер с моря играл ими. Несколько женщин увлеченно торго- вались у того прилавка. Через улицу торговали ножами. На- парник продавца тут же острил ножи на точильном круге, который вращал потный ученик. Точило пронзительно скре- жетало, иногда от него сыпались искры. Я отыскала спокой- ную заводь в потоке людей и стала таращиться на работу то- чильщика, будто ничего интереснее в жизни не видела. Да-

же приоткрыла рот, прикидываясь дурочкой. Уж наверняка толпа будет обходить стороной ребенка в лохмотьях и с таким глупым выражением лица. А я все ждала, когда случится что-нибудь и торговец хлебом на миг отвернется от своего товара. Тогда у меня появится возможность украсть.

Словно в ответ на мои мысли, раздался звук рога. Все посмотрели в ту сторону и тут же снова вернулись к своим делам. Следующий сигнал раздался ближе. Люди снова оглянулись на звук, стали толкать друг друга локтями, и наконец мы увидели четырех белых лошадей в роскошной черно-оранжевой сбруе. На них ехали стражники, тоже разряженные в пух и прах, на их шлемах красовались такие же плюмажи, как на головах коней. Они ехали в нашу сторону, и покупатели жались к прилавкам, чтобы дать им дорогу. Когда всадники снова поднесли к губам рога, я решила: пора действовать. Пока все смотрели на стражников, я бросилась к прилавку, схватила золотистый каравай и побежала назад, туда, откуда приехали всадники.

Сосредоточившись на том, чтобы украсть хлеб, я не заметила, что улица позади всадников оставалась свободной. Люди, посторонившиеся, чтобы пропустить их, стояли теперь на коленях. Я выскочила на пустое пространство и спешно остановилась. Раздался крик торговца хлебом. А когда я метнулась обратно, в надежде затеряться в толпе, люди стали кричать и схватили меня. За всадниками показались пешие стражники. Они маршировали по шестеро в ряд, за первой

шеренгой шли еще две, а за ними ехала женщина на черной лошади в золотой сбруе.

Люди на коленях стояли плотно, как стена. Я попыталась протолкаться сквозь эту преграду, но какой-то человек схватил меня грубыми руками, толкнул в грязь и что-то прорычал. Я попыталась вскочить, и тогда он отвесил мне подзатыльник. Из глаз у меня полетели искры, навалилась слабость. Через мгновение я поняла, что все люди вокруг меня замерли. Может, он велел мне не шевелиться? Я лежала ничком там же, куда упала, прижимая к груди украденный хлеб. От запаха еды шла кругом голова. Не раздумывая, я открыла рот и откусила. Лежа в пыли на животе, я грызла каравай, словно мышью, а мимо шли стражники, ехала женщина на черной лошади, потом еще четыре шеренги стражи. Никто из прохожих не двинулся с места, пока не проехал второй отряд всадников, замыкавший шествие. Время от времени стражники останавливались и гудели в медные трубы. И только когда вся процессия миновала нас, покупатели и торговцы вокруг меня ожили.

Я выжидала, старательно пережевывая хлеб, и, когда снова запели трубы, вскочила и попыталась сбежать. Но все тот же человек, что повалил меня на землю, схватился за мою рубашку и волосы. Он потрянул меня и крикнул что-то. Подоспел и торговец, выхватил каравай у меня из рук и завопил, увидев, что он весь в пыли и надкусан. Я съежилась, испугавшись, что продавец ударит меня, но он вместо этого

стал выкрикивать какое-то слово, одно и то же, снова и снова. Хлеб сердито бросил на землю. Я хотела подобрать его, но тот человек продолжал крепко держать меня.

Стражников, вот кого звал торговец. Двое из них вскоре прибежали на крик. Один усмехнулся и посмотрел на меня почти добродушно, словно не в силах поверить, что его позвали из-за такого крохотного воришки. Но второй деловито вздернул меня на ноги и стал задавать вопросы. Торговец принялся громко жаловаться им. Я покачала головой и показала на свой рот, пытаясь дать понять, что немая. И вроде бы у меня получилось, но тут второй стражник наклонился ко мне и ущипнул так сильно, что я вскрикнула.

Все было кончено. Меня трясли, потом тот, что держал меня, занес руку для оплеухи, и я выпалила на всеобщем языке:

– Мне хотелось есть, пришлось красть! Что еще мне было делать? Так есть хочется!

И тогда, к стыду своему, я расплакалась, показала на хлеб на земле и протянула к нему руки. Человек, который поймал меня, подобрал обгрызенный каравай и сунул мне в руки. Торговец хотел выбить его из моих пальцев, но стражник дернул меня в сторону, так чтобы тот не мог дотянуться. А потом подхватил меня, усадил себе на бедро, словно маленького ребенка, и понес прочь с рынка.

Я сжимала хлеб обеими руками. Слезы по-прежнему неудержимо лились из глаз; я всхлипывала, но быстро отку-

сывала и жевала. У меня не было представления, что будет со мной дальше, но появилась твердая решимость набить живот хлебом, который обошелся мне так дорого.

В руке еще оставалась последняя краюха, когда стражник вместе со мной поднялся по ступеням, ведущим в неприметное каменное здание. Толкнув дверь, он вошел и ссадил меня на пол. Его товарищ вошел следом.

Там был стол, а за ним сидел человек постарше в форме более нарядной, чем у стражников. Он поднял на нас глаза. Перед ним стояла еда, и он явно был раздосадован, что его оторвали от обеда. Они стали обсуждать меня поверх моей головы. Я тем временем разглядывала помещение. У одной стены, лишенной всяких украшений, стояла скамья. На ней сидела женщина. Ноги ее были скованы цепью. На другом конце скамьи сутулился мужчина, пряча лицо в ладонях. Когда он взглянул на меня, я увидела, что рот у него разбит в кровь, а один глаз заплыл так, что вообще не открывается. Потом избитый снова закрыл лицо руками.

Стражник, который принес меня, схватился за мое плечо и тряхнул. Я подняла взгляд на него. Он что-то сказал мне. Я покачала головой. Человек за столом тоже что-то сказал. Я повторила то же.

Тогда он спросил меня на всеобщем языке:

– Кто ты? Где твой дом?

Услышав этот простой вопрос, я разрыдалась. У человека за столом сделался слегка встревоженный вид. Он замахал

руками стражникам, и они послушно ушли. Один из них на пороге обернулся и посмотрел на меня так, будто немного волновался за меня.

А их главный снова заговорил:

– Скажи, как тебя зовут. Твои родители заплатят за украденное и заберут тебя домой.

Разве такое возможно? Я набрала побольше воздуха:

– Мое имя – Би Видящая. Я из Шести Герцогств. Меня похитили отсюда, и мне надо домой. – Я перевела дыхание и в отчаянии пообещала: – Мой отец заплатит тому, кто вернет меня.

– Ничуть не сомневаюсь. – Человек поставил локоть на стол, рядом с маленькой головкой желтого сыра. Я уставилась на него как завороченная. Он кашлянул. – Как ты оказалась на улицах Калсиды, Бивидящая?

Человек произнес мое имя в одно слово. Я не стала его поправлять. Это не важно. Если он выслушает меня и напишет моему отцу, тот наверняка вышлет денег, чтобы вернуть меня. Или это сделает Неттл. Да, она точно сможет. И я поведала этому человеку свою историю, старательно обходя те места, в которые он бы не поверил. Не стала объяснять, как попала в Калсиду, сказала только, что сбежала от Керфа и его спутников, потому что они плохо со мной обращались и били меня. И вот я тут, и если господин напишет моему отцу, то кто-нибудь совершенно точно придет, привезет денег и заберет меня.

Состряпанная мной история явно слегка озадачила его, но, когда я умолкла, он с серьезным видом кивнул:

– Так. Теперь мне все ясно. Возможно, даже яснее, чем тебе.

Он позвонил в колокольчик, стоявший на краю стола, и в комнату вошел заспанный стражник. Он был очень юный и выглядел так, будто ему все надоело.

– Беглая рабыня. Собственность некоего Керфа. Отведи в дальнюю камеру. Если никто не заявит на нее права в течение трех дней, продай с торгов. Стоимость каравая испорченного хлеба причитается Серчину Пекарю. Запомни, либо Керф должен ее выплатить, либо надо будет вычесть из вырученного за рабыню на торгах.

– Я не рабыня! Я не принадлежу Керфу! Он просто помог похитить меня из моего дома.

Человек за столом терпеливо посмотрел на меня:

– Военный трофей. Добыча ратника. Ты принадлежишь ему, как бы он тебя ни называл. Он вправе поступить как пожелает: оставить тебя себе в качестве рабыни или взять за тебя выкуп. Решать Керфу, если, конечно, он придет за тобой.

Человек откинулся на спинку стула и основательно отпил из чашки.

Из глаз у меня снова хлынули слезы – глупые, бесполезные. Скучающий стражник посмотрел на меня сверху вниз.

– Иди за мной, – сказал он на всеобщем языке без акцента.

А когда я метнулась к выходу, он шагнул вперед, поймал меня и рассмеялся. Закинув меня на спину, словно мешок с мукой, понес меня обратно, откуда появился, не заботясь, что ударил мной о косяк. Пинком затворив за собой дверь, он сгрузил меня на пол и сказал:

– Иди за мной сама, или я буду пинать тебя через весь этот коридор. Мне так все равно.

Мне было не все равно. Я поднялась на ноги, скованно кивнула ему и пошла следом. Мы завернули за угол и спустились по короткой каменной лестнице. Внизу было холоднее и темнее. Единственный свет лился через маленькие окошки, проделанные в стене довольно далеко друг от друга. Миновали несколько дверей.

Стражник открыл самую последнюю в конце коридора и сказал:

– Заходи.

Я послушалась не сразу, и он втолкнул меня в камеру, хлопнув за мной дверь.

Потом стражник задвинул засов снаружи.

Камера была тесная, но не до ужаса. Свет исходил из крохотного окна. Даже если бы я смогла дотянуться до него, мне было бы не протиснуться наружу. В одном углу лежала соломенная циновка. В противоположном виднелась дыра в полу. По пятнам вокруг и запаху я поняла, для чего она предназначена. Возле циновки стоял кувшин с водой. Я принялась, чтобы убедиться, что это и правда вода. Обмакнув

подол рубахи, вытерла глупые слезы с лица. Села на циновку.

Я сидела очень долго. Потом легла. Возможно, немного вздремнула. Встала, услышав, как отодвигается засов. Какой-то человек осторожно открыл дверь, оглядел камеру, потом опустил взгляд и увидел меня. Похоже, он удивился тому, какая я маленькая.

– Еда, – сказал человек и дал мне фаянсовую миску.

От удивления я даже сказать ничего не смогла, просто стояла столбом, пока он не ушел. В миске оказалась грубая каша и несколько кусочков какого-то оранжевого овоща сверху. Усевшись на циновку, я осторожно съела все это руками. Порция была как для взрослого. Мне не доводилось есть так много уже очень давно. Старательно растягивая удовольствие, я раздумывала, что делать дальше. Доев, выпила воды из кувшина и начисто вытерла руки подолом рубашки. За окном постепенно темнело. Больше ничего в этот день не случилось. Когда камера погрузилась во мрак, я легла на циновку и закрыла глаза. И стала думать об отце. Представлять, что бы он сделал с этими стражниками. Или с Двалией. Я воображала, как он душит ее, и невольно сжимала кулаки, часто дыша от удовольствия. Он бы оплатил им. Убил их всех за то, что они сделали со мной. Но моего отца здесь нет. Возможно, он даже не знает, где я. Никто не придет спасти меня. Я немного поплакала и уснула, прижимая к груди мамину свечу.

Когда проснулась, на полу камеры лежал квадрат света,

падающего из окна. Я воспользовалась дырой в полу и выпила еще воды. Я ждала. Ничего не происходило. Мне казалось, что прошло очень много времени, когда я не выдержала и стала кричать и колотить кулаками в дверь. Это ничего не изменило. Не в силах больше шуметь, опустилась на циновку. Попыталась разыскать Волка-Отца, но его нигде не было. На мгновение меня охватило отчаяние. Наверное, я выдумала его. А теперь стала слишком взрослой, а мир вокруг – слишком настоящим, чтобы можно было продолжать верить в вымысел. «Ты исчез, когда ты мне нужен. Вот так всегда».

Я не могу докричаться до тебя, когда ты от меня отгораживаешься.

Я отгородилась от тебя?

Когда ты закрываешь свои мысли. Итак, мы снова в клетке. Хорошо еще те, кто посадил тебя сюда, пристойно с тобой обращаются. Пока что.

Пока что?

Тебя продадут.

Я знаю. Что мне делать?

Пока ты здесь? Ешь. Спи. Дай телу исцелиться. Когда тебя выведут отсюда, чтобы продать, прислушивайся ко мне. Мы еще можем сбежать.

Его слова не подарили мне особой надежды, но прежде у меня ее вообще не было. Той ночью я плакала, пока не уснула.

Проснувшись утром, я почувствовала себя лучше, чем за все последние дни. Осмотрела синяки на руках и ногах. Из черных и темно-лиловых они сделались желтыми и бледно-зелеными. Живот болел уже не так сильно, и я могла свободно двигать рукой. Расчесала пальцами отросшие волосы, а потом обгрызла ногти, чтобы были покороче. Незнакомый стражник принес мне миску еды и наполнил кувшин водой. Пустую миску он забрал. Со мной не разговаривал. Еще одна полная миска еды! На этот раз в каше были какие-то волокнистые стебли, а сверху лежал кусок желтого овоща. Я поела и стала смотреть, как квадрат света движется по полу, потом по стене и наконец гаснет. Снова ночь. Опять я плакала и опять уснула. Мне снилось, что отец сердится на меня, потому что я не убрала свои баночки с чернилами. Проснулась в темноте. Ничего такого совершенно точно никогда не было, но мне хотелось, чтобы было. Я снова уснула, и мне приснился важный сон – о водяном драконе, который захватил моего отца в плен. Квадрат света разбудил меня, и мне захотелось записать сон, но у меня не было ни чернил, ни пера. День я провела, пытаясь придумать, как бы так завязать мою сломанную свечу в подол рубахи, чтобы она не потерялась.

Прошел день. Еще миска еды. Когда меня поведут на продажу? Как они отсчитывают три дня? Первый – это тот, когда меня поймали, или следующий? Кто меня купит и какую работу заставят делать? Сумею ли я уговорить этих людей послать весть моему отцу? Может быть, меня продадут как

служанку и я смогу убедить хозяев, что за меня дадут хороший выкуп? Я слышала о рабстве, но понятия не имела, как обращаются с рабами. А если меня будут бить? Или держать в конуре? Я все раздумывала об этом, когда послышался шорох засова на моей двери. Стражник открыл ее и отошел в сторону.

– Это он? – спросил стражник, и в камеру заглянул Керф. Он тупо уставился на меня.

Я почти обрадовалась ему. И тут услышала голос Двалии:

– Да, это она, мелкая дрянь! Ох, и намучились мы с ней...

– Она? – удивился стражник. – Мы думали, это мальчик.

– Мы тоже! – раздался голос Виндлайера. – Это мой братик!

Он просунул голову в дверной проем и улыбнулся мне. Щеки были уже не такими пухлыми, как когда-то, и редкие волосы потускнели, но глаза по-прежнему светились дружеской приязнью. Ненавижу его! Если бы он не заморочил голову Керфу по приказу Двалии, они бы ни за что меня не нашли. Предатель.

Стражник уставился на него.

– Твой брат? То-то вы так похожи, – сказал он, но никто не засмеялся.

Меня затошнило.

– Я в первый раз вижу этих людей. Они вас обманывают, – сказала я.

Стражник пожал плечами:

– А мне все равно, главное, что кто-то уладит твои дела. – Он повернулся к Керфу. – Она украла каравай хлеба с пергой. Вам придется заплатить за него.

Керф тупо кивнул. Я понимала, что Виндлайер управляет им, но не очень-то хорошо. Калсидиец был как пыльным мешком ударенный, казалось, ему приходится долго собираться с мыслями, прежде чем что-то сказать. Эллик всегда держался очень уверенно. Что происходит – Виндлайер уже не может колдовать так хорошо, как раньше, или что-то не так с Керфом? Возможно, на нем так сказались два путешествия сквозь камни.

– Я заплачу, – сказал он наконец.

– Сначала деньги, потом можете ее забрать. И за то, что мы держали ее тут четыре дня, тоже придется заплатить.

Они закрыли меня в камере и ушли. У меня мелькнула злорадная мысль, что тюремщики насчитали Керфу лишние дни, а потом я испугалась: а что, если я на самом деле провела тут четыре дня и потеряла счет времени? Я ждала их возвращения, разрываясь между ужасом оттого, что снова попаду к ним в руки, и едва ли не радостью оттого, что кто-то другой будет отвечать за меня. Мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем засов снова отодвинули.

– Выходи, – сказала Двалия. – Ты не стоишь всех этих хлопот.

По ее глазам было видно: она намерена поколотить меня позже, а вот Виндлайер опять улыбался мне дурацкой улыб-

кой. И что ему во мне так нравится? Он мой злейший враг и в то же время – единственный союзник. Керф, похоже, был бы добр ко мне, но, пока его дергает за ниточки Виндлайер, на помощь калсидийца можно не рассчитывать. Возможно, стоит попробовать подружиться с Виндлайером. Возможно, будь я умнее, то уже давно бы это сделала.

У Двалии с собой был моток легкой веревки. Не успела я и слова сказать, как она накинула ее мне на шею.

– Нет! – закричала я, но она туго затянула петлю.

Я попыталась освободиться, но Керф взял меня за левую руку, а Двалия схватила правую, заломила ее мне за спину и вывернула ладонью вверх. Еще одна петля захлестнула мое запястье. Двалия проделала это очень быстро, ей явно было не впервой. Мне было неудобно держать руку так высоко, но я не могла опустить ее, не затянув петлю на горле. Другой конец веревки держала Двалия. Она потянула за нее на пробу, и мне пришлось отдернуть голову назад.

– Вот так, – сказала она с глубоким удовлетворением. – Больше ты не сможешь ничего натворить. Идем.

После прохладного полумрака тюрьмы солнечный свет ударил меня по глазам, а воздух снаружи показался слишком жарким. Керф и Двалия шли впереди, ведя меня в поводу. Мне приходилось спешить, чтобы не отставать от них. Виндлайер семенил за мной. Я вдруг подумала, как же странно он сложен: тело как фасолина, а ноги коротенькие. Двалия, помнится, обзывала его бесполом. Может, она оскопи-

ла его, как крестьяне оскопляют коз, которых выращивают на мясо? Или он таким уродился?

– Где Алария? – спросила я его вполголоса.

Он печально посмотрел на меня:

– Ее продали работорговцу. Чтобы заплатить за еду и проезд на корабле.

Керф дернулся:

– Она была моя. Я хотел отвести ее к своей матери. Из нее вышла бы хорошая служанка. Почему я продал ее?

– Виндлайер! – прикрикнула Двалия.

На этот раз я приоткрыла свой разум и смогла уловить, как Виндлайер это делает. И задумалась. Я умела поднимать стены, чтобы защититься от мыслей отца. Я научилась этому, когда была еще совсем маленькой, иначе я просто не могла остаться наедине с собой. А Виндлайер как будто втолкнул свою стену в разум Керфа, вытеснив его собственные мысли и заставив думать мысли Виндлайера. Я попробовала толкнуть стену Виндлайера. Она была не такая уж и крепкая, но как же ее сломать? Зато мне удалось расслышать, что он нашептывает Керфу: «Не волнуйся. Иди с Двалией. Делай, что она говорит. Не думай ни о чем. Все будет хорошо».

Не прикасайся к его разуму. Не ломай его стену, предостерег Волк-Отец. Слушай, но следи, чтобы он не заметил твоего присутствия.

Почему?

Когда ты проникаешь в его мысли, ты даешь ему возмож-

ность проникнуть в твои. Будь очень осторожна, когда касаешься его.

– Куда мы идем? – спросила я вслух.

– Заткнись! – рыкнула Двалия, а Виндлайер одновременно с ней сказал:

– На корабль, который повезет нас.

Я больше ничего не сказала, но не потому, что так велела Двалия. Почувствовала на миг, как тяжело Виндлайеру говорить, поспевать за Двалией и управлять Керфом. Он был голоден, его спина болела, а еще ему надо было облегчиться. Но он понимал, что просить Двалию подождать нечего и думать. Молча шагая по улице, я почувствовала, как хватка, в которой он удерживал Керфа, снова окрепла. Ясно. Значит, когда он отвлекается, то отпускает поводья. Невеликое открытие, но может пригодиться.

Острые когти и зубы. Ты учишься, волчонок. Мы будем жить. Голос Волка-Отца в моей голове прозвучал как тишайший шепот.

Ты настоящий?

Он не ответил, а Виндлайер склонил голову к плечу и странно посмотрел на меня. Надо поднять стены. Чтобы он не смог вторгнуться в мою голову. Теперь мне всегда придется быть начеку. Я укрепила свои защитные стены, отгородившись от Виндлайера – и от Волка-Отца тоже.

Глава 8

Тинталья

Этот сон был как картина, только в ней все двигалось. Царил полумрак, словно поверх картины кто-то разлил полупрозрачную светло-серую или голубую краску. Прекрасные яркие ленты колыхались на ветру. Ветер то налетал, то затихал, и ленты то реяли, то опадали. Они были как сверкающие вымпелы или знамена: золотые, серебряные, алые, лазурные и изумрудные. Вдоль каждого вымпела шли красочные узоры: ромбы, глаза, спирали.

Во сне я без всяких усилий подплыла к ним ближе. Ни звука не раздавалось, ветер не чувствовался на лице. А потом это зрелище предстало мне иным: я увидела тупоносые змеиные головы с глазами огромными, как дыни. Помимо своего желания я все приближалась и приближалась к ним и наконец разглядела тонкую мерцающую сеть, и эти создания бились в ней, как пойманная рыба. Сеть была очень тонкая, почти прозрачная, и я каким-то образом поняла, что все эти создания влетели в сеть разом, их поймали и утопили.

Во сне я ощущала уверенность, что это случилось на самом деле и не однажды. Это повторялось снова и снова. Я не могла ничего поделать, не могла прекратить это, потому что все уже произошло. Но я

знала, что это случится опять.

Дневник сновидений Би Видящей

На следующее утро чуть свет кто-то постучал в дверь наших покоев. Я скатился с постели и встал на ноги. Шут даже не шелохнулся. Как был, босиком, я прошлепал к двери, отбросил с лица волосы и открыл ее. За порогом стоял король Рэйн. Он отбросил капюшон, с его плаща на пол стекала вода, капли дождя сверкали на его жидкой бороде. Рэйн усмехнулся, сверкнув белыми зубами, которые так странно смотрелись на его покрытом мелкой чешуей лице.

– Фитц Чивэл! Я пришел, потому что хотел незамедлительно поделиться добрыми вестями. С другого берега реки прислали голубя. Смоляной только что прибыл туда.

– С другого берега?

Выпитый накануне бренди отозвался болезненным гулом в моей голове.

– Из Заречья. Баркасу легче пробраться туда, чем швартоваться здесь, и капитан Лефтрин предпочитает разгружаться там, а мы потом перевозим доставленное на пароме – небольшими партиями. Смоляной пришел с полным трюмом: он привез рабочих для фермы, дюжину коз, мешки зерна. Три дюжины цыплят. Мы надеемся, что козы приживутся лучше, чем овцы. С овцами у нас ничего не получилось, – кажется, зиму пережили только три. А цыплят мы на этот раз не будем выпускать из курятника. – Он чуть склонил голову к плечу и извинился: – Прости, что разбудил тебя так рано. Прежде

чем корабль сможет взять пассажиров, на нем надо навести чистоту. Это займет день, возможно – два. В самом худшем случае – три. Но скоро вы сможете отправиться в путь.

– В самом деле прекрасные новости. – Я постарался выудить из своей гудящей головы хоть немного вежливости. – Ваше гостеприимство выше всяческих похвал, однако нам не терпится продолжить путешествие.

Он кивнул, с его головы на пол упали капли.

– Мне еще нужно известить других. Прости, но я вынужден покинуть тебя.

И Рэйн ушел, оставляя за собой влажный след в коридоре. Я попытался представить, как Дьютифул лично приходит к гостю, чтобы сообщить ему нечто подобное. Глядя вслед Рэйну, я на миг позавидовал тому, как непринужденно общаются торговцы драконов. Возможно, в прошлом я многое понимал неправильно. Возможно, будучи бастардом, я обладал куда большей свободой, чем принцы, вынужденные жить по правилам.

Когда я закрыл дверь, Шут подполз к краю постели:

– Что случилось?

– Король Рэйн принес новости. «Смоляной» причалил на другом берегу реки. Мы сможем отправиться в путь через день-два.

Шут свесил ноги с кровати, сел и ссутулился, подперев голову ладонями.

– Ты напоил меня, – с упреком сказал он.

Я так устал лгать...

– Мне нужно было многое выяснить, Шут. Так или иначе тебе пришлось бы рассказать мне.

Очень медленно и осторожно он оторвал голову от ладоней и поднял ее.

– Я очень зол на тебя, – сообщил он тихо. – Но мне следовало догадаться, что ты так поступишь. – И снова уронил голову на ладони. А потом невнятно пробормотал: – Спасибо тебе.

Он выбрался из кровати, двигаясь так, будто боялся, что его мозг может выплеснуться из черепа, и заговорил голосом Янтарь:

– Тимара просила меня найти время побеседовать с ней. Думаю, ей не терпится узнать побольше о Серебре у меня на пальцах и о том, как оно на меня действует. Пожалуй, сегодня я навещу ее. Ты не мог бы позвать Спарк, чтобы она помогла мне одеться?

– Конечно.

Но от меня не укрылось, что Шут не предложил мне отправиться с ним.

* * *

После обеда дождь прекратился, и я осмелился выйти на прогулку в сопровождении Ланта. Мне хотелось повидать башню с картой – План-башню, как ее тут называли. Впер-

вые я побывал там много лет назад, когда случайно провалился в столп и попал в Кельсингру. Подробные карты, подаренные Чейдом и Кетриккен, пропали, когда на нас напал медведь. Я надеялся освежить воспоминания о них, взглянув на карту Элдерлингов. Но не успели мы уйти далеко, как где-то бешено затрубили драконы и раздались восторженные крики людей.

– Что это? – спросил Лант и тут же добавил: – Надо вернуться к остальным.

– Нет. Это приветственные крики. В город возвращается дракон, который долго отсутствовал. – Порыв ветра донес до меня имя. – Тинталья возвращается. И я бы хотел снова увидеть ее.

– Тинталья... – благоговейно прошептал он. Глаза его широко распахнулись. – Риддл рассказывал о ней. Драконья королева, она прилетела, чтобы помочь освободить Айсфира, а потом поднялась с ним в небо, чтобы спариться. Это она заставила Айсфира положить голову на камни очага в доме королевы Эллианы, тем самым выполнив обещание, которое Эллиана заставила дать Дьютифула.

– Так ты все это знаешь?

– Фитц, это знает каждый ребенок в Шести Герцогствах. Нед Счастливое Сердце поет об этом в своей песне о драконах. Там еще есть слова: «Синее сапфиров и ярче золота». А теперь я увижу ее своими глазами!

– Надеюсь, мы увидим ее! – сказал я громко, пытаюсь пе-

рекричать трубный рев множества драконов.

Они взмыли в небо, то ли приветствуя королеву, то ли бросая ей вызов. Это было поразительное зрелище, в равной мере прекрасное и ужасающее. Драконы носились и кувыркались в воздухе, как стрижи перед грозой, – птички размером с дом. Они сверкали и искрились в пасмурном небе, словно не создания из плоти и крови, а ожившие груды самоцветов.

А потом в отдалении над лесом я увидел Тинталью. Она описала огромный круг и стала снижаться по спирали. Я не мог отвести от нее глаз. Сердце трепетало от восхищения, и я поймал себя на том, что помимо собственной воли широко улыбаюсь. С трудом я заставил себя на миг оторваться от этого зрелища, чтобы взглянуть на Ланта, и увидел, что он смотрит в небо, прижимая руки к сердцу, и весь светится.

– Драконьи чары, – прохрипел я, не в силах стереть улыбку со своего лица. – Будь осторожен, Лант, а то того и гляди запоешь!

– О, синее сапфиров и ярче золота! – произнес он напевно, и в голосе его звенела страсть. – Ни одна ода менестреля не в силах передать ее красоту! Золотом и серебром сверкает она, синева ее глубже цветом любых самоцветов. О Фитц, я смотрел бы и смотрел на нее вечно!

Я ничего не сказал. В Шести Герцогствах в эти дни уже ходили из уст в уста рассказы о драконьих чарах. На одних они вовсе не действуют, другим достаточно увидеть пролетевше-

го в отдалении дракона, чтобы пасть жертвой этого колдовства. Лант не услышит меня, что бы я ни сказал, но, вероятно, морок рассеется, как только драконица скроется из виду. Если бы я не держал постоянно свои стены высоко поднятыми, защищаясь от магии Кельсингры, то, наверное, сейчас так же забыл бы обо всем.

Вскоре стало понятно, что драконица намерена опуститься на площадь перед Гостеприимным домом. Лант поспешил туда, и я за ним. Но как ни торопились, когда мы подошли, драконица уже была на земле, и к ней на площадь стали стекаться Элдерлинги и младшие драконы. Лант рванулся было вперед, но я удержал его.

– Королева Малта и король Рэйн. И их сын. Они первыми должны приветствовать ее.

Так и произошло. Даже драконы Кельсингры почтительно держались на расстоянии, чего я совсем не ожидал. Тинталья сначала дважды тряхнула крыльями, словно желая убедиться, что каждая чешуйка на месте, а потом медленно и лениво их сложила, вызвав хор восхищенных вздохов. Появились королева Малта и король Рэйн, за ними шел Фрон. Я заметил, что Малта наскоро прихорошилась по такому случаю, а Рэйн надел чистую тунику и пригладил волосы. Фрон широко улыбался в благоговейном изумлении, однако Малта улыбалась более сдержанно; лицо ее было почти застывшим, когда она спустилась по ступеням и остановилась перед Тинталей. Рядом с драконицей она казалась совсем крохотной,

но я поймал себя на мысли, что вижу встречу двух королев, и не имеет значения, насколько одна из них крупнее другой.

Рэйн держался на полшага позади супруги, когда две царственные особы приветствовали друг друга. Тинталья внимательно оглядела Малту, выгнув шею дугой. В глазах драконицы кружились медленные вихри.

Не изменившись в лице, Малта холодно произнесла:

– Итак, ты вернулась в Кельсингру, Тинталья. На сей раз твое отсутствие было долгим.

– Правда? Ну, может быть, для тебя, – мелодично протрубила драконица, и поток ее мыслей изливался под эту музыку. – Не забывай: у драконов свой счет времени, мы не считаем дни, это только для вас, людей, имеет значение такая малость. Но да, я вернулась. Я прилетела, чтобы напиться. И чтобы за мной хорошо поухаживали.

И словно чтобы уколоть Малту в ответ на ее упрек, она, не обращая внимания на Рэйна, посмотрела на Фрона, который глазел на нее с обожанием. В драконьих глазах, похожих на водовороты, блеснула нежность. Она склонилась к мальчику идохнула на него так, что его одежды затрепетали. Внезапно Тинталья вскинула голову и негодуя посмотрела вокруг:

– Он мой! Кто посмел вмешаться в него? Что за глупый дракон осмелился преобразовать того, кто принадлежит мне?

– Кто посмел спасти ему жизнь, ты хотела спросить? Кто посмел выправить его тело так, чтобы мальчику больше не нужно было выбирать, дышать ему или есть? Это ты хочешь

узнать? – бросила Малта.

Тинталья резко обернулась к ней. Чешуя у нее на горле сверкнула разными цветами, на шее вздыбились несколько гребней. Я думал, что королева Малта попятится. Но она шагнула вперед, и на сей раз Рэйн двинулся рядом с ней, не отставая. К моему изумлению, гребень у Малты надо лбом полыхнул такими же красками. Малта остановилась, уперев руки в боки и вскинув голову. Разноцветная чешуя у нее на лице складывалась в тот же узор, что и у Тинталья, только в миниатюре.

Огромные глаза драконицы сузились.

– Кто? – снова свирепо спросила она.

Мороз продрал меня по спине, дыхание перехватило. Никто не произнес ни слова. Дул ветер – холодил, ерошил волосы, заставлял носы краснеть.

– Я думал, ты обрадуешься, увидев меня живым. – Фрон вышел вперед и встал между родителями и драконицей. – Потому что, если бы не эти перемены, я бы умер.

Малта протянула было руку, чтобы оттащить сына назад, к безопасности, но Рэйн положил ладонь ей на запястье, медленно надавил, заставив опустить, а потом взял ее руку в свою. Он тихо сказал ей что-то, и я заметил, как на лице Малты промелькнуло мученическое выражение. Но она промолчала, позволив сыну стоять перед драконицей, преобразившей их всех.

Тинталья молчала. Признает ли она, что ей не все равно,

будет этот мальчик жив или умрет. Но дракон есть дракон.

– Кто? – спросила она вновь.

Никто не ответил, и она толкнула Фрона мордой в грудь. Мальчик попятился, но устоял на ногах. Я понял, что с меня довольно.

– Не ходи за мной, – предупредил я Ланта, прежде чем сделать три шага, выйти из толпы и предстать перед драконицей.

Мои стены были подняты и крепки. Я возвысил голос:

– Тинталья! Я здесь.

Быстрее атакующей змеи она повернула голову ко мне и уставилась на меня. Я почти чувствовал, как давит на меня ее взгляд, когда драконица рассматривала меня.

Она сказала:

– И кто же ты, человек, посмевшийся произнести мое имя?

– Ты знаешь меня. – Я полностью владел своим голосом.

Фрон покосился на родителей, но остался стоять впереди, не спеша вернуться под их защиту.

Тинталья фыркнула. Повернулась всем телом, чтобы оказаться лицом к лицу со мной. Ее дыхание обдало меня запахом сырого мяса.

– Мало есть людей, которых я знаю, мелкий комар. Ты не из них.

– Нет, ты знаешь меня. Это было много лет назад. Ты искала черного дракона. Ты преследовала меня в снах. Ты хотела, чтобы Айсфира вызволили из заточения. Я – тот, кто

сделал то, что тебе было не по силам. Это я расколол ледник, освободив Айсфира из ледяного плена и избавив его от истязаний Бледной Женщины. Так что ты отлично знаешь меня, драконица. И мою дочь Неттл тоже знаешь. И раз ты знаешь меня, ты в долгу передо мной!

Все вокруг ахнули, услышав мои слова. Краем глаза я увидел, как на ступенях дома появилась леди Янтарь и с ней Спарк и Пер. Я взмолился всем богам, чтобы она не стала вмешиваться и не подпустила детей туда, где их могла заметить драконица. Тинталья смотрела на меня, в глазах ее кружилось расплавленное золото и серебро, я чувствовал, как она пытается вломиться в мой разум. На мгновение я уступил ей, чтобы показать Неттл, в платье-бабочке, которое ей снилось. А потом вновь захлопнул врата разума накрепко, надеясь, что мои стены выстоят.

– Ах, она... – Тинталья выплюнула это, будто ругательство. – Нет, она не комарик. Скорее слепень, кусачий, жужжащий, кровососущий...

Никогда еще не видел, чтобы такое огромное создание давилось словами. Я вдруг ощутил огромную гордость за свою дочь. Неттл использовала Силу и способность вмешиваться в сны, чтобы дать отпор драконице ее же оружием. Неттл, которую никто никогда не учил магии Видящих, не только вынудила Тинталью поступить так, как ей требовалось, но и убедила эту королеву с несгибаемой волей заставить Айсфира положить голову на камни очага в доме Эллианы, что-

бы Дьютифул выполнил данное невесте обещание. При этом Айсфир сломал стену в доме нарчески, зато принц смог взять ее в жены.

И драконица запомнила мою дочь! На миг меня охватило ликование. Неттл подошла к бессмертию так близко, как только дано человеку!

Тинталя приблизилась ко мне. Яркие краски танцевали на ее шкуре, как огонь на сухом дереве.

– Ты вмешался в преобразование моих Элдерлингов. Ты оскорбил меня. И я ничего тебе не должна. Драконы никому ничего не должны.

Слова сорвались с моих губ, прежде чем я успел обдумать их:

– Драконы просто не желают возвращать свои долги.

Тинталя отпрянула, присела на задних лапах, запрокинула голову. Вихри в ее глазах бешено вращались, шкура переливалась, и я не столько увидел, сколько почувствовал, как попяtilись люди вокруг.

– Фитц! – хрипло взмолился Лант.

– Отойди назад! – прошептал я. – Держись подальше.

Сейчас я умру. А если выживу, то останусь навсегда изувеченным. Мне доводилось видеть, что делает драконья кислота с плотью и камнем. Я собрал свою волю и остался стоять. Если я побегу, если попытаюсь спрятаться за спинами других, они умрут вместе со мной.

В лицо мне ударил порыв ветра, и вдруг легко, словно

ворона, на площадь между мной и гибелью опустился алый дракон, намного меньше Тинталы. В следующее мгновение на плечо мне упало что-то тяжелое, и...

– Фитц, – каркнула Пеструха. – Привет, дурачок, – поздоровалась она.

Алая драконица складывала крылья так медленно и тщательно, будто это важнейшее дело, небрежность в котором недопустима. Я подумал, что Тинталья выплеснет на нее свою кислоту в отместку, что та вмешалась в ее расправу, но синяя королева уставилась на красную словно бы озадаченно.

– Хеби, – сообщила мне Пеструха. – Хеби, Хеби. – Ворона вдруг больно ущипнула меня за ухо. – Хеби! – настойчиво повторила она.

– Хеби, – повторил я, чтобы утихомирить ее. – Драконица генерала Рапскаля.

Услышав, что я признал это, птица сразу успокоилась.

– Хеби. Хорошо охотится. Много жратвы, – радостно сказала Пеструха.

Лант схватил меня за руку.

– Уходи, глупец, – прошипел он. – Красная драконица отвлекла ее, быстрее убирайся с глаз ее долой. Она хочет убить тебя.

Но я вывернулся из его хватки и остался стоять, где был. Маленькая красная драконица сидела лицом к лицу с огромной синей. Хеби медленно водила из стороны в сторону го-

ловой на змеиной шее. Шкура ее переливалась всеми мыслимыми оттенками красного. В ее позе, без сомнений, чувствовался вызов. Я почувствовал, что драконицы переговариваются, но не уловил ни капли смысла в низком рычании алой. Это было как сгустившийся воздух, как поток мыслей, которые я мог ощутить, но не мог понять.

Гребень и встопорщенная чешуя на шее Тинтальи улеглись: так опускается шерсть на затылке у собаки, которая передумала драться. Ее шея изогнулась более плавно, драконица подняла глаза, и я ощутил ее пронизывающий взгляд.

Тинталья заговорила так, чтобы ее слышали и понимали все, чтобы они уловили ее вопрос и обвинительный тон:

– Что ты знаешь о бледных и их Слугах?

Я набрал побольше воздуха и заговорил, произнося слова четко, стараясь, чтобы меня поняли все люди и драконы:

– Я знаю, что они похитили мою дочь. Я знаю, что они убили ее. Я знаю, что буду искать их, найду и убью так много, как только смогу, прежде чем убьют и меня. – Мое сердце пустилось вскачь. Я стиснул зубы и закончил: – Что еще мне нужно знать?

И Хеби, и Тинталья замерли, будто окаменели. Я снова ощутил, как они переговариваются. Интересно, другие драконы Кельсингры или кто-нибудь из Элдерлингов понимает, о чем речь? Сквозь толпу протиснулся генерал Рапскаль. На нем были простые кожаные штаны и рубаха, руки в грязи, словно его оторвали от какой-то работы.

– Хеби! – воскликнул он, увидев свою драконицу, и вдруг резко остановился.

Генерал оглядел собравшихся Элдерлингов и драконов, заметил меня и поспешил ко мне. Очутившись рядом, он достал из ножен клинок. Я потянулся за собственным ножом, но тут, к моему удивлению, меня оттолкнул Лант, встав между мной и Рапскалем. Не обращая на него внимания, Рапскаль крикнул мне:

– Хеби велела мне защищать тебя! Я пришел тебе на помощь!

Лант уставился на него с открытым ртом. Я и сам растерялся было, но потрясение тут же вытеснила злость, потому что в эту минуту к нам присоединился Пер.

– Назад! – пришлось рывкнуть на него, и он с готовностью отозвался:

– Да, господин! Я буду прикрывать вам спину!

Вообще-то, я имел в виду другое, но так он хотя бы убрался подальше от ножа Рапскаля.

– Я не понимаю, – сердито бросил я генералу, и тот покачал головой, показывая, что разделяет мое недоумение:

– Я тоже! Я ковырялся в поисках воспоминаний, когда Хеби велела мне срочно идти сюда. А потом вдруг исчезла из моей головы, будто ее убили! Я пришел в ужас, но вот я тут, чтоб исполнить ее волю. Я буду защищать тебя до последней капли крови.

– Хватит там болтать!

Тинталья не зарычала на нас, но сила мысли, которой сопровождалась эти слова, была такова, что меня почти оглушило.

Хеби по-прежнему стояла между нами, оберегая меня, но защита из нее была невеликая: Тинталья возвышалась над ней как гора и могла бы запросто обрушить на меня поток кислоты через голову алой драконицы. Но она не стала этого делать, а склонила голову набок и сосредоточила на мне взгляд. Огромные глаза-водорокты уставились на меня, и я ощутил всю мощь ее присутствия. Драконьи чары обрушились с такой силой, что мои стены не смогли отразить их полностью.

– Я приняла решение. Я прощаю тебе все, что ты преобразил. Не буду тебя убивать.

Пока я переваривал эту добрую вест, а мои защитники поспешно прятали в ножны клинки, она наклонилась, приблизив свою огромную голову вплотную ко мне, и потянула носом:

– Мне незнаком дракон, которым ты отмечен. Возможно, когда-нибудь он ответит мне за твое самоуправство. Пока же можешь не бояться меня.

У меня голова шла кругом от переполнявшей меня благодарности и трепета перед ее величием. Мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы ответить громко и ясно:

– Я пытался помочь лишь тем, кто нуждался в моей помощи. Тем, кем драконы пренебрегли, и тем, кого начали пре-

ображать, но не направляли изменения как должно.

Драконница широко распахнула пасть, и я успел увидеть зубы длиннее мечей и сверкающие мешочки с ядом в ее глотке, желтые и красные. Она заговорила снова:

– Не испытывай моего терпения, человечиска. Скажи спасибо, что я не убью тебя.

Тут Хеби поднялась на задние лапы, став чуть выше, чем раньше. И снова я ощутил отзвуки неслышного разговора.

Тинталя усмехнулась презрительно, глядя на нее, – чуть приподняла губы, обнажив зубы. Но мне она сказала:

– Ты и тебе подобные могут вмешиваться в судьбу тех, на кого не заявил права ни один дракон. Я позволю вам это, ибо такие люди для меня ничего не значат. Меняй их, как тебе вздумается. Но мое оставь мне. Я дарую тебе это право в награду за прошлую службу. Но не думай, будто этим я возвращаю тебе долг.

К этому времени я почти забыл о Пеструхе у меня на плече. Не знал, что вороны умеют говорить шепотом, но она произнесла тихо и сипло:

– Будь мудр.

– Конечно нет! – поспешно воскликнул я. Пора загладить впечатление от необдуманных слов. Уже набрав воздуха, понял, что собрался сказать кое-что похуже, однако все равно проговорил: – Но у меня есть к тебе еще одна просьба.

И снова она выставила напоказ зубы и мешочки с ядом. Мои защитники сгрудились у меня за спиной, но не отступи-

ли. Я решил, что и это в нынешних обстоятельствах можно считать отвагой.

– Разве жизнь – недостаточно щедрый дар, блоха? – резко спросила драконица. – Чего еще ты от меня хочешь?

– Я прошу поделиться со мной знанием! Слуги Белых, когда пытались уничтожить Айсфира, на самом деле хотели положить конец всему драконьему роду. Я хочу знать, выступали ли они против драконов прежде, и если да, то почему. Я ищу любых знаний, которые помогут мне уничтожить Слуг. Хранят ли такие знания драконы?

Тинталья отдернула свою огромную голову. Повисло молчание. А потом раздался робкий, детский голосок:

– Она не помнит. Никто из нас не помнит. Только... я. Иногда.

– О Хеби! Ты заговорила! – с гордостью прошептал Рапскаль.

Тут Тинталья взревела, и, к моему ужасу, Хеби испуганно съежилась перед ней. Рапскаль снова обнажил нож и встал перед своей драконицей, грозя Тинталье клинком. Я в жизни не видел, чтобы кто-то вел себя так глупо и так отважно.

– Рапскаль, нет! – закричал кто-то из Элдерлингов, но тот и ухом не повел.

Однако если Тинталья и заметила самоубийственный поступок Рапскаля, то не обратила на него внимания. Она вновь уставилась только на меня. Ее рев перешел в глухое ворчание, которое я не столько слышал, сколько ощущал

грудью. Слова, когда она заговорила, были полны гнева и обиды:

– Я должна это знать, но не знаю. Я полечу, чтобы выяснить. Не чтобы порадовать тебя, человек, но чтобы наконец вытрясти из Айсфира то, что он должен был рассказать нам давным-давно. Ни один дракон не может знать, что случилось, пока он был в коконе или морским змеем. А Айсфир лишь дразнит нас прошлым, которое нам неизвестно.

Она развернулась на лапах, не заботясь о том, что чуть не смела огромным хвостом людей и Элдерлингов, и им пришлось броситься врассыпную.

– Я иду пить. Мне нужно Серебро. Потом меня надо обиходить. Когда я напьюсь, все должно быть готово для чистки и полировки.

– Все будет! – крикнул ей вслед Фрон, пока Тинталья величественно топала прочь. Он обернулся к родителям, и сквозь чешую на его щеках отчетливо проступил румянец. – Она великолепна! – крикнул мальчик, и собравшиеся дружно рассмеялись, соглашаясь с ним.

Я был далек от ликования. Теперь, когда у меня появилось время осознать, насколько близко я подошел к гибели, у меня все внутри тряслось. А ради чего? Я так и не узнал ничего нового о Слугах. Да, у меня теперь есть позволение Тинталли на исцеление Силой, и маги, которых когда-нибудь, возможно, пришлет Дьютифул, сумеют помочь людям. Да, у Дьютифула появился шанс заключить союз с теми, кто однажды,

может быть, сумеет повлиять на драконов, чтобы они вели себя иначе.

Но главное, мне стало известно, что Айсфир жив. Оставалось надеяться, что Тинталья поделится со мной тем, что ей удастся выведать. Я предполагал, что драконы и Слуги когда-то долго враждовали. Могло ли быть так, чтобы Элдерлинги не знали об этом? Вряд ли. Однако мы не нашли никаких свидетельств этой вражды.

Или нашли? Бледная Женщина захватила Аслевджал. Поглощенный ледником город Элдерлингов стал ей неприступной твердыней, откуда она могла направлять ход войны между Внешними островами и Шестью Герцогствами. И там, в этой цитадели, пыталась вмерзшего в лед дракона, стремясь уничтожить Айсфира и весь его род. Она всячески старалась разрушить город. Изображения были стерты или уничтожены, огромные библиотеки из камней памяти приведены в страшный беспорядок... Разве это не доказательство закоренелой ненависти? Разве она не старалась стереть с лица земли все следы того народа и его знаний и обычаев?

Я не надеялся, что драконы станут помогать мне в войне со Слугами. Если бы Айсфир имел желание отомстить, он бы уже давно попытался это сделать. Наверное, Айсфир нашел выход своей ярости, когда разрушил ледяной зал на Аслевджале и убил солдат Бледной Женщины. Он предоставил мне убить ее саму и каменного дракона, которого она создала вместе с Кебалом Робредом. Возможно, черный самец

не такой горячий, как Тинталья. У многих животных самки сражаются ожесточеннее, чем самцы.

– Правда? – переспросил Пер, и я понял, что произнес последние слова вслух.

– Правда, – ответил за меня Лант, возможно вспомнив, как мачеха пыталась убить его.

На свободном участке площади перед нами Рапскаль ворковал с Хеби, будто с комнатной собачкой, а Малта, Рэйн и Фрон что-то обсуждали, да так оживленно, что чуть ли не ссорились. На меня вдруг накатило головокружение.

– Я бы хотел вернуться в комнаты, – тихо сказал я и не смог воспротивиться, когда Лант взял меня под локоть.

Меня вновь охватила слабость, как после исцеления Силой, хотя теперь трудно было понять, что ее вызвало. Когда я, обходя встречаемых, поднялся к двери, к нам присоединились Янтарь и Спарк. У дверей наших покоев Янтарь остановила остальных.

– Я поговорю с вами позже, – заявила она и жестом велела всем идти.

Лант усадил меня на стул за столом, я услышал, как он тихо прикрыл за собой дверь. Я уронил было голову на скрещенные руки, но тут раздался голос Шута:

– Ты заболел?

Я не поднял головы, но покачал ею:

– Слабость. Как будто долго работал Силой. Не знаю почему. – Не сдержавшись, я коротко рассмеялся. – Может, вче-

рашней бренди еще дает о себе знать.

Он мягко опустил руки мне на плечи и стал разминать мышцы.

– Тинталья источала мощные чары. Я не мог двинуться с места от ужаса перед яростью, которую она обрушила на тебя. Это было нечто невидимое, но я чувствовал ее. Я знал, что она вот-вот убьет тебя, и ничего не мог поделать. Но я ощущал тебя. Ты не дрогнул перед ней.

– Я держал стены поднятыми. Думал, мне не жить. Зато мы кое-что узнали. Айсфир жив.

Мне было приятно, что он массирует меня, но прикосновение его рук слишком живо напоминало о Молли. Я передернул плечами, и Шут, ни слова не говоря, отошел, взял стул и сел рядом.

– Ты и правда мог умереть сегодня, – сказал он и покачал головой. – Не знаю, что бы я тогда делал. Ты почти заставил ее убить тебя. Ты что, хочешь умереть?

– Да, – сказал я. И добавил: – Но не теперь. Сначала я уложу столько врагов, сколько смогу. Мне нужно оружие, Шут. А лучшее оружие убийцы – знание, много знаний. – Я вздохнул. – Известно ли Айсфиру что-нибудь полезное? Согласится ли он рассказать это Тинталье? А если да, то как мы узнаем об этом? Шут, я впервые иду на убийство настолько неподготовленным.

– Я тоже. Но я впервые иду что-то делать с такой решимостью.

Я сел чуть ровнее, поставив локоть на стол. Коснулся его руки в перчатке:

– Ты все еще сердишься на меня?

– Нет, – сказал он. И сразу же: – Да. Ты заставил меня думать о том, что я хотел бы забыть.

– Ты должен вспомнить это ради меня.

Шут отвернулся, чтобы я не видел его лица, но руку не отдернул. Я ждал.

– Спрашивай, – велел он хрипло.

Ну вот. Теперь мне придется мучить друга. О чем же спросить, что мне важнее всего знать?

– Есть ли в Клерресе кто-нибудь, кто мог бы помочь нам? Кто-нибудь, с кем можно тайно сговориться? Можно ли как-то передать ему, что мы идем?

Тишина. Неужели он и теперь уклонится от ответа? А ведь напоить его еще раз уже не получится.

– Нет, – выдавил наконец Шут. – Никак не передать. Прилкоп, возможно, еще жив. Они разлучили нас, когда перешли к пыткам. Думаю, с ним обращались примерно так же, как со мной. Если он жив, то наверняка по-прежнему сидит под замком. Я предполагаю, они сочли его слишком ценным, чтобы убивать, но могу и ошибаться.

– Я знаю, ты сомневаешься в тех, кто помог тебе сбежать. Но вы с Прилкопом отправили мне нескольких гонцов. Можно ли верить этим людям? Они все еще в Клерресе?

Шут покачал головой. Он по-прежнему отворачивался от

меня.

– Это было возможно в первые годы после нашего возвращения в Клеррес. Когда мы уже были не в ладах с Четырьмя, но они еще не знали, что мы не доверяем им. Сначала мы отправили гонцов, чтобы предупредить тебя о том, что Четверо, возможно, хотят навредить тебе. В то время Четверо еще пытались склонить нас на свою сторону, заставить думать как они. Возможно, они и правда верили, будто сопоставители и наставители могут убедить нас, что мы ошибались. – Он криво улыбнулся. – Но все пошло не так. Думаю, они заслушивались нашими рассказами, ведь они почти ничего не знали о жизни за стенами Клерреса. И, узнавая от нас все больше о том, что происходит за пределами их мирка, некоторые начали сомневаться в том, чему их учили Слуги. Наверное, поначалу Четверо не понимали, какое влияние мы обрели в Клерресе.

– Сопоставители? Наставители?

Он с отвращением фыркнул:

– Красивые титулы. Сопоставители – это те, кто разбирает записи о снах, чтобы найти связи между ними. Наставители ищут людей или грядущие события, которые проще всего изменить к выгоде Четырех и их Слуг. Именно они изо всех сил пытались убедить нас с Прилкопом, что мы заблуждались. В последующие дни мы с ним много говорили об этом. Я всегда настаивал, что ты – избранный. Но потом Прилкоп спросил – и совершенно справедливо: «А как же новые сны?» На

это у меня не было ответа. – Он сглотнул. – Никакого ответа.

И однажды ночью, на дружеских посиделках с вином, наши маленькие друзья по секрету сообщили нам, что есть ребенок-самородок, которого нужно отыскать и научиться направлять, пока он не направил мир по неверному пути. Им было известно, что Четверо хотят найти этого ребенка. Не все Четверо верили, что новый пророк – это Нежданный Сын, но одна из них верила. Симфэ. Всякий раз, когда мы встречались за обедом, она бросала мне вызов в споре. И доводы ее были таковы, что поколебали даже мою веру. День за днем Четверо требовали прочесывать записи о снах, чтобы отыскать этого ребенка. И «направлять» его. Я испугался, что они отыщут те же подсказки, которые много лет назад привели меня к тебе. Поэтому я послал еще гонцов, чтобы попросить тебя отыскать Нежданного Сына. Они ведь убедили меня, что это и есть Белый Пророк – самородок. И вот тут они были правы. Они узнали о существовании Би задолго до меня. А Двалия убедила их в том, что дитя, присутствие которого они ощущают, и есть Нежданный Сын.

От его слов меня продрал мороз по коже. Слуги «ощущали» существование Би? Я стал перебирать сказанное в голове, пытаясь понять, что из этого следует.

– Что значит «самородок»?

Его плечи поникли, словно под грузом. Я ждал.

– В Клерресе времен Прилкопа... – начал Шут, но горло у него перехватило, и он умолк.

– Хочешь чая?

– Нет. – Он вдруг с силой схватил меня за руку. – Бренди еще остался?

– Сейчас посмотрю.

Закупоренная пробкой бутылка наполовину торчала из-под подушки. В ней было немного жидкости – лучше, чем ничего. Я нашел бокал Шута, налил ему и поставил на стол. Его рука нащупала сосуд. Он взял его и выпил. Сев на свое место, я заметил, что вторая рука, та, что в перчатке, так и лежит там, где была. Я взял ее в свою:

– Клеррес времен Прилкопа?

– Тогда он был библиотекой. Там хранились вся история Белых, все сны, что когда-либо были записаны, тщательно рассортированные. Там были записи о том, что эти сны могут означать. Это было пристанище историков и языковедов. В те времена все Белые Пророки были «самородками». Родители начинали замечать, что их ребенок... не такой, как все. И приводили его в Клеррес. Или ребенок вырастал и понимал, что ему нужно отправиться в путешествие. В Клерресе Белый Пророк своей эпохи мог изучать все сны, увиденные до него, истории других Белых Пророков. Их обучали, берегли, кормили, одевали и готовили. А когда Белый Пророк чувствовал, что готов начать свою работу в мире, ему давали все необходимое: деньги, верховое животное, дорожную одежду, оружие, перья и бумагу – и отправляли в путь. Так было с Прилкопом. А Слуги оставались в Клерресе и за-

писывали все, что знали о пророке, а потом они и их потомки терпеливо ждали появления следующего. – Он снова отпил бренди. – Тогда не было Четырех. Только Слуги – люди, ожидавшие, когда наступит их время служить.

Надолго повисло молчание. Наконец я решился нарушить его:

– Но в твоё время Клеррес был уже не таков.

Он покачал головой – сначала медленно, потом резко и отчаянно:

– Нет. Совсем не таков! Когда родители уехали, оставив меня там, я был потрясен тем, что я там не один такой! Меня отвели – тогда еще со всем дружелюбием и ласковостью – в красивый сад, где стояло несколько маленьких домиков и увитая виноградом беседка, журчал фонтан. И в домике, куда меня привели, жили трое детей, почти таких же бледнокожих, как я.

Но они все были сводными братьями. И они родились там же, в Клерресе. Их там вывели, как породистых животных. Потому что Слуги уже не служили Белым Пророкам, а только себе. У них была возможность отследить родословную любого Белого Пророка, и они собирали у себя детей. Двоюродные братья и сестры, внучатые племянники и племянницы, дети, по слухам приходившиеся Белому Пророку внуками... Слуги собирали их у себя, селили вместе и спаривали, как кроликов. А потом спаривали их детей. Рано или поздно рождался ребенок с нужной особенностью. Ты видел, как

Баррич делал это с животными. То, что годится для лошадей и собак, работает и на людях. Вместо того чтобы ждать, когда где-то родится Белый Пророк, они сами создавали их. И пожинали урожай – их сны. Когда-то Слуги верили, что Белые Пророки рождаются, чтобы направить мир по лучшему пути, но они забыли свой долг и стали заботиться только о собственном благе. Их «истинный Путь» – это заговор, созданный, чтобы они могли заполучить еще больше власти и богатства. Их выведенные в домашних условиях Белые делают все, что им велят. Они начинали с малого. Посадят другого человека на трон в соседнем королевстве. Создадут запасы шерсти и не предупредят никого, что грядет овечий мор. И наконец они решили избавить мир от драконов и Элдерлингов.

Шут допил остатки бренди и со стуком поставил бокал на стол.

Он наконец повернулся и посмотрел на меня. Слезы изуродовали прекрасную маску Янтарь; черная краска, которой были подведены ее глаза, стекала по тщательно припудренным щекам.

– Довольно, Фитц, – сказал он, давая понять, что продолжать не намерен.

– Но, Шут, мне нужно знать...

– Довольно на сегодня.

Его рука нашарила бутылку. Для слепого он весьма ловко вылил остатки бренди в бокал.

– Я знаю, что должен поговорить с тобой об этом, – сказал Шут хрипло. – И я все расскажу. Но не сразу, а как смогу. – Он покачал головой. – Ну и наломал же я дров! Хорош Белый Пророк – сижу тут, слепой калека, и опять толкаю тебя навстречу опасности. Наша последняя попытка изменить мир.

Я прошептал, обращаясь больше к себе самому:

– Я делаю это не ради мира. Я делаю это ради себя.

Тихо поднялся и ушел, оставив его сидеть с бренди.

* * *

Через два дня «Смоляной» пересек реку, чтобы забрать нас. Все это время я больше не видел Тинталю. Лант слышал, что синяя драконица напилась Серебра, поела, поспала, а потом Элдерлинги вычистили ее в драконьих купальнях. Потом она снова попила Серебра и улетела. Отправилась ли Тинталья на охоту или на поиски Айсфира – никто не знал. Я оставил надежду узнать от нее что-то новое.

Шут сдержал свое слово. На столе в нашей комнате он соорудил карту Клерреса, острова, его цитадели и города. Я приберегал пустые тарелки, приборы и салфетки после еды, и Шут ощупью выстраивал стены из ложек и башни из блюдца. А я, оглядев все это, рисовал карты. Над внешними укреплениями главенствовали четыре толстые башни, на вершине каждой был громадный купол в форме черепа. В

глазницах по ночам горели фонари. В любое время по зубчатым внешним стенам ходили меткие лучники.

За внешней стеной, высокой и белой, шла внутренняя, защищавшая изящные сады, домики, где жили Белые, и цитадель из белого камня и костей. В цитадели тоже были четыре башни, более узкие и высокие, чем сторожевые на внешней стене. Вытащив в гостиную прикроватный столик, мы разложили на нем план первого этажа крепости.

– В цитадели четыре этажа и еще два подземных, – сообщил Шут, выкладывая стены из платков и башни из чашек. – Это не считая величественных башен, где обитают Четверо. Эти башни выше тех, что на внешней стене. Крыша у цитадели плоская. В старые времена, когда цитадель была не только крепостью, но и дворцом, там располагался гарем. Эти помещения и сейчас там. В наши дни в них держат самых важных пленников. С башен открывается прекрасный вид на остров, гавань и холмы по другую сторону города. Ее построили в незапамятные времена, Фитц. Думаю, сейчас уже никому не понять, как древним строителям удалось выстроить такие высокие и узкие башни с такими просторными комнатами наверху.

– То есть башни похожи на грибы? – спросил я, пытаюсь себе это представить.

– Только очень изящные грибы, – ответил Шут, едва не улыбнувшись.

– И насколько тонкие у этих грибов ножки?

Он подумал.

– У основания они размером с Большой зал Оленьего замка. Но потом сужаются до половины его ширины.

Я кивнул, представив себе это. Картина мне понравилась.

– И там каждый из Четверых и ночует? В комнате на вершине своей башни?

– Большой частью – да. Феллоуди, как всем известно, часто удовлетворяет свою похоть в разных местах. Капра почти все время проводит у себя. Симфэ и Колтри, думаю, почти всегда ночуют в башнях. Фитц, прошло много лет с тех пор, как я был посвящен в подробности их жизни и привычек.

Замок Клеррес стоял на белокаменном острове, и больше там не было ничего. От внешних стен до обрывистых берегов простиралась ровная каменистая поверхность. Всякому врагу пришлось бы сначала пересечь это пространство. Часовые постоянно следили за морем вокруг и узкой насыпью, которая появлялась над водой дважды в сутки, когда был отлив. По ней прислужники попадали в город и возвращались, по ней же приходили паломники, желающие узнать свое будущее.

– Миновав насыпь и пройдя в ворота внешних стен, паломники видят стену цитадели с высеченной на ней лозой времени. Самые роскошные помещения расположены на первом этаже: приемные, бальный зал, пиршественный зал. Все стены обшиты панелями белого дерева. Здесь же находится и несколько учебных залов, но большей частью они на

втором этаже. Там учат молодых Белых и пожинаяют их сны. Там же располагаются и роскошные покои, где богатые клиенты отдыхают и пьют вино. Туда к ним приходят сопоставители и лингстры: сопоставители зачитывают отобранные свитки, а лингстры толкуют их. За большие деньги.

– А все лингстры и сопоставители – Белые?

– В жилах большинства течет немного пророческой крови. Они родились в Клерресе, их с детства назначили быть прислужниками Четырех. Они же «служат» и Белым, примерно как блохи служат собаке: высасывают сны и мысли и выдают их как возможные пути будущего богатым глупцам, пришедшим посоветоваться.

– Ага. То есть они шарлатаны.

– Нет, – сказал Шут севшим голосом. – Это самое отвратительное, Фитц. Богачи покупают сведения о будущем, чтобы стать еще богаче. Лингстры собирают сновидения о грядущей засухе и советуют им запасти зерно, чтобы потом продавать втридорога голодающим соседям. Чума и мор, если о них знать заранее, могут стать средством увеличить семейное состояние. Четверо уже не заботятся о благе мира, только о том, как нажиться на несчастьях и случайных удачах.

Он глубоко вздохнул:

– На третьем этаже находится сокровищница Слуг. Шесть залов, где хранятся свитки. Там есть свитки из незапамятной древности, и каждый день появляются новые. Только самым богатым просителям позволяют входить в эту библиотеку.

Порой состоятельному жрецу Са разрешают самому изучать свитки, но только если Слуги получают за это золото и влияние.

Наконец, на четвертом этаже живут Слуги, пользующиеся особым расположением Четырех. Там же живут и самые доверенные стражники, охраняющие двери в каждую из башен. А еще – те из Белых, кто видит больше всех пророческих снов. Четверо держат их там, чтобы можно было, не тратя времени, спуститься и пообщаться с ними. Это общение не всегда сводится к высокоученым беседам, особенно если приходит Феллоуди.

Шут умолк. Я не стал спрашивать, довелось ли ему испытать на себе такое внимание.

Он вдруг резко встал и направился в другой конец комнаты, сказав через плечо:

– Если подняться еще на один пролет по лестнице, попадаешь на крышу, в бывший гарем, где теперь держат непокорных Белых. – Он отошел от нашей «карты». – Возможно, именно там сейчас Прилкоп. Или то, что от него осталось.

Он вдруг резко вдохнул и заговорил голосом Янтарь:

– Здесь очень душно. Пожалуйста, позови Спарк. Я бы хотела одеться и выйти подышать.

Я выполнил ее просьбу.

Эти наши разговоры с Шутом не длились подолгу и часто прерывались. Я больше слушал, чем говорил, и, если он вдруг вставал, превращался в Янтарь и уходил, я не пытался остановить его. Оставшись один, делал зарисовки и помечал самое важное. Я был благодарен Шуту за то, что он рассказывал, но мне требовалось больше. Все, что ему было известно о пороках и слабостях наших врагов, могло устареть. Он не знал имен их любовников и недоброжелателей, не имел представления, как проходят их дни. Мне придется разузнать все это, когда я сам попаду в Клеррес. Спешить некуда. Би уже все равно не вернуть. Моя месть будет хладнокровной и тщательно рассчитанной. Когда я нанесу удар, он будет смертельным. «Хорошо бы, – мечтательно думал я, – чтобы они умерли, зная, за какое преступление я воздал им». Но так или иначе, им все равно не жить.

В силу обстоятельств у меня пока не было четких планов. Я перебирал свои запасы и обдумывал возможности. После нападения медведя у меня осталось пять гремучих горшочков Чейда. Один треснул, и из него просыпался черный порошок. Я заделал трещину свечным воском. У меня были ножи, старая праща и, конечно, топор – слишком большой, чтобы брать его с собой в мирный город. Вряд ли от этого оружия будет прок. Я взял с собой мощные яды, кото-

рые можно подмешать в еду, отравленные порошки, действующие через прикосновение, масла, чтобы смазать дверную ручку или край кружки, не имеющие вкуса жидкости и катышки – все известные мне виды отравы. После атаки зверя я лишился тех из них, которыми запасся в изобилии. Теперь уже не удастся отравить источники воды или варево в большом котле. Моих ядов хватило бы, чтобы отправить на тот свет Четырех, если бы удалось уговорить их сесть со мной за стол и сыграть в кости. Но на это надежды мало. Однако если получится пробраться в логово каждого из них, то им конец.

Я разложил четыре маленьких камешка по чашкам, изображающим башни цитадели на прикроватном столике, и задумчиво вертел в руке пятый, когда вошли Пер и Спарк, сопровождавшие леди Янтарь и Ланта.

– Это что, такая игра? – спросил Пер, в испуге уставившись на два загроможденных стола и лежащий рядом мой смертоносный реквизит.

– Если убийство можно назвать игрой, то да, – тихо сказала Спарк. Она подошла и встала рядом со мной. – Что изображают камни?

– Чейдовы горшочки.

– А что они делают? – спросил Пер.

– Разносят все вдребезги. Взрываются, как смола в полене.

Я показал на пять маленьких сосудов.

– Только гораздо сильнее, – сказал Шут.

– Намного сильнее, – подтвердила Спарк. – Я помогала

Чейду их испытывать. Когда он еще был здоров. Мы заложили один горшочек у скалы на берегу. В скале осталась огромная выбоина, каменные осколки разлетелись повсюду.

Она коснулась щеки, словно вспомнив, как ее оцарапало осколком.

– Это хорошо, – сказал Шут и сел за стол. Янтарь исчезла без следа, когда его пальцы затанцевали по тщательно разложенным вещам. – По одному горшочку на башню?

– Может получиться. Весь вопрос в том, где расположить горшочки и насколько крепки стены башен. Горшочки нужно пристроить достаточно высоко, чтобы башни обрушились, когда Четверо будут спать в своих постелях. Все взрывы должны произойти одновременно, поэтому понадобятся фитили разной длины. Поджечь один, подложить следующий горшочек, поджечь, и так далее.

– И еще успеть уйти, – добавил Лант.

– Да, это было бы неплохо, – не стал спорить я, хотя и понимал, что вряд ли все четыре горшочка взорвутся одновременно. – Нужно найти что-нибудь, чтобы сделать фитили.

Спарк нахмурилась:

– А куда подевались фитили из горшочков?

Я удивленно уставился на нее:

– Что?

– Дайте мне один. Пожалуйста.

Я неохотно протянул ей тот, что заделал воском. Она с неудовольствием посмотрела на него:

– Мне кажется, этот лучше и не пытаться использовать.

Она потянула на себя крышку, и я увидел, что крышка держалась на толстом слое смолы. Внутри лежали два свернутых кольцами шнура, синий и белый. Спарк вытащила их. Синий оказался вдвое длиннее.

– Синий не просто длиннее, он горит медленнее. Белый – быстро.

– Насколько быстро?

Она пожала плечами:

– Подожгите его, и пламя побежит. Это удобно, если за вами гонятся. Синий можно припрятать, тайком поджечь, допить вино, пожелать хозяину доброй ночи и спокойно уйти, пока он будет гореть.

Лант заглянул мне через плечо. Когда он заговорил, я услышал в его голосе сдержанное веселье.

– Гораздо легче, если нас будет двое. Одному человеку ни за что не успеть разложить все четыре горшочка, поджечь фитили и успеть уйти, прежде чем они взорвутся.

– Нас будет трое, – решительно заявила Спарк. Я удивленно посмотрел на нее. На лице у девушки появилось обиженное выражение. – Я знаю об этом больше, чем вы все!

– Четверо, – сказал Пер.

Интересно, он хоть понял, что мы замыслием убийство? Это все я виноват, что втянул их в это дело. Юный, полный сил Фитц ни за что не позволил бы, чтобы о его планах узнали посторонние. Я стар и измотан, а они все равно уже зна-

ют слишком много. И это опасно для них и для меня. Интересно, удастся ли мне унести хоть какие-то тайны с собой в могилу?

– Увидим, когда придет время, – сказал я, понимая, что, если просто отказаться, они примутся спорить.

– Вы-то увидите, – сказал Шут, нарушив молчание.

Повисла неловкая пауза, потом Пер вымученно рассмеялся. Мы все присоединились к нему. В нашем смехе горечи было больше, чем веселья, но мы пока еще живы и движемся к своей зловещей цели.

Глава 9

«Смоляной»

Еще до того, как король Шрюд постановил, что учить Силе следует только членов королевской семьи (не вполне благоразумное решение с его стороны), искусство управлять Силой стало забываться. Когда мне шел двадцать второй год, во всех прибрежных герцогствах прокатилась эпидемия кровавого кашля. Болезнь не щадила ни стариков, ни молодых. Много зрелых магов Силы умерло тогда, а вместе с ними умерли и познания в этой магии.

Когда принц Регал обнаружил, что чужеземные торговцы готовы хорошо платить за свитки о Силе, он стал тайно распродавать библиотеки Оленьего замка. Понимал ли он, что эти бесценные манускрипты в конце концов попадут в руки Бледной Женицыны и пиратов красных кораблей? Споры об этом долго шли среди аристократов Бакка, однако, поскольку Регал уже много лет мертв, вероятно, мы никогда не узнаем правды.

Чейд Фаллстар, «Относительно упадка магии Силы в годы правления короля Шрюда»

Все вместе мы спустились к причалу, чтобы посмотреть на прибытие Смоляного в Кельсингру. В Баккипе, где я вырос, причалы были сколочены из крепких черных досок, сильно

пахнущих дегтем. Казалось, они пребывали там со времен, когда Эль привел к нашим берегам море. Пристань Кельсингры была новенькая, сверкающая свежей древесиной; светлый настил поддерживали каменные сваи. Но построена она была на руинах древнего причала Элдерлингов. «Интересно», – подумал я. Сам я не выбрал бы для сооружения пристани это место. Полузатопленные дома у берега говорили о том, что река часто меняет свое русло. Сегодняшним Элдерлингам неплохо было бы перестать вглядываться в прошлое и начать отталкиваться от того, каковы город и река в наши дни.

За городом, за утесами со сломанными вершинами, на самых высоких холмах тут и там виднелись потеки снега. В отдалении я видел нежно-розовые березы и ивы с красноватыми молодыми побегам. Ветер с реки был влажным и холодным, но резкое дыхание зимы в нем уже не чувствовалось. Погода менялась, а с ней и моя жизнь.

Когда «Смоляной» подошел к берегу, заморосило. Пеструха сидела на плече Персивиранса, нахохлившись, чтобы меньше мокнуть. Лант стоял позади мальчика, Спарк – рядом с Янтарь. Мы стояли достаточно близко, чтобы все видеть, но в то же время довольно далеко, чтобы не путаться под ногами. Рука Янтарь, одетая в перчатку, лежала у меня на запястье.

Я тихо заговорил:

– Река быстрая и глубокая, и вода в ней явно холодна.

Она серая от ила, от нее исходит кислый запах. Раньше берег простирался куда дальше. За десятилетия река поглотила немалую часть Кельсингры. У причала стоят еще два корабля. Оба, похоже, требуют ремонта.

Смоляной – это речной баркас. Команда глубоко окунает весла и шесты в воду. У руля стоит крепко сбитая женщина. Судно поднялось вверх по реке вдоль дальнего берега, а теперь пересекло стремнину, развернулось и спускается по течению. Носового изваяния нет. Это разочаровало меня. Я был наслышан о том, что носовые изваяния живых кораблей способны двигаться и говорить. На носу, прямо на корпусе, нарисованы глаза. Баркас быстро спускается по течению, двое матросов присоединились к женщине у руля. Команда борется с течением, чтобы причалить здесь.

Когда Смоляной подошел к пристани, матросы бросили ожидавшим на причале швартовы, и те закрепили их. Но тут баркас уперся, как норовистый конь, и вода ударила в его корму. Было что-то странное в том, как корабль борется с течением, только я никак не мог понять, что именно. Вода так и бурлила вокруг него; доски пристани и канаты скрипели под напором.

Одни канаты вытравливали, другие выбирали, пока капитан не решил, что все сделано как надо. На пристани уже ждали грузчики с тележками и один Элдерлинг, который улыбался так, что сразу становилось ясно – он пришел сюда встретить свою сердечную подругу. «Алум», – вспомнилось

мне. Так его зовут. Я взгляделся в матросов и вскоре заметил ее: она суетилась безостановочно, передавала команды и помогала надежно пришвартовать баркас. Но раз или два пыталась отыскать взглядом кого-то в толпе. Наконец она углядела своего Элдерлинга, просияла и стала действовать еще ловчее, словно чтобы похвастаться перед ним своим мастерством.

Спустили сходни, и на пристань сошло около десяти пассажиров. Свою поклажу они несли в руках или за спиной. Новые жители шли неуверенно, с удивлением, а может, и тревогой оглядывая полуразрушенный город. Интересно, а что они ожидали увидеть? Останутся ли они здесь жить? По другим сходням принялись, словно муравьи, снова грузчики, разгружая баркас.

– Это и есть корабль, на котором мы поплывем? – с сомнением в голосе спросила Спарк.

– Да, это он.

– Я никогда еще не поднималась на корабль.

– А я плавал. Но только на маленьких гребных лодках в Ивняхках. Куда им до него!

Пер рассматривал баркас с открытым ртом, и я не мог понять, то ли мальчик боится предстоящего путешествия, то ли предвкушает.

– Все будет хорошо, – успокоил их Лант. – Смотрите, какой он устойчивый. И мы ведь поплывем по реке, не по морю.

Я отметил, что Лант говорит с Пером и Спарк скорее как с младшими братом и сестрой, чем как со слугами.

– Ты видишь капитана? – спросила Янтарь.

Я ответил:

– Я вижу человека средних лет, который сейчас подошел к Рэйн. Мне кажется, он раньше был крупнее, а сейчас выглядит сухопарым. Они тепло приветствуют друг друга. Наверное, это и есть Лефтрин, а женщина рядом с ним – Элис. У нее огромная грива вьющихся рыжих волос. – Я слышал от Янтарь скандальную историю о том, как Элис бросила своего законного, но неверного мужа ради капитана живого корабля. – Теперь они ахают и охают, увидев Фрона. По-моему, они очень рады.

Рука Янтарь на моем предплечье слегка напряглась, когда она нацепила на лицо улыбку.

– Они идут сюда, – негромко добавил я.

Лант подошел и встал рядом со мной. Пер и Спарк позади нас умолкли. Мы ждали.

Рэйн с улыбкой подвел пару к нам.

– А вот и наши гости! Капитан Лефтрин и Элис с живого корабля «Смоляной», позвольте представить вам принца Фитца Чивэла Видящего, леди Янтарь и лорда Ланта из Шести Герцогств.

Я и Лант поклонились, Янтарь присела в грациозном реверансе. Лефтрин испуганно и коротко поклонился, Элис присела в реверансе по всем правилам, а потом уставилась на

меня в оцепенении. Потом по ее лицу промелькнула улыбка, и она вспомнила о церемониях:

– Мы рады будем доставить вас на Смоляном в Трехог. Малта и Рэйн сказали, что это вашей магии Фрон обязан своим выздоровлением. Спасибо вам. У нас самих нет детей, и Фрон дорог нам, как родной.

Капитан Лефтрин с серьезным видом кивнул.

– Все так, как сказала госпожа, – грубовато буркнул он. – Дайте нам день или два, чтобы мы могли разгрузить корабль, а команда – побыть на берегу, а потом мы охотно отвезем вас вниз по реке. Только вот каюты на Смоляном не слишком просторные. Мы постараемся устроить вас поудобнее, но это будет явно далеко от того, как привыкли путешествовать принцы, лорды и леди.

– Уверен, нас вполне устроит то, что вы можете предложить. Нам важно достигнуть цели нашего путешествия, а удобства значения не имеют, – ответил я.

– Ну, уж довести-то вас Смоляной доведет – быстрее и лучше, чем любой другой корабль на этой реке, – сказал капитан, и в голосе его прозвучала гордость судовладельца. – Не желаете ли подняться на борт прямо сейчас и осмотреть каюты, что мы вам приготовили?

– С большим удовольствием, – тепло отозвалась Янтарь.

– Прошу.

Мы прошли вслед за ними через пристань и поднялись по сходням. Они были узкие, и я испугался, как бы Янтарь

не оступилась. Но едва я шагнул на палубу корабля, как позабыл об этой тревоге, ощутив присутствие корабля как Даром, так и Силой. Он и правда был живой – не менее, чем любое существо, способное дышать и двигаться. Он явно чувствовал меня точно так же, как я чувствовал его. Лант оглядывался по сторонам с радостной ухмылкой мальчишки, отправляющегося в приключение, и Пер был не лучше. Пеструха вспорхнула у него с плеча и с подозрением облетела корабль, напряженно работая крыльями, чтобы не сносило речным ветром. Спарк вела себя более сдержанно, чем Лант и Пер, едва ли не настороженно. Янтарь, как только взошла на палубу, сразу же положила ладонь мне на руку и крепко вцепилась. Последними на борт поднялись Элис и Лефтрин – и резко остановились, будто наткнулись на стену.

– О боги!.. – ахнула Элис.

– И не только они, – напряженным голосом произнес Лефтрин. Он замер, и я почувствовал, как он переговаривается с кораблем: казалось, кто-то поблизости пощипывал струну. Потом капитан сурово посмотрел на меня. – Мой корабль... Я должен спросить. Вы – человек дракона?

Мы с Янтарь неловко замялись. Неужели корабль ощутил драконову кровь, которую она выпила? Янтарь отпустила мою руку и отстранилась, готовая выслушать любые упреки и обвинения в одиночку.

– Думаю, то, что твой корабль почувствовал во мне, на самом деле...

– Прости, госпожа, но вовсе не ты встревожила мой корабль. А он.

– Я?

И сам услышал, как глупо прозвучало мое удивление.

– Ты, – подтвердил Лефтрин и поджал губы. Потом посмотрел на Элис. – Дорогая, ты не могла бы показать дамам их каюту, пока я тут все улажу?

Элис смотрела на нас широко распахнутыми глазами:

– Конечно.

Я понял: им нужно, чтобы мы с капитаном остались наедине, вот только зачем?

И повернулся к своей немногочисленной свите:

– Спарк, будь добра, помоги своей госпоже, пока я поговорю с капитаном. Лант и Пер, мы просим нас извинить.

Спарк уловила невысказанное предупреждение и быстро взяла Янтарь за руку. Лант и Персивиранс уже и так двинулись по палубе, изучая корабль.

– Расскажи мне, как выглядит корабль, Спарк, – беззаботным тоном попросила Янтарь.

Они медленно пошли прочь, Элис последовала за ними, и я услышал, как девушка подробно описывает Янтарь все, что упоминает Элис.

Я обратился к Лефтрину:

– Я не нравлюсь твоему кораблю?

Сам я не ощущал в нем неприязни, но ведь мне никогда прежде не приходилось бывать на живых кораблях.

– Нет. Мой корабль хочет поговорить с тобой. – Капитан скрестил руки на широкой груди, потом, видно, спохватился, что это выглядит недружелюбно, опустил руки и вытер ладони о штаны. – Пройдем к носовому планширу. Там он говорит лучше всего.

Он задумчиво побрел по палубе, я медленно двинулся за ним. На ходу капитан говорил через плечо:

– Смоляной разговаривает со мной. Иногда с Элис. Может, и с Хеннесси тоже. Порой и с остальными, в снах или вроде того. Я не спрашиваю, а он не рассказывает. Он не такой, как другие живые корабли. Он больше себе на уме, чем... нет, ты не поймешь. Для этого надо родиться в семье торговцев. Но вот что я скажу: никогда еще Смоляной не выражал желания поговорить с незнакомцем. Не знаю, что он задумал, но знай: как он скажет, так и будет. Хранители заключили с вами сделку, но если Смоляной откажется тебя везти, так тому и быть. – Он нервно вздохнул и добавил: – Извини.

– Понимаю, – сказал я, но это была неправда.

Чем ближе к носу корабля мы подходили, тем острее я ощущал Смоляной... точнее, Смоляного. И ощущение это становилось все более неприятным. Меня словно обнюхивала собака – большая и непредсказуемая. С оскаленными зубами. Мне захотелось тоже оскалиться или еще как-то выказать готовность драться, но я сдержался. Корабль сильнее надавил на мои стены.

Можешь говорить, сказал я, впус­тив его мысли в свой разум.

Можно подумать, ты мог не разрешить. Ты ходишь по моей палубе, так что рано или поздно я узнал бы тебя. Что за дракон коснулся тебя?

Учитывая обстоятельства, лгать было бы глупо.

Одна драконица вломилась в мои сны. Думаю, это была Синтара, драконица, которой принадлежит Элдерлинг Тимара. Кроме того, я близко общался с Тинталъей и Хеби. Возможно, вот что ты почувствовал.

Нет. Ты пахнешь драконом, которого я никогда прежде не ощущал. Подойди ближе. Положи руки на планшир.

Я опустил взгляд на планшир. Капитан Лефтрин с каменным лицом взира­л на дальний берег реки. Я не мог сказать, слышит ли он нас с кораблем или нет.

– Он хочет, чтобы я положил руки на планшир.

– Тогда мой тебе совет – так и сделай, – буркнул капитан.

Я снова посмотрел на поручни. Они были из серого, тща­тельно отполированного, незнакомого мне дерева. Стянул перчатки и положил на них руки.

Ну вот же! Я знал, что чутье меня не подводит. Ты прикасался к нему, верно? Ты гладил и чистил его.

Я никогда не чистил драконов.

Чистил. И он считает тебя своим.

Верити...

Я не хотел, чтобы он услышал эту мысль, но корабль ло-

мился в мой разум так упорно, что стены чуть поддались. Я укрепил свои защитные рубежи, стараясь сделать это незаметно от Смоляного. От потрясения сердце отчаянно колотилось. Неужели драконы из плоти и крови воспринимают Верити как дракона, который мог заявить права на меня? Не так давно я отряхнул палые листья с его спины. Выходит, корабль почувствовал это так, будто я его «чистил»? И если драконы считают Верити драконом, то не считает ли себя драконом и этот корабль?

Смоляной задумчиво молчал. Потом сказал:

Да. Тот дракон. Он утверждает, что ты принадлежишь ему.

Над нами громко закаркала Пеструха.

Труднее всего не думать ни о чем. Я погрузился в ощущение прикосновений ветра и созерцание поверхности реки. Больше всего на свете, едва ли не больше, чем дышать, мне хотелось мысленно потянуться к Верити. Коснуться его холодного камня мыслями и душой, ощутить, что в каком-то смысле он прикрывает мне спину.

Корабль вломился в мои мысли:

Он считает тебя своим человеком. Будешь отрицать это?

Я его человек. И сам изумился тому, что это до сих пор правда. Уже очень давно.

Вы, люди, и представить себе не можете, что такое «очень давно». Но я принимаю тебя как его человека. Раз

Лефтрин и Элис так хотят, я отвезу тебя в Трехог. Только учти: ты делаешь это по своей воле. Я не вмешиваюсь в дела людей, принадлежащих драконам.

Интересно, как понимать, что корабль «принимает» меня и считает, что я принадлежу каменному дракону? И каким образом Верити отметил меня как своего человека? Понимал ли он, что делает это? Множество вопросов роилось у меня в голове, но Смоляной дал понять, что разговор окончен. Словно затворилась дверь шумной таверны, и я остался один в тишине и темноте. Остаться одному было приятно, но мне хотелось еще о стольком его спросить. Я потянулся, пытаясь нащупать Смоляного, но тщетно. Лефтрин мгновенно почувствовал мои усилия.

Потом капитан ухмыльнулся:

– Все, он с тобой закончил. Хочешь посмотреть, что за койку мы тебе приготовили для путешествия вниз по реке?

– Э... да, с удовольствием.

Его настроение переменялось внезапно, будто солнце выглянуло из-за тучи в ветреный день. Он повел меня мимо рубки к двум угловатым надстройкам на корме.

– Теперь-то они выглядят куда лучше, чем когда мы использовали их в первый раз. Никогда не думал, что Смоляному придется перевозить столько же людей, сколько и груза. Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Мало-помалу, и порой слишком неуклюже, но даже житель Дождевых чащоб может измениться. Вот эта каюта будет для

тебя, лорда Ланта и вашего слуги. – Он немного помялся, явно борясь с неловкостью. – Конечно, тебя с госпожой лучше было бы устроить в отдельной каюте, но куда тогда девать служанку? Бережнѣе девицы не любят спать в кубрике с командой, хотя бояться им у меня на корабле нечего. Просто уединиться негде. Так что вторую каюту мы отвели женщинам. Конечно, не по чину принцу жить в такой тесноте, но лучшего у нас нет.

– Нам просто нужно спуститься по реке, так что я был бы рад даже спать на палубе. Мне и это доводилось.

– А-а-а. – Похоже, у него отлегло от сердца. – Надо будет сказать Элис, а то она места себе не находит с тех пор, как пришло письмо, что нам придется везти вас. «Принц Шести Герцогств! Чем же его кормить? Где он будет спать?» – и так далее, снова и снова. Такова уж моя Элис – всегда старается делать все наилучшим образом.

Он открыл дверь:

– В былые времена эти каюты были всего лишь кладовками для груза. Но вот уже скоро двадцать лет, как нам пришлось устроить их поудобнее. Похоже, твой спутник и слуга еще сюда не заходили, так что можешь выбирать ту койку, что тебе по душе.

Люди, которые подолгу живут на кораблях, знают, как устроиться даже в тесноте. Я был готов к запаху давно нестиранного белья, парусиновым гамакам и щелястому полу. Но свет, льющійся через два небольших окна, играл на свер-

кающих желтых досках. Вдоль двух стен были укреплены по две узкие койки, одна над другой. Приятно пахло маслом, которым натирали доски. Одна стена была вся в шкафчиках, полках и ящиках, устроенных вокруг окна. Синие занавески были отдернуты, чтобы впустить внутрь свет и воздух.

– Более чудесного дома на воде я и представить себе не мог! – воскликнул я, обращаясь к Лефтрину, и, обернувшись, увидел рядом с ним Элис.

Услышав мои слова, она просияла от удовольствия.

Возле нее стояли Лант и Пер. Щеки мальчишки покраснелись от ветра, глаза сияли. Он заглянул в каюту, и его улыбка сделалась еще шире.

– Дамам их жилище тоже понравилось, – радостно сообщила Элис. – Что ж, в таком случае добро пожаловать на борт. Можете перенести свои вещи сюда уже сегодня и вообще приходить и уходить когда пожелаете. Команде нужен по меньшей мере день отдыха. Я понимаю, что вы хотите как можно скорее пуститься в путь, но...

– День или два задержки не расстроят наших планов. Дела могут подождать.

– Но Совершенный ждать не может, так что я не смогу дать команде больше полутора дней на отдых, – возразил Лефтрин. Он покачал головой, глядя на Элис. – Мы приходим впритык, чтобы не разминуться с Совершенным в Трехоге. Приливы и отливы никого не ждут, а оба корабля должны придерживаться сроков.

– Знаю, знаю, – сказала она, но на лице ее при этом сияла улыбка.

Капитан приветливо повернулся ко мне:

– Другие корабли ходят вверх и вниз по реке по расписанию, но ни один из них не способен оседлать течение так же ловко, как Смоляной, особенно весной, когда вода высока. Вот когда половодье спадает и река успокаивается, Смоляной и его команда могут славно передохнуть, а на смену им приходят обычные корабли, не способные чувствовать реку. А пока по весне течение быстрое и вода в главном русле то и дело становится белой и едкой, все эти милые кораблики стоят себе у пристаней, а Смоляной делает всю работу. – Он говорил не столько с сожалением, сколько с гордостью.

– А нам не придется везти еще людей вниз по реке? Не будет ли на палубе слишком тесно? – встревоженно спросила Элис.

– Нет. Я говорил с Харрикином. Если окажется, что кто-то из новичков не в силах выносить бормотание города, он отошлет их на другой берег, пусть дожидаются в Заречье, когда мы придем обратно. Думаю, он надеется, что они найдут там себе работу и осядут, вместо того чтобы сломя голову возвращаться к тому, что оставили на старом месте. – Он пояснил для меня: – Двадцать лет я вожу сюда людей, а потом половину забираю обратно, потому что они не могут тут жить. Из-за этого на корабле вечно полно народу и есть приходится по очереди, потому что места за столом не хва-

тает. Но в этот раз вниз отправитесь только вы, команда и немного груза. Отличное выйдет путешествие, если погода не подведет.

* * *

Следующее утро выдалось ясным и солнечным. Ветер с реки не унимался и не смягчался, но в воздухе уже чувствовалась весна. Я вдыхал смолистый аромат раскрывающихся почек и запах пробуждающейся земли. Нам подали несколько перьев зеленого лука к омлету и жареной картошке на завтрак. Ели мы с хранителями, пришедшими пожелать нам доброго пути. Сильве восторженно сообщила нам, что куры, перезимовавшие в курятниках, как она настаивала, теперь снова стали нестись.

На прощальный завтрак хранители взяли с собой детей и супругов. Многие пришли, чтобы еще раз поблагодарить меня и вручить подарки.

Практичный парень по имени Карсон принес нам полоски вяленого мяса в кожаном мешке:

– Это пригодится вам в пути, только смотрите не подмочите его.

Я поблагодарил его и на миг ощутил общность с этим человеком, как будто у меня появился новый настоящий друг.

Женщина по имени Джерд вручила Янтарь и Спарк по паре сережек:

– В них нет ничего волшебного, но они красивые, а в трудные времена вы сможете их продать.

Она родила на свет девочку, которую я вылечил, но почему-то малышку растили Карсон и Элдерлинг, которого звали Седрик.

– Я души в ней не чаю, но мне не дано быть матерью, – весело объяснила нам Джерд.

Малышка сидела на плечах у Седрика, сжимая пряди его волос в крошечных кулачках, и, похоже, была вполне довольна жизнью. Седрик был полон надежд насчет будущего девочки:

– Она уже начала лопотать. И поворачивает головку, когда мы разговариваем.

Копна медных волос падала девочке на лоб и почти полностью закрывала крохотные уши малышки.

– А еще Релпда теперь понимает, что не так, и поможет нам. Драконы не хотят нам зла, просто не всегда сознают, какими маленькими нам предназначено быть природой.

Королева Элдерлингов принесла нам шкатулку, полную разных видов чая, и с улыбкой вручила ее Янтарь.

– Маленькие радости порой придают сил в дороге, – сказала она, и Янтарь с благодарностью приняла подарок.

К кораблю мы двинулись только в полдень. Наши вещи уже были на борту, но подарков набралась целая тачка, и Персивирансу пришлось катить ее. Татс подарил Перу шаль работы Элдерлингов. Мальчик бережно сложил ее и тихо

спросил меня, можно ли будет выслать ее его матери, когда мы прибудем в Удачный. Я заверил, что конечно же можно. Тимара отвела в сторонку Янтарь и вручила ей плетеную сумочку. Я подслушал, как женщина-Элдерлинг снова заклинала ее быть осторожной с Серебром на пальцах.

Потом мы долго прощались на пристани, и казалось, это никогда не кончится, но Лефтрин крикнул, что нам пора отчаливать, если мы хотим хоть немного пройти до темноты. Я увидел, как Алум поцеловал свою девушку и она бегом вернулась на борт и принялась командовать. Лефтрин заметил, что я смотрю на них:

– Скелли – моя племянница. Она станет капитаном Смоляного, после того как я когда-нибудь умру на его палубе и эти доски впитают мои воспоминания.

Я удивленно поднял брови.

Капитан Лефтрин поколебался, потом рассмеялся над собой:

– Теперь уже не секрет, как все устроено с живыми кораблями. Живые корабли и семьи, владеющие ими, тесно связаны. Дети рождаются прямо на борту, становятся матросами, а потом и капитанами. А когда они умирают, то все, что они помнят, переходит к кораблю. Наши предки продолжают жить в наших кораблях. – Он непонятно усмехнулся, глядя на меня. – Такое вот странное бессмертие.

«Вместо того, чтобы вкладывать воспоминания в каменных драконов», – подумал я. И впрямь странное бессмертие.

Он покачал седой головой и пригласил нас выпить кофе на камбузе с ним и Элис, пока остальная команда готовит корабль к отплытию.

– А вам разве не надо быть на палубе? – спросил его Персивиранс.

Капитан ухмыльнулся:

– Если бы я к сегодняшнему дню не мог полагаться на Скелли, я б уже перерезал себе глотку. Мои ребята любят корабль, а Смоляной любит их. Они почти со всем могут управиться и без меня, так что я могу проводить время с моей госпожой.

Мы не без труда уместились вокруг исцарапанного стола на камбузе. Помещение было тесноватое, но уютное, пропахшее за много лет готовкой и мокрой шерстью. К этим запахам примешивался аромат кофе. Я уже пробовал однажды этот напиток, а вот Пер, едва отпив, удивленно сморщился.

– Ой, да тебе вовсе не обязательно пить его, если не хочешь! Давай я сделаю чай!

И Элис стремительно выхватила у него кружку, перелила его содержимое обратно в кофейник и стала наполнять помятый латунный чайник.

От крохотной железной плитки на камбузе сделалось почти невыносимо жарко, зато уже через несколько минут чайник зашипел и засвистел на огне.

Я оглядел нашу компанию, по-свойски устроившуюся за одним столом. В Оленьем замке Пера и Спарк отослали бы в

помещения для прислуги, да и мы с Лантом вряд ли очутились бы за одним столом со скромным капитаном баркаса и его женщиной. Пол будто бы ушел вниз, потом последовал мощный толчок. Пер вытаращил глаза, а у Спарк явно перехватило дыхание. Мощное течение вынесло нас на середину реки. Я наклонился, чтобы выглянуть в маленькое оконце, но увидел только серую воду.

Лефтрин с довольным видом вздохнул:

– О да, вот мы и в пути. Я выйду ненадолго, взгляну, не нужна ли Большому Эйдеру помощь у руля. Он хоть и простак, но человек хороший. Однако нам всем не хватает Сварга. Три года он твердой рукой правил кораблем на стремни-не. А теперь он ушел в Смоляного.

– И мы все однажды последуем за ним, – с улыбкой подтвердила Элис. И добавила: – Мне тоже надо выйти, хочу спросить Скелли, где она припрятала последний бочонок сахара. – Она взглянула на Спарк. – Завари за меня чай, когда вода закипит. Заварка в ящичке на полке у окна.

– Спасибо, леди Элис. Я все сделаю.

– О, *леди* Элис! – Ее щеки порозовели. – Я уже много лет как не леди. Теперь я просто Элис. Надеюсь, вы простите меня, если я забуду в разговоре упоминать ваши титулы. Боюсь, после десятка лет на реке от моего удачнинского воспитания мало что осталось.

Мы все засмеялись и заверили, что нас решительно все устраивает. И это была правда. На борту Смоляного я чув-

ствовал себя куда свободнее, чем в городе драконов.

Порыв ветра с реки залетел в дверь и захлопнул ее за спиной Элис. Мы остались в своем кругу, и Янтарь облегченно вздохнула.

– Как думаете, они не рассердятся, если я выйду на палубу и посмотрю? – сказал Пер. Чувствовалось, как его грызет любопытство. – Мне хочется поглядеть, как работает румпель.

– Ступай, – разрешил я. – Если окажешься у кого-то на дороге, тебе об этом скажут, а если велют убраться, не мешкай. Но скорее всего, они приставят тебя к какому-нибудь делу.

Мальчик встал, и Лант тоже выпрямился:

– Пойду присмотрю за ним. Мне и самому любопытно. Я ходил на лодке с друзьями на рыбалку в Баккипской гавани, но никогда не плавал по реке, тем более такой большой и быстрой.

– Так вы будете чай? – спросила Спарк, потому что из носика чайника как раз повалил пар.

– Скорее всего. Думаю, там, на ветру, прохладно.

Они вышли, и дверь за ними со стуком закрылась.

– Мы словно стали странной маленькой семьей, – заметила Янтарь, глядя, как Спарк снимает с полки красивый заварочный чайничек цвета морской волны. Она улыбнулась и добавила: – Мне чая не надо, меня и кофе вполне устраивает. Я уже много лет не пила хорошего кофе.

– Если это хороший кофе, то я боюсь даже представить себе, каков плохой, – отозвался я.

По примеру Элис опорожнил свою чашку кофе обратно в кофейник и стал ждать, когда заварится чай.

Мы легко приспособились к жизни на борту корабля и привыкли к ее ритму. Матросы охотно приняли Пера в свою компанию и стали давать ему мелкие поручения. Беллин – крупная молчаливая женщина, управлявшаяся с шестом не хуже мужчин, – учила его вязать узлы. В остальное время он что-нибудь полировал, тер песком, смазывал или чистил. Пер чувствовал себя на борту как рыба в воде и однажды признался, что если бы не поклялся мне в верности, то хотел бы стать юнгой на корабле. Я немного ревновал, но в то же время радовался, что мальчик занят делом и счастлив.

Пеструха присоединилась к нам, едва Смоляной отчалил из Кельсингры. Ворона быстро преодолела свою настороженность и, к изумлению команды, выбрала себе насестом планшет на носу корабля. Когда она вдруг выкрикнула: «Смоляной! Смоляной!» – капитан и матросы сразу полюбили ее, а Пер просиял от гордости.

Пеструха поддерживала у всех хорошее настроение, даже когда погода не благоволила. Она радостно разъезжала на плече у Пера, пока он занимался своими делами, но, стоило леди Янтарь появиться на палубе, тут же перебиралась к ней. Ворона научилась смеяться и каким-то чудом умудрялась делать это точно в нужный момент. Ее способности к

подражанию продвинулись невообразимо далеко, но, сколько я ни тянулся к ней Даром, всякий раз натыкался на туманную завесу: знак того, что это живое существо из гордости не желает заводить связи.

– Ты что, все понимаешь? – спросил я ее в один прекрасный день.

Она наклонила голову, посмотрела мне в глаза и так же настойчиво спросила:

– А ты что, ВСЕ понимаешь?

Хихикнула и полетела вниз по реке впереди корабля.

Плавание может быть либо скучным, либо страшным. На борту Смоляного я был благодарен за отсутствие событий. Чем больше мы удалялись от города, тем меньше поток Силы давил на мои стены. На ночь рулевой подводил корабль к берегу. Порой он был пологим и песчаным, так что можно было выйти на сушу, но зачастую приходилось швартоваться к группке деревьев с узловатыми корнями. На третий день русло сделалось более узким и глубоким, течение усилилось. Вокруг сомкнулся лес, горизонта больше не было видно. По берегам стеной стояли деревья на корнях-сваях, и мы швартовались к ним по ночам. Зарядил нескончаемый дождь. Пеструха поселилась на камбузе. Я проводил дни то в тесной каютке, то опять же на камбузе. Одежда и простыни никогда толком не просыхали.

Я старался извлечь из этого времени максимальную пользу. Янтарь предложила заняться изучением мерсена – древ-

него языка Клерреса.

– Большинство людей станут говорить с тобой на всеобщем языке, но будет полезно знать, о чем они беседуют между собой, думая, что ты их не понимаешь.

К моему удивлению, прочие наши спутники присоединились к урокам. Долгими дождливыми днями мы теснились, сидя на койках, а Янтарь втолковывала нам слова и грамматику. Мне всегда легко давались языки, но Пер превзошел меня. Ланту и Спарк приходилось труднее, однако мы не отступали. Я попросил Ланта помочь Перу научиться писать и считать. Им обоим эти занятия не доставили удовольствия, но они продвигались вперед.

По вечерам, когда корабль стоял, привязанный к деревьям, Лант, Спарк и Пер присоединялись к матросам в играх, где использовались кости, карты и небольшие резные палочки. Воображаемые богатства за вечер не раз меняли хозяина за игровым столом.

Пока они рубились, мы с Янтарь уединялись в ее крохотной каюте. Я отважно не замечал улыбок, которыми обменивались Лефтрин и Элис, когда я возвращался к остальным. Я и хотел бы посмеяться над их домыслами, но мне было невесело. На самом деле мне казалось, что в эти часы я подвергаю Шута пыткам. Он искренне хотел помочь, но из-за тех ужасов, что пережил в Клерресе, не мог рассказывать связно. Грязные подробности, которые я выведал у него, отбили у меня охоту копать глубже. Но было ясно, что выбора нет.

Я должен был знать всю подноготную Четырех. И Шут сообщал мне, что мог.

Единственная из Четырех, о ком мне удалось узнать в подробностях, была Капра. Она старейшая из них и, похоже, гордится этим. У нее длинные серебристые волосы, а носит она голубые просторные одеяния, расшитые жемчугом. Кажется ласковой, доброй и мудрой. Она стала наставницей Шута, когда он только прибыл в Клеррес. Первое время его каждый день после уроков приглашали подняться в ее башню. Там они сидели рядом на полу у камина, и он записывал свои сны на плотной и мягкой бумаге, желтой, как сердцевина ромашки. Они ели вкуснейшие маленькие пирожные, заморские фрукты и сыры. Она учила его разбираться в винах, давая отпить по крохотному глотку из бокалов с позолоченной кромкой, и рассказывала о чаях. Иногда звала акробатов и жонглеров, просто чтобы повеселить его. А когда он захотел присоединиться к ним, наняла их, чтобы учили его своему мастерству. Она хвалила его, и он рос и учился, окруженный ее заботой. Когда она называла его по имени, Любимый, он верил, что она вкладывает в это слово его истинный смысл. Это был рассказ о юношеских годах, которым я завидовал. Его баловали, хвалили, учили... Такое детство я мог видеть только во сне. Но после сладких снов всегда наступает пробуждение.

Чаще всего я сидел на полу каюты, а Шут – на нижней койке, слепо уставясь вверх. В оконце барабанил дождь. Горела

единственная свеча: невидимая для него, она создавала для меня полумрак под стать его рассказу. Во время этих встреч он был Шутом – в свободной рубашке, расшитой по переду кружевами, и простых черных штанах. Платье Янтарь увядшим цветком лежало на полу. Его наряд и поза были словно из тех времен, когда мы оба были юны. Шут сидел, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками – одной обнаженной, второй в перчатке. Взгляд его незрячих глаз был устремлен в прошлое.

– Я прилежно учился, чтобы угодить ей. Она давала мне читать о снах, я с жаром толковал их, а она слушала. Там, у ее камина, я впервые прочитал о Нежданном Сыне в старом, крошащемся от времени свитке. И испытал нечто, чего никогда не чувствовал с другими записями. Меня затрясло. Дрожащим голосом я рассказал ей сон, который видел в детстве. Мой сон и этот, виденный древним пророком, переплетались как пальцы. Я поведал ей правду, сообщив, что, как ни жаль мне огорчать ее, мне вскоре придется уйти, ведь я – Белый Пророк нашего времени. Мне надо отправиться в мир, чтобы подготовить в нем изменения, которые мне предстоит совершить. Каким же глупцом я был, когда думал, что причину ей боль своим уходом.

Шут тихонько застонал и продолжил:

– Она выслушала меня. Потом печально покачала головой и сказала: «Ты ошибаешься. Белая Пророчица этого поколения уже явила себя. Мы обучили ее, и вскоре она приступит

к своим обязанностям. Любимый, каждый Белый хочет оказаться Белым Пророком. Каждый ученик в Клерресе однажды говорит, что это он и есть. Не расстраивайся. Для тебя тоже найдется дело – скромно и добросовестно помогать истинной Белой Пророчице.

Я не поверил своим ушам. В голове зазвенело, перед глазами все поплыло, когда я услышал, что она не верит в меня. Но она ведь такая старая, добрая и мудрая, она не может ошибаться. Я попытался смириться с мыслью, что много о себе возомнил, но сны продолжали донимать меня. С того дня, как она сказала, что я не пророк, сны стали яростно осаждать меня, по два – по три за ночь. Я записывал их, зная, что ей это не понравится, но не мог держать их в себе. Она разбирала каждую запись, показывая, что это все относится не ко мне, а к другой.

Шут медленно покачал головой:

– Фитц, ты не представляешь, как мне от этого было плохо. Это как... смотреть сквозь кривое и мутное стекло. Или есть гнилое мясо. В ее словах была неправильность, от которой мне становилось дурно. Они звенели в моих ушах. Но она же была моей наставницей. Она так ласково обращалась со мной... Как она могла ошибаться?

В последнем его вопросе звучала невероятная тоска. Руки его отчаянно сжимали друг друга. Он отвернулся, словно опасаясь, что я прочту что-то в его полуприкрытых глазах.

– Однажды она привела меня в комнату на вершине баш-

ни. Это был огромный зал, Фитц, больше, чем Сад Королевы в Оленьем замке. И он был завален сокровищами. Чудеснейшие, неимоверно прекрасные вещицы валялись там, будто сломанные игрушки. Там был посох, вся поверхность которого сверкала, и великолепный трон, состоящий из переплетающихся нефритовых цветов. Многие из этого, как я теперь понимаю, было сделано руками Элдерлингов. Ветряные колокольчики, напевавшие сами по себе, высеченный из камня вазон, откуда вырастал каменный цветок, увядал, рассыпался в прах и вырастал снова. Я глазел в изумлении, но она твердо сказала мне, что все эти сокровища привезены с далекого берега, куда их вынесло море, и что хранители этого места заключили с ней сделку: они согласились отдать ей все, что принес прибой, в обмен на Дар.

Я хотел узнать, что было дальше, – продолжал Шут, – но она подвела меня к окну и велела посмотреть вниз. Там, в обнесенным стеной саду, полном цветов, лоз и плодовых деревьев, я увидел молодую женщину. Она была такой же Белой, как я. Мне уже доводилось встречать в Клерресе людей, почти настолько же лишенных цвета, насколько лишен его был я. Почти. Они все родились здесь, и все, похоже, приходились друг другу родней – братьями и сестрами, родными и двоюродными, дядьями и тетками. Но никто из них не был настолько же Белым, как я. А она – была.

Там, в саду, находилась и другая женщина, с рыжими волосами и большим мечом. Она учила Белую обращаться с

ним. Стоявшая неподалеку девушка-прислуга смотрела, как та размахивает клинком, и выкрикивала что-то ободряющее. Белая женщина танцевала с мечом... О, как же грациозно она двигалась! И Капра сказала: «Вот она. Настоящая Белая Пророчица. Ее обучение почти завершено. Ты видел ее. Так что давай больше без глупостей». – Он пожал плечами. – Вот так я впервые увидел Бледную Женщину. – И умолк.

– Ты рассказал достаточно на сегодня.

Шут покачал головой, сурово поджав губы. С силой потер лицо ладонями, и на миг на коже выступили уже почти сошедшие шрамы.

– Так что я больше не говорил о своем предназначении, – хрипло сказал он. – Я продолжал записывать свои сны, но больше уже не пытался их толковать. Она забирала записи и откладывала их отдельно от прочих. Думаю, она их даже не читала. – Шут покачал головой. – Понятия не имею, сколько она теперь знает благодаря моему легкомыслию. Тогда же я просто учился и старался быть довольным и этим. У меня была отличная жизнь, Фитц. Все, чего только можно желать. Хорошая еда, заботливая прислуга, музыка и развлечения по вечерам. И я считал, что приношу пользу, поскольку Капра приставила меня разбирать старые свитки. Это была бумажная работа, но я справлялся хорошо. – Он с силой сжал покрытые шрамами кисти рук. – По меркам моей расы я был еще ребенком. Я хотел нравиться. Мне не хватало любви. И я очень старался заслужить ее.

Но разумеется, ничего из этого не вышло. Разбирая свитки, я наткнулся на записи снов о Нежданном Сыне. Мне приснился паяц, распеваящий глупую песенку про «сала припас». Он пел ее, обращаясь к волчонку, Фитц. И у волчонка были молодые олени рожки. – Он приглушенно рассмеялся, но у меня волоски на руках встали дыбом.

Неужели Шут и правда видел меня во сне, за столько лет до нашей встречи? Но это не мог быть я. Это была лишь загадка, ответом на которую, возможно, был я.

– Как же мне не по душе вываливать все это на тебя. Лучше бы я и не начинал этот рассказ. Есть так много такого, о чем мы никогда не говорили. Так много такого, что кажется менее постыдным, если об этом знаю только я. Но я закончу рассказ. – Он повернулся ко мне, его незрячие глаза были полны слез. Я подошел к нему ближе, сидя на полу, и взял руку в перчатке в свои. Его улыбка была мерцающей, как свеча. – Я не мог вечно отрицать, кто я есть. Гнев и негодование росли внутри меня. Я записывал свои сны, а потом начал ссылаться и на сны других, увиденные в древности или недавно. Я выстроил из доказательств цитадель, которую Капра не могла отрицать. Я больше не настаивал, что я – Белый Пророк, но я стал задавать ей вопросы, и отнюдь не невинные. – Он еле заметно улыбнулся. – Знаю, ты ни за что не поверишь, Фитц, но я могу быть упрямым. Я твердо решил заставить ее признать, кто я такой и что я такое.

И Шут вновь умолк. Я тоже молчал. Это было все равно

что вытаскивать осколки из загноившейся раны. Он высвободился и обхватил себя руками за плечи, словно ему было холодно.

– Родители даже никогда не шлепали меня, Фитц. Не то чтобы я был послушным и удобным ребенком. Нет. Уверен, со мной было непросто. Но они терпеливо направляли меня на правильный путь, и я думал, что все взрослые так поступают. Родители никогда не отказывались объяснить, почему все так, а не иначе. Они всегда выслушивали меня, и, если я вдруг говорил что-то, чего они не знали, они гордились мной! Я думал, что поступаю очень умно, когда придумал расспрашивать Капру о своих снах и снах, о которых читал. Мои вопросы, думал я, подведут меня к мысли, что я и есть Белый Пророк.

И я начал расспрашивать. Пара вопросов сегодня, несколько завтра. Но в тот день, когда я задал Капре шесть вопросов подряд, все – с намеком на то, кто я такой, она вскинула руку и сказала: «Больше никаких вопросов! Я же сказала, какая судьба тебя ждет». Не задумываясь, со всей непосредственностью юности, какая бывает только раз в жизни, я спросил: «Но почему?» И вот тогда это случилось. Не сказав ни слова, она дернула шнурок колокольчика, и вошел слуга. Она велела ему позвать одного человека. Имя его я тогда услышал впервые – Кестор. Это был огромный мускулистый детина. Он пришел, швырнул меня на пол, поставил сапог на шею, так что я не мог сдвинуться с места, и при-

нялся хлестать плетью куда придется. Я вопил и умолял, но ни он, ни она не произнесли ни слова. Так же внезапно, как началась, порка закончилась. Капра отпустила Кестора, села за стол и налила себе чая. Придя в себя, я пополз прочь из ее комнаты. Помню, как долго спускался по каменным ступеням ее башни. Палач отхлестал меня по мышцам под коленами, стараясь, чтобы плеть обвивалась вокруг лодыжек. Кончик ее не раз задевал мой живот. Даже просто стоять было мучительно. Я спустился на четвереньках, оберегая рассеченные места, дополз до своего домика и не выходил оттуда два дня. Никто не навещал меня. Никто не спрашивал обо мне, не приносил мне еды или воды. Я ждал, думая, что кто-нибудь да явится. Но нет. – Шут покачал головой, на его лице застыло застарелое непонимание. – Капра больше никогда не посылала за мной. Она больше ни разу даже не говорила со мной напрямую. – Он тихонько вздохнул.

Повисла тишина.

Я спросил:

– Чему она хотела научить тебя таким образом?

Шут снова покачал головой, и слезы растеклись по его лицу.

– Этого я так и не понял. Никто даже не говорил о том, как она со мной обошлась. Спустя два дня я вышел из дома и, хромая, приковылял к лекарю. Я прождал целый день. Другие входили и выходили, но меня он так и не пригласил. Никто, даже такие же ученики, как я, не спрашивал, что со

мною случилось. Меня словно никогда и не было в их мире, я существовал лишь в своем собственном. В конце концов я стал, прихрамывая, ходить на уроки и на обеды. Но учителя теперь презирали меня. В наказание за то, что я пропустил столько занятий, они лишили меня еды. Меня заставляли учить уроки, пока другие ели. В один из таких дней я снова увидел Бледную Женщину. Она прошла через зал, где мы ели. Остальные ученики уставились на нее с обожанием. Она была одета в зеленое и коричневое, цвета охотников, а ее светлые волосы были заплетены в косу на затылке и украшены золотой лентой. Она была так красива... За ней шла ее служанка. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что этой служанкой была Двалия, та самая, что похитила Би. Один из прислужников, что готовили нам еду, поспешно подскочил к ней и вручил корзину с едой. Тогда Бледная Женщина пошла прочь, а служанка понесла корзину за ней. Но когда Бледная поравнялась со мной, она приостановилась. Она улыбнулась мне, Фитц. Улыбнулась так, будто мы были друзьями. А потом сказала: «Я – да. А ты – нет». И ушла. Все смеялись. Это обожгло мой разум и душу сильнее, чем удары плети.

Ему нужно было помолчать, и я не нарушал тишины.

– Какие же они умные, – сказал он наконец. – Телесная боль лишь открыла врата, чтобы они могли уязвить мне душу. Капра должна умереть, Фитц. Все Четверо должны умереть. Только так мы положим конец падению Белых.

Мне стало дурно.

– Ее служанкой была Двалия? Та самая Двалия, что похитила Би?

– Я так думаю. Могу ошибаться.

Вопрос, который я не хотел задавать, глупый вопрос, сорвался у меня с губ будто по собственной воле:

– Но после всего, что ты рассказал... и всего, о чем еще говорил... ты согласился вернуться туда с Прилкопом?

Он горько рассмеялся:

– Фитц, я был не в себе. Ты вернул меня из мертвых. Прилкоп был сильный и спокойный. Он был так уверен, что сможет вернуть Клеррес к подлинному служению. В его времена слово Белого Пророка было законом для Слуг. Он точно знал, как нам следует поступить. А я понятия не имел, что делать со своей неожиданной жизнью.

– В моей жизни тоже было такое время. Тогда Баррич все решал за меня.

– Тогда ты понимаешь меня. Я не мог ни о чем думать. Я просто делал, как он говорил. – Шут скрипнул зубами. – А теперь я иду туда в третий раз. И больше всего на свете боюсь снова оказаться в их власти. – Он вдруг гулко сглотнул, но это не помогло ему перевести дыхание. – Страшнее этого ничего быть не может. Ничего. – Он стал раскачиваться вперед-назад на койке. – Но я должен... вернуться... должен... – Шут отчаянно запрокинул голову, с силой опустил, запрокинул снова. – Мне нужно видеть! – крикнул он вдруг. – Фитц! Где ты? – И тут же охнул. – Не чувствую... своих рук.

Я опустился на колени рядом с койкой и обнял его за плечи. Он завопил и принялся отчаянно вырываться, слепо размахивая руками.

– Это я, все хорошо. Тебе нечего бояться. Ты здесь. Дыши, Шут. Дыши. – Я держал его и не отпускал. Я действовал не грубо, но твердо. – Дыши.

– Я... не могу!

– Дыши. А то потеряешь сознание. Но можешь и терять. Я здесь. Тебе ничего не грозит.

Он вдруг обмяк, перестал отбиваться и постепенно задышал ровнее. Потом оттолкнул меня, и я отпустил его. Шут съехался, обхватив колени. Когда он наконец заговорил, в голосе его звучал стыд:

– Не хотел, чтобы ты знал, как сильно я боюсь этого. Я трус, Фитц. Я скорее умру, чем попаду к ним в руки.

– Ты не обязан возвращаться туда. Я справлюсь сам.

– Еще как обязан! – Он неожиданно разозлился на меня. – Я должен!

Я негромко сказал:

– Тогда возвращайся. – И, преодолевая себя, добавил: – Если хочешь, я могу дать тебе что-нибудь, чтобы ты всегда носил это с собой. Быструю смерть, на случай... если ты выберешь ее.

Его взгляд ощупывал мое лицо, будто он мог видеть. Потом Шут тихонько проговорил:

– Ты готов это сделать, но не одобряешь. Для себя ты ни-

чего такого не припас.

Я молча кивнул. И сказал:

– Верно.

– Почему?

– Я кое-что случайно услышал много лет назад. В юности мне это казалось почти бессмыслицей, но чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю. Это сказал Регал в разговоре с Верити.

– И ты придаешь значение словам Регала? Регал хотел, чтобы ты умер. Хотел с той самой минуты, как узнал о твоём существовании.

– Верно. Но он привел тогда слова короля Шрюда, возможно, те, что услышал от него, когда заявил, что самым простым выходом было бы убить меня. Мой дед ответил ему: «Прежде чем сделать что-то, всегда сначала подумай о том, чего ты после этого уже сделать не сможешь».

На его лице медленно расцвела улыбка, полная любви.

– Ах... Да, мой король мог сказать такое. – Шут улыбнулся еще шире, и я почувствовал, что за этим скрывается какая-то тайна, которой он не намерен делиться со мной.

– Убив себя, я уничтожу все другие возможные исходы. А в моей жизни не раз бывало так, что мне казалось, будто смерть – единственный выход или она неизбежна, а потом выходило, что я ошибался. И каждый раз, через какое бы пекло мне ни приходилось пройти, я находил нечто хорошее в жизни, ожидавшей меня после этого.

– Даже сейчас? Когда Молли и Би мертвы?

Это прозвучало как предательство, но я все равно сказал:

– Даже сейчас. Даже когда мне кажется, что я уже большей частью мертв, жизни время от времени удается достучаться до меня. Еда оказывается вкусной. Или Пер заставляет меня смеяться. Или, замерзший и промокший, я беру в руки чашу горячего чая. Я думал о том, чтобы покончить с собой, Шут. Признаю. Но тело, как бы тяжело ему ни приходилось, хочет жить дальше. И если ему это удастся, продолжает жить и разум. И сколько бы я ни пытался это отрицать, в моей жизни даже теперь бывают светлые мгновения. Разговоры со старым другом. Вещи, обладание которыми меня до сих пор радует.

Шут слепо потянулся ко мне рукой в перчатке, я протянул свою навстречу. Он схватил ее за запястье, и наши ладони соединились в воинском пожатии.

– Со мной то же самое. И ты прав. Я ни за что бы не признал этого даже про себя. – Отпустив мою руку и отстранившись, он добавил: – Но я бы все же хотел иметь твое последнее средство, если бы ты согласился приготовить его для меня. Потому что, если они все-таки схватят меня, я не смогу... – Его голос задрожал.

– Я приготовлю для тебя что-нибудь такое, что можно вшить в манжету рубашки.

– Было бы хорошо. Спасибо.

Вот так, за веселыми дружескими беседами, протекали

мои вечера.

* * *

Я и не понимал, что мы сплавлялись по притоку, пока не вышли из него в стремительную реку Дождевых чащоб. Теперь вода вокруг нас была серая от ила, едкая и закручивалась водоворотами. Ее больше нельзя было использовать для питья и прочих нужд, и мы перешли на запасы, хранившиеся на борту в бочках. Беллин предупредила Персивиранса: «Упадешь за борт – может статься, мы только косточки твои и выловим!» Его пыла это ничуть не охладило. Он бегал по палубе, невзирая на дождь и ветер, и матросы относились к нему со снисходительным добродушием. Спарк предпочитала пережидать плохую погоду в тепле, но порой они с Лантом забирались на крышу палубной надстройки и, укрывшись куском парусины, любовались пролетающими мимо видами, пока течение стремительно несло нас через чащобы.

Я не понимал, что они находят в этом занятии, ведь по берегам было все время одно и то же. Сплошные деревья. Причем порой такие огромные, что я и вообразить не мог, со стволами толщиной в башню. Деревья со множеством длинных и тонких стволов. Склонившиеся над топким берегом и отрастившие от веток стволы поменьше, укоренившиеся в болотистой почве. Оплетенные вьющимися растениями; деревья, с которых свисали целые занавеси лоз. Никогда

прежде я не видел таких густых и непроходимых лесов или листвы, способной не сгнить в такой сырости. Другой берег реки был так далеко, что едва виднелся в дымке. Днем мы слышали голоса незнакомых птиц, а один раз видели группу кричащих обезьян: странное и удивительное было зрелище.

Все это так отличалось от привычной мне природы Бакка... И хотя эти земли завораживали меня и мне хотелось узнать их получше, больше всего я мечтал очутиться дома. Мои мысли все чаще возвращались к Неттл. Она сейчас вынашивает своего первого ребенка. Я бросил ее, когда Неттл сама была еще в животе у Молли, ушел на зов моего короля. А теперь, по воле Шута, оставил ее одну с моим внуком. Как-то там Чейд? Подточили ли его окончательно старость и рассеянность? Иногда мне казалось, что я напрасно бросил живых ради мести за мертвую дочь.

Я ни с кем не делился своими соображениями. Мне по-прежнему было страшно открыться Силе. Она уже не так давила на меня, как в Кельсингре, но я постоянно ощущал под ногами гул присутствия живого корабля. «Уже скоро», – обещал я себе. Даже короткий разговор в Силе способен передать больше, чем крохотное послание, привязанное к лапке голубя. Скоро.

* * *

Однажды, после того как мы пришвартовались на ночь,

Скелли поднялась из-за стола на камбузе, взяла лук и колчан со стрелами из кубрика и бесшумно вышла на палубу. Все замерли. А потом раздался ее крик:

– Я подстрелила речную свинью! Свежее мясо!

По палубе затопали торопливые шаги, послышались звуки возни: тушу животного подняли на борт. Потом ее разделали на узкой полоске прибрежного песка.

В тот вечер мы пировали. Матросы разложили костер, подбросили туда свежих веток и зажарили полоски мяса, подкоптив его в дыму. Поев, все развеселились, и Пер радовался, что ему достаются дружеские подначки, как равному. После еды костер оставили гореть, чтобы отгонял тьму и кусачих насекомых. Лант ушел за дровами и принес охапку плюща, покрытого ранними хрупкими цветами. Спарк нарвала бутонов в протянутые руки Янтарь и сплела себе веночек. Хеннесси запел непристойную песенку, и матросы подхватили. Я улыбался и пытался сделать вид, будто я не обученный убийца и не скорбящий отец. Но разделить простодушное веселье этих людей казалось предательством по отношению к Би и неуважением к тому, как окончилась ее крошечная жизнь.

Когда Янтарь сказала, что устала, я уговорил Спарк остаться на берегу с Лантом и Пером и веселиться дальше, а сам подвел Янтарь по топкой земле к веревочной лестнице, свисающей с борта Смоляного. Ей стоило труда вскарабкаться по лестнице в длинных юбках.

– Может, было бы проще перестать притворяться Янтарь?

Она выбралась на палубу и одернула юбки:

– А кем же мне тогда притворяться?

Как всегда, услышав нечто подобное, я ощутил болезненный укол в сердце. Неужели Шут – просто еще одна маска, воображаемый друг, которого он сочинил для меня?

Словно подслушав мои мысли, он сказал:

– Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо, Фитц. Я открыл тебе столько правды о своем истинном «я», сколько осмелился.

– Идем, – сказал я и дал ему опереться на мою руку, пока мы оба сбрасывали перепачканную в грязи обувь.

Капитан Лефтрин настоятельно требовал поддерживать на палубе чистоту и был в этом прав. Отряхнув грязь с подошв за борт, я взял наши башмаки и проводил Шута в каюту. С берега донесся взрыв смеха. Клуб искр взлетел в ночь, когда кто-то подбросил в костер большое бревно.

– Хорошо, что им выпал случай немного повеселиться.

– Хорошо, – согласился я.

И Спарк, и Перу пришлось слишком рано повзрослеть. Да и Ланту пойдет на пользу ненадолго вынырнуть из вечных тоскливых раздумий.

Я отправился на камбуз за маленьким фонарем. Когда вернулся, Шут уже сбросил роскошное платье Янтарь и переделался в простой наряд. Он стер тряпицей краску, а с ней и маску Янтарь с лица и повернулся ко мне со своей обыч-

ной улыбкой. Но в тусклом свете фонаря следы попыток все еще виднелись на его лице и руках, словно серебряные нити на светлой коже. Ногти отросли заново, но были толстыми и корявыми. Мои попытки исцеления и драконья кровь помогли его телу восстановиться гораздо лучше, чем я смел надеяться, и все же он уже никогда не будет прежним.

С другой стороны, это можно сказать о каждом из нас.

– О чем ты там вздыхаешь?

– Я думаю о том, как все это изменило нашу жизнь. Я... я почти сумел стать хорошим отцом, Шут. Мне так кажется.

Ага, например, сжигать тела убитых посланников по ночам – именно то, что нужно ребенку.

– Да. Ну ладно...

Он сел на нижнюю койку. Постель на верхней была аккуратно заправлена. На двух других, невостребованных, хранились наряды, которые Шут и Спарк взяли с собой в путешествие.

Шут вздохнул и признался:

– Мне снова снятся сны.

– Да?

– Важные сны. Сны, которые стремятся быть рассказанными или записанными.

Я ждал:

– И?

– Трудно описать, как распирает сновидца от желания рассказать пророческий сон.

Хотелось бы понять, что ему нужно.

– Хочешь рассказать их мне? Возможно, у Лефтрина и Элис найдутся бумага и чернила. Я мог бы записать сны под твою диктовку.

– Нет! – Он поспешно прикрыл рот рукой, словно испугавшись, что выдал себя тем, как порывисто это произнес. – Я рассказал их Спарк. Она была рядом, когда я проснулся и мне было плохо, и я рассказал.

– О Разрушителе.

Он ответил не сразу. Потом все же признал:

– Да, о Разрушителе.

– И тебя из-за этого мучит совесть?

Шут кивнул:

– Это ужасная ноша для юной девушки. А она и без того так много делает ради меня.

– Шут, мне кажется, ты зря волнуешься. Спарк и так знает, что я Разрушитель. Что мы намерены стереть с лица земли Клеррес. Ты увидел во сне лишь то, что мы все и так знаем.

Он вытер ладони о штаны и прижал их одна к другой.

– Что мы все и так знаем... – эхом повторил Шут. – Да. – А потом вдруг сказал: – Спокойной ночи, Фитц. Пожалуй, мне надо поспать.

– Спокойной ночи. Надеюсь, тебе приснится что-нибудь хорошее.

– Надеюсь, мне вовсе ничего не приснится, – отозвался он.

Странно было у меня на душе, когда я встал, взял фонарь

и ушел, оставив Шута в темноте. Хотя он и без того теперь постоянно пребывал в ней.

Глава 10

Дневник Би

Дротики следует изготавливать твердой рукой. Использовать перчатки недопустимо, однако необходимо соблюдать величайшую осторожность: стоит хотя бы слегка уколоть палец, и зараза попадет в рану, паразиты быстро распространятся – и спасения уже не будет.

Мне удалось выяснить, что для медленной и мучительной смерти лучшие всего подходит сочетание яиц сверлящих червей и яиц тех цепней, что проникают в кишки и вырастают там до огромной длины. Яйца паразитов одного из этих видов не убьют жертву, тогда как те и другие совместно обеспечат такую смерть, какой заслуживают предатели и трусы, посмеявшие забыть о верности Клерресу.

Колтри из Четырех, «Различные устройства моего собственного изобретения»

Через несколько дней, проведенных на борту Смоляного, я начал привыкать к постоянному ощущению присутствия живого корабля. Я по-прежнему подозревал, что он может подслушать любое сообщение, переданное мной при помощи Силы, однако после долгих споров с самим собой решил-ся все-таки попробовать связаться с родными.

Леди Янтарь села на койку напротив меня. Рядом, на полке, исходила паром чашка с чаем. В тесной каюте наши колени почти соприкасались. Янтарь вздохнула, сняла с головы шарф и тряхнула мокрыми волосами. А потом уже Шут рукой растрепал их, чтобы быстрее сохли. Теперь они уже не были похожи на одуванчиковый пух, как в детстве, но в то же время лишились золотистого оттенка, какой имела шевелюра лорда Голдена. К моему удивлению, среди его светлых волос появились пряди, похожие на седые. Они росли там, где на его голове остались шрамы. Он вытер пальцы о юбки Янтарь и устало улыбнулся мне.

– Готов? – спросил я.

– Готов и запасся всем необходимым, – заверил он.

– Как ты поймешь, что мне требуется помощь? Что будешь делать, если меня унесет течением?

– Я окликну тебя и, если ты не отзовешься, тряхну за плечи. Если это не поможет, плесну тебе в лицо чаем.

– А, так вот зачем ты попросил Спарк заварить тебе чая. А я и не думал.

– Не за этим. – Он отпил из чашки. – Или, по крайней мере, не только за этим.

– А если и чай не поможет?

Шут пошарил по койке рядом с собой и нащупал маленький сверточек:

– Эльфийская кора. Лант любезно дал мне ее. Она перемолота так мелко, что можно добавить ее в мой чай и влить

тебе в глотку, а можно просто запихнуть тебе в рот. – Он наклонил голову. – Если и кора не подействует, я сниму перчатку и возьму тебя за запястье. Но уверяю тебя, это будет последнее средство.

– А если не ты меня вытащишь, а я уволоку тебя за собой?

– А если Смоляной налетит на камень и мы все утонем в едких водах реки?

Я сердито уставился на него. Шут сказал:

– Фитц, приступай уже. Или отступись. Но хватит тянуть кота за хвост. Кельсингра уже далеко. Попробуй использовать Силу.

Я нашел внутреннее равновесие, позволил взгляду расфокуситься, выровнял дыхание и медленно опустил стены. Ощутил поток Силы, такой же холодный и мощный, как река за бортом. И такой же опасный. Это были уже не те всепоглощающие волны, что в Кельсингре, но я чувствовал в этом потоке скрытые течения. Помявшись в нерешительности на берегу, я вошел в поток и попытался нащупать Неттл. Тщетно. Тогда я потянулся к Олуху. Издалека послышалась жалостная мелодия, – возможно, это был он, но мелодия быстро смолкла, словно ее унесло ветром. Дьютифул? Никого. Я снова попытался связаться с Неттл. На сей раз ощущение было такое, будто кончики моих пальцев мазнули по лицу дочери, а потом она исчезла. Чейд? Нет. Не хватало еще, чтобы поток Силы разметал меня вместе с моим старым наставником. Последний раз, когда мы виделись, у старика слу-

чались лишь редкие просветления в сплошном забвении. Его Сила, некогда едва заметная, теперь временами так и хлестала, поскольку он потерял осторожность в обращении с ней. В прошлый раз, когда мы объединились в Силе, он едва не уволок меня за собой в небытие. Нет, нельзя пытаться связаться с Чейдом...

Чейд схватил меня. Так в детстве хватает, подкравшись сзади, неугомонный товарищ по играм. Я полетел вниз головой прямо в бушующий поток.

О мой мальчик, вот ты где! Я так по тебе скучал!

Его мысли окутали меня сетью привязанности. Она затягивалась. Я чувствовал, как становлюсь таким, каким воображал меня Чейд. Как от глины отваливаются куски, когда ее заталкивают в форму для кирпичей, так уносило прочь все то во мне, о чем он не знал.

Перестань! Отпусти меня! Мне нужно поговорить с Дьютифулом и Неттл! У меня новости для них из Кельсингры, от драконьих торговцев!

Он добродушно хихикнул, но я похолодел в мягкой его мысленной хватке.

Забудь это. Забудь обо всем и присоединяйся к нам. Здесь нет одиночества, нет разобщенности. Нет ломоты в костях, боли в изможденном теле. Все совсем не так, как нам говорили, Фитц! Все эти предупреждения и злоеущие угрозы – тьфу! Миру все равно, останемся мы в нем или уйдем. Просто отпусти.

Неужели это правда? Я расслабился в его хватке. Поток Силы с ревом омывал нас.

Мы не растворяемся.

Я крепко держу тебя. Ты теперь будто часть меня. Это как учиться плавать. Чтобы понять, как это делается, надо полностью погрузиться в воду. Хватит цепляться за берег, мальчик. Течение разрывает на клочки, только если держаться за берег.

Он всегда был мудрее меня. Всю мою жизнь Чейд наставлял меня, учил и говорил, что делать. Он казался спокойным и уверенным. Даже счастливым. Видел ли я когда-нибудь Чейда спокойным и счастливым? Я потянулся к нему, и он обнял меня нежнее. Или это сама Сила объала меня? Где кончается Чейд и начинается Сила? Может, он уже утонул в ней? И тянет меня за собой?

Чейд! Чейд Фаллстар! Вернись к нам! Дьютифул, помоги! Он отбивается.

Неттл ухватила его и попыталась оторвать от меня. Я цеплялся за него отчаянно, стараясь дать ей понять, что я тоже здесь, но она сосредоточилась только на том, чтобы отделить его от меня.

Неттл! – заорал я мысленно, стараясь, чтобы мой крик вырвался из бушующего водоворота мыслей вокруг нас.

Мыслей? Нет, это не мысли. Это живое существо. Существа.

Я отбросил все раздумья. Перестал цепляться за Чейда и

толкнул его к ней навстречу.

Держу его! – едва донеслась до меня ее мысль, обращенная к Дьютифулу. А потом полное изумление: *Пап? Ты здесь? Ты жив?*

Да. Мы все живы и здоровы. Мы пришлем вам письмо с голубиной почтой из Удачного.

И тут, лишившись Чейда, поток Силы взялся за меня. Я пытался сопротивляться, но меня затягивало, будто в трясину. Чем больше барахтался, тем сильнее меня засасывало, все глубже и глубже. Существа. Поток Силы состоял из живых существ, и все они висли на мне. Собрав всю свою волю, я рванулся против течения и решительно поднял стены. Открыв глаза, увидел благословенную тесную и вонючую каютку. Дрожа и задыхаясь, я наклонился вперед, положив локти на колени.

– Что случилось? – спросил Шут.

– Я чуть не потерял себя. Там был Чейд. Он пытался утащить меня за собой.

– Что?

– Он сказал: все, чему меня учили о Силе, – неправда. Что нужно отдаться Силе. «Просто отпусти», – сказал он. И я почти согласился. Почти отпустил.

Рукой в перчатке Шут сжал мое плечо и слегка потрянул:

– Фитц, я-то вообще ничего не заметил. Я сказал тебе, чтобы ты перестал тянуть кота за хвост, и ты умолк. Я думал, ты обиделся. – Он снова наклонил голову набок. – С тех пор

прошло всего несколько мгновений.

– Несколько мгновений?

Я уткнулся лбом в колени. Меня подташнивало от страха, а голова шла кругом от искушения. Это так просто. Опустить стены и уйти. Взять и... уйти. Я смешаюсь с другими сущностями в потоке, и он унесет меня. И никакой больше невыполнимой задачи, никакого чувства утраты, обуревающего меня всякий раз при мысли о Би. Никакого жгучего стыда. Никакого унижения оттого, что все знают, какой плохой из меня вышел отец. Перестать думать, перестать чувствовать...

– Не уходи, – мягко попросил Шут.

– Что?

Я медленно выпрямил спину.

Он чуть сильнее сжал мое плечо:

– Не уходи туда, куда я не смогу последовать за тобой. Не оставляй меня. Мне ведь все равно придется двигаться дальше. Придется вернуться в Клеррес и попытаться убить их всех. Хотя вряд ли у меня получится. Хотя я почти наверняка снова окажусь в их власти. – Он отпустил меня и скрестил руки на груди, словно пытаюсь успокоиться. Я и не замечал, какое чувство близости давало его прикосновение, пока Шут не убрал руку. – Однажды нам придется расстаться. Это неизбежно. Одному из нас придется продолжать путь без другого. Но, Фитц, прошу тебя... не сейчас. Не прежде, чем мы справимся с этим трудным делом.

– Я не брошу тебя.

Правду ли я сказал? Уже ведь пытался бросить его. Осуществить этот безумный замысел мне было бы проще в одиночку. Возможно, все равно ничего не вышло бы, потому что это невозможно, но так мое поражение, по крайней мере, было бы не таким ужасным. Не таким постыдным.

Шут долго молчал, глядя в никуда. Когда он наконец заговорил, голос его был напряженным и полным отчаяния:

– Обещай мне.

– Что?

– Обещай, что не поддашься соблазну Чейда. Что я не найду тебя однажды сидящим с пустым взглядом и пустым разумом. Что ты не бросишь меня, как лишнюю поклажу. Что не уйдешь без меня, чтобы «не подвергать меня опасности». Чтобы я не путался под ногами.

Я пытался подобрать слова, но долго не мог найти их. И Шут, не скрывая боли и горечи, сказал:

– Что, не можешь такого обещать? Ладно. Теперь я хотя бы знаю, как обстоят мои дела. Но вот что я могу пообещать тебе, старый друг. Что бы ты ни сделал, что бы с тобой ни случилось, выступишь ты или падешь, обратишься в бегство или погибнешь, мне все равно придется вернуться в Клеррес и сделать все возможное, чтобы обрушить его им на головы. Как я и говорил. С тобой или без тебя.

Я сделал последнюю попытку:

– Шут... Ты ведь знаешь, если кто-то и способен это сде-

лать, то только я. И ты знаешь, что я лучше всего работаю в одиночку. Позволь мне сделать все по-своему.

Он долго сидел не шевелясь. Потом спросил:

– А если бы я сказал тебе такое и это было бы правдой, ты бы отпустил меня одного? А сам бы спокойно сидел и ждал, пока я спасу Би?

Солгать было нетрудно.

– Да, отпустил бы, – с чувством сказал я.

Шут промолчал. Понял ли он, что я солгал? Возможно. Но нужно смотреть правде в глаза. Это дело ему не по плечу. То, как его трясло от ужаса, посеяло во мне глубокие сомнения. Если он поддастся этому страху в Клерресе... Я никак не мог взять его с собой. Я знал, что он говорит серьезно. Шут доберется туда со мной или без меня. Но если у меня получится попасть в Клеррес первым и сделать то, что необходимо, ему просто не останется работы.

Однако сможет ли он простить меня?

Пока я молчал, Шут убрал сверток с эльфийской корой в свою сумку. Отпил из чашки:

– Чай остыл.

Он встал, держа чашку на блюдце. Пригладил волосы, поправил юбки... и Шут исчез. Янтарь провела пальцами по стене, нащупала дверь и вышла, оставив меня сидеть в одиночестве на узкой койке.

Лишь однажды мы с Шутом всерьез повздорили за время этого плавания. Как-то вечером в оговоренное время я пришел к нему в каюту. Спарк как раз выходила. Ее лицо было бледным и напряженным, и, прежде чем уйти, она печально взглянула на меня. Неужели Янтарь за что-то отчитала ее? Я испугался, что застал Шута в мрачном настроении, когда он глух к доводам рассудка, и медленно прикрыл дверь за собой.

В стаканах горели желтые свечи, Шут примостился на нижней койке. На нем была шерстяная ночная сорочка, серая и поношенная. Возможно, он позаимствовал ее из запасов Чейда. Под глазами его залегли тени, уголки губ уныло обвисли, и от этого Шут выглядел старше. Я сел на койку напротив него и стал ждать. Потом заметил, что рядом с ним лежит мой заплечный мешок, который я наскоро сшил из обрывков парусины.

– А как это тут оказалось? – спросил я, решив, что моя вещь очутилась в его каюте по какой-то случайности.

Шут по-хозяйски положил руку на мешок и хрипло сказал:

– Я обещал взять всю вину за это на себя. И все равно, боюсь, разрушил дружеские чувства Спарк ко мне. Это она его принесла.

Холод поселился у меня в животе и растекся по жилам. Мне пришлось нелегко, но я сдержался. Злиться нельзя. Поднимающийся внутри гнев разбился о преграду моей воли.

Я знал ответ, но все равно спросил:

– И зачем ты попросил ее принести это?

– Потому что Персивиранс обмолвился, что ты взял с собой тетради Би. Он несколько раз видел, как ты читал ее записи. Две книжицы, одна в яркой тисненой обложке, другая в простой. Он узнал ее почерк, когда мельком увидел их у тебя в руках, забираясь на свою койку.

Он умолк. Я содрогнулся, обнаружив, как сильно, оказывается, могу злиться. Вспомнив уроки Чейда, заставил себя дышать медленнее. Выровнял дыхание, как убийца делает перед тем, как нанести удар. Я подавил свои чувства. Свято-татство, оскорбившее меня, было слишком велико.

Шут тихо заговорил:

– Я предполагал, что она записывала свои сны. Если она моя дочь, если в ее жилах текла кровь Белых, Би должна была видеть сны. Позывы записать или рассказать эти сны преодолеть невозможно. Значит, она их записывала. Фитц, ты злишься. Я ощущаю твой гнев. Он словно волны, которые бьются о мои берега. Но я должен знать. Тебе придется прочесть мне ее записи. С начала до конца.

– Нет.

Одно слово. Только его я еще мог произнести ровным и

спокойным голосом.

Шут вздохнул, его плечи поднялись и опали. Может, он тоже из последних сил держит себя в руках? Его голос был жестким, как веревка палача у виселицы.

– Я мог бы сделать все втайне. Я мог бы попросить Спарк прочесть мне это так, чтобы ты ничего не узнал. Но я не стал этого делать.

Я заставил себя разжать кулаки и мышцы горла:

– То, что ты не поступил так, не смягчает оскорбления, которое ты мне нанес.

Он убрал руку в перчатке с мешка. Положил кисти ладонями вверх на колени. Мне пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать его шепот.

– Если ты искренне веришь, будто это всего лишь случайные записки маленькой девочки, то твое возмущение понятно. Но не думаешь же ты так на самом деле? Это записи Белой Пророчицы. – Он понизил голос еще больше: – Это записи твоей дочери, Фитц. И моей.

Ударь он меня посохом в живот, и то не мог бы причинить боли сильнее.

– Би была моя доченька! – Слова вырвались из моей глотки рычанием. – Я не хочу делить ее ни с кем!

Правда, как варево в котле, иногда хлещет через край в самый неподходящий момент. Понимал ли я, что так злит меня, пока не произнес это вслух?

– Знаю, что не хочешь. Но тебе придется. – Он легко кос-

нулся мешка рукой. – Это все, что нам осталось от нее. Не считая того благословенного мгновения, когда я схватил ее в объятия и ее Дар взорвался вокруг меня, словно фонтан света в непроглядной ночи, – это все, что мне дано знать о ней. Пожалуйста, Фитц. Дай мне хотя бы это.

Я молчал. Я не мог уступить ему. В этих тетрадях было сказано слишком многое. В будничном дневнике было всего два кратких упоминания обо мне, сделанных в те времена, когда она меня сторонилась. Там было слишком много от маленькой девочки, в одиночку сражавшейся в неприглядных драках с другими детьми Ивового Леса. Слишком много такого, что заставляло меня трусливо и стыдливо сжиматься при мысли о том, каким же плохим отцом я был. Она писала о перепалке с Лантом и о том, как я пообещал ей, что всегда буду на ее стороне, всегда буду защищать ее. А я не сдержал обещания. Как я мог читать все это вслух Шуту? Как я мог выставить на его обозрение то, чего так стыдился?

Он понимал, что я не стану читать ему дневники, еще прежде, чем попросил об этом. Он знал меня слишком хорошо, чтобы не понимать этого. Он знал, что есть такое, на что я никогда не пойду. Так почему же он осмелился просить? Шут двумя руками поднял мешок и прижал его к груди, как дитя. Слезы его стекали по шрамам на щеках. Потом он протянул мешок мне. Я чувствовал себя капризным ребенком, выцыганившим-таки у родителей желаемое. Я взял мешок и сразу же заглянул в него. Там почти ничего не было, кроме

свечей Молли и тетрадей. Почти всю свою одежду, огневой кирпич Элдерлингов и другие вещи я разложил по шкафчикам в каюте. На дне, завернутые в рубашку, лежали две склянки с драконьим Серебром. Я решил оставить их там, рассудив, что уж в мешке-то никто рыться не станет. Сверток остался непо потревоженным. Шут сказал правду. Он не заглядывал внутрь. Тонкий аромат коснулся моих ноздрей. Я вдохнул запах свечей Молли. Он даровал мне спокойствие. Ясность мысли. Я вынул тетради, чтобы аккуратнее уложить свечи.

Шут неуверенно заговорил:

– Прости, что сделал тебе больно. Пожалуйста, не вини Спарк. Или Пера. Мальчик случайно проговорился, а девочка только делала, что я велел.

Уверенность Молли. Ее упрямое стремление к справедливости. Почему мне так трудно решиться? Что такого в этих тетрадях, чего Шут и так не знает? Что я теряю? Разве я уже не потерял все, что с ней связано?

Разве это и не его утрата тоже?

Один уголок дневника намок в снегу. Я давно высушил его, но кожаная обложка в этом месте немного покоробилась. Я попытался разгладить ее пальцем, но это не помогло. Я медленно открыл тетрадь. Прокашлялся.

– На первой странице... – начал я, но голос сорвался.

Шут слепо глядел на меня, и слезы текли по его щекам. Я снова прочистил горло:

– На первой странице нарисована пчела. Она точно такая по размеру, какие пчелы и есть на самом деле, и раскрашена очень похоже. Над пчелой по дуге очень аккуратно выписаны слова: «Это дневник, куда я записываю сны, важные сны».

У Шута перехватило дыхание. Он сидел совершенно неподвижно. Я встал. Чтобы пересечь крохотную каюту, достаточно было сделать всего три шага. И не гордость, не себялюбие тому виной, а нечто, чему я не мог подобрать имени, но эти три шага стали самым трудным путем, что мне доводилось одолевать. Я сел рядом с Шутом, положил тетрадь на колени. Он затаил дыхание. Я потянул его за шерстяной рукав сорочки – взял за ту руку, где не было Серебра. Положил его пальцы на страницу, легонько провел ими по изогнутой надписи.

– Вот здесь написаны слова, – сказал я. Потом положил его палец на рисунок. – А вот тут пчела.

Он улыбнулся и рукавом смахнул слезы с лица:

– Я чувствую ее чернила на странице.

И мы вместе стали читать дневник нашей дочери. Мне по-прежнему было трудно звать ее так, но я заставлял себя. Читали мы медленно. Так решил Шут, не я. И к моему удивлению, он не просил читать ее дневник, где она писала о нашей жизни. Шута интересовали только сны. Это стало у нас ежедневным ритуалом, прежде чем разойтись. По несколько снов каждый вечер. Часто мне приходилось перечитывать один сон по десятку раз. Шут шевелил губами, запоминая

каждое слово. Он улыбнулся, когда прочел свой любимый сон, о бегущих волках. А когда мы дошли до сна про свечи, Шут вдруг резко вскинулся, выпрямил спину и надолго погрузился в задумчивое молчание. Сон, в котором Би была орехом, озадачил его так же сильно, как меня. В тот день, когда я прочел ему сон о человеке-бабочке, Шут разрыдался.

– О Фитц, у нее и правда был Дар! Был. А они все уничтожили.

– А мы уничтожим их, – обещал я.

– Фитц... – Его голос догнал меня уже на пороге каюты. – А мы точно знаем, что ее больше нет? Когда ты ушел сквозь камни с Аслевджала, то пропал надолго, но в конце концов появился у Оленьего замка.

– Оставь эту надежду. Меня учили обращаться с Силой. Я выбрался. Би никто не учил, никто не объяснял, как быть и что делать, ее втянули в камень в цепочке таких же невежд. Мы знаем это благодаря Шун. А когда круг Неттл пошел за ними, то не нашел никаких следов. Ее больше нет, Шут. Ее разметало, и ничего не осталось. – Жаль, что он заставил меня произнести это вслух. – А нам осталась лишь месть.

* * *

Я плохо спал на борту Смоляного. Это было почти то же самое, что пытаться заснуть на спине огромного зверя, о присутствии которого мне не давал забыть Дар. Когда-то

я часто укладывался в обнимку с Ночным Волком; он прижимался спиной к моему животу, но с ним мне было только спокойнее, потому что тонкое чутье Ночного Волка передавалось мне, позволяя улавливать, что происходит вокруг. С ним я всегда спал крепко. Смоляной – другое дело. Он был отдельным от меня существом. Попробуйте-ка заснуть под чьим-то немигающим взглядом! Нет, от него не исходило угрозы, однако я постоянно чувствовал его присутствие и от этого не мог расслабиться.

Вот почему я часто просыпался и не мог заснуть посреди ночи или в серых предрассветных сумерках. Рассветы на реке Дождевых чащоб были странные. Стены деревьев по обоим берегам не давали увидеть ни восхода, ни заката. Днем только сверху лился солнечный луч, и мы плыли в этой полосе посреди лесного сумрака. Но мое тело чувствовало приближение рассвета, и тогда я часто просыпался и выходил на тихую, влажную от росы палубу и стоял, слушая обманчивую тишину пробуждающегося леса вокруг. Я находил умиротворение в этих предрассветных часах, даровавших мне относительное уединение, насколько оно вообще возможно на борту корабля. У швартовых всегда дежурил кто-то из матросов, но они большей частью уважали мое желание побыть одному.

Однажды я стоял так у левого борта, глядя назад, туда, откуда мы плыли. Кружку горячего чая держал двумя руками, чтобы согреться. Я легонько подул на нее и любововал-

ся, как клубится пар. И уже собирался отпить, как услышал за спиной легкие шаги.

– Доброе утро, – сказал я Спарк, когда она подошла.

Я не повернул головы, чтобы взглянуть на нее, но если она и удивилась тому, что я заметил ее приближение, то виду не подала. Спарк встала рядом со мной и положила руки на планшир.

– Не могу сказать, что сожалею о том, что сделала. Это было бы неправдой.

Я отхлебнул чая.

– Спасибо за честность.

Мой ответ был искренним.

Чейд всегда подчеркивал, что для того, кто работает тайными глазами и ушами, важно уметь лгать, и заставлял меня отрабатывать напускную честность. Тут мне подумалось: а правда ли Спарк честна со мной? Может быть, на самом деле она сожалеет? Но я отбросил эту странную мысль.

– Вы злитесь на меня? – спросила Спарк.

– Вовсе нет, – солгал я. – Я так и думал, что ты будешь предана своей хозяйке. И стал бы меньше доверять тебе, если бы оказалось, что это не так.

– Но разве вы не думаете, что я должна быть предана в первую очередь вам, а не леди Янтарь? Я знаю вас дольше. Моим наставником был лорд Чейд. И он велел мне вас слушаться.

– Когда нам пришлось бросить вас, ты нашла себе нового

наставника. Храни верность леди Янтарь. – Я подбросил ей крупицу правды. – Меня утешает, что рядом с ней всегда есть настолько сведущий и умелый человек, как ты.

Она кивала, глядя на свои руки. Хорошие, умные руки лазутчицы или убийцы. Я рискнул задать вопрос:

– Как ты узнала про тетради?

– От Персивиранса. Только он не понимал, что выдал секрет. Это было в тот день, когда вы сказали, мол, нам всем надо учиться. Мы с Пером позже обсуждали это. Он сказал, что ему не по душе сидеть на месте и тарашиться в бумаги. Но у вас, мол, есть «книжки», написанные Би. Она учила его писать буквы, и он узнал ее почерк. Он сказал, что надеется когда-нибудь научиться читать и тогда узнает, о чем писала Би.

Я кивнул. Никто ведь не велел мальчишке помалкивать о тетрадях. Одну из них он отыскал после того, как медведь разбросал наши вещи. Пер даже говорил со мной о них. Нельзя винить его за то, что он говорил о дневниках со Спарк. Но я все равно злился на Спарк за то, что она отыскала их у меня в мешке и принесла его Янтарь. Трогала ли она свечи Молли? Знает ли о склянках Серебра, завернутых в носки? Об этом я мог лишь гадать. И подозревал, что Спарк все равно ощущает мое недовольство.

– Она сказала мне, где искать, и велела принести мешок. Что мне еще оставалось?

– Ничего.

Интересно, зачем она нашла меня и затеяла этот разговор? Я не упрекал Спарк и не угрожал ей с тех самых пор, как она принесла тетради Шуту. Молчание затянулось. Я загасил свой гнев, и он превратился в холодные и сырые угли, раздавленный моим отчаянием по поводу предстоящего дела. Какая разница? Рано или поздно Шут придумал бы, как добраться до дневников. А теперь, когда все произошло, казалось даже правильным, что он знает сны Би. Совершенно глупо и бессмысленно обвинять или упрекать Спарк за то, что она поспособствовала этому. И все-таки...

Она прокашлялась и сказала:

– Чейд говорил со мной о тайнах. О том, какая сила в них скрыта. И как бывает, что человек, узнав тайну, не обретает власть, но, наоборот, подвергает себя опасности. – Помолчав, она добавила: – Я умею хранить чужие тайны. Хочу, чтобы вы это знали. Я умею держать при себе секреты, раскрывать которые не нужно.

Я резко взглянул на нее. У Шута были тайны. Некоторые из них я знал. Неужели она предлагает мне один из секретов Шута, чтобы задобрить меня после кражи дневников? Неужели считает, будто меня можно подкупить секретами моего друга? Сама мысль об этом казалась оскорбительной. Возможно, Спарк подразумевает нечто из того, что я и так знаю, но, даже если бы она могла рассказать мне что-то новое, я не хочу узнать это через ее предательство. Я нахмурился и отвернулся от нее.

Спарк помолчала. Потом заговорила, тщательно подбирая слова, с покорностью в голосе:

– Хочу, чтобы вы знали: я верна и вам тоже. Это не та глубокая преданность, что связывает меня с леди Янтарь, но я знаю, что вы всеми силами защищали меня с тех пор, как лорд Чейд стал сдавать. Я знаю, что вы сделали меня служанкой леди Янтарь не только ради ее, но и ради моего блага. Я в долгу перед вами.

Я медленно кивнул, но сказал только:

– Лучшее, чем ты можешь отплатить мне, – это добрая служба леди Янтарь.

Она некоторое время молча стояла рядом со мной, словно ожидая, что я добавлю еще что-то. Не дождавшись, произнесла со вздохом:

– Молчание хранит тайну. Я понимаю.

Я по-прежнему смотрел на воду. Ушла Спарк неслышно: если бы не Дар, я бы и не заметил, как вновь остался один.

* * *

Ясным, безветренным днем мы увидели селение. Берега здесь были ничуть не более гостеприимны, чем везде. Деревья росли даже на мелководье, или, возможно, разлившаяся река вторглась в лес. Те, что над водой, блестели свежей листвой. Птицы с яркими хохолками кричали и дрались за места для гнездовья. Это и заставило меня взглянуть вверх.

Я усталился на самое огромное гнездо, что мне доводилось видеть, и вдруг оттуда вылез ребенок и пошел по ветке к стволу. Я затаил дыхание, не решаясь закричать: вдруг малыш испугается и упадет. Большой Эйдер заметил, куда я смотрю, и приветственно поднял руку. Из гнезда, которое, как я теперь разглядел, было крохотной хижинкой, вышел человек, помахал в ответ и пошел вслед за ребенком.

– Это охотничья хижина? – спросил я Эйдера.

Он усталился на меня, будто я ляпнул какую-то глупость. Беллин, проходя мимо нас по палубе, пояснила:

– Нет, это дом. В Дождевых чащобах дома строят на деревьях. На земле везде топко. Домишки делают маленькими и легкими. Иногда на одном дереве устраивают по пять-шесть домиков на одну комнату. Так безопаснее, чем один большой.

И она ушла заниматься своими судовыми делами, оставив меня глазеть на деревню в кронах.

Я проторчал на палубе, пока не начало смеркаться. Приучал себя высматривать на деревьях крохотные дома. Когда стемнело, в некоторых из них зажгли свет. Он пробивался сквозь бумажные стены, и казалось, будто на деревьях развешены фонарики. В ту ночь мы причалили возле нескольких лодок, и с деревьев к нам стали спускаться люди: одних интересовали свежие слухи, другие хотели что-то купить, продать или обменять. Больше всего ценились сахар и кофе, небольшие мерки того и другого матросы выменивали

на свежую зелень для освежающего чая и нанизанные на бечевку яркие раковины улиток. Беллин подарила Спарк ожерелье, и та пришла в такой восторг, что женщина по-настоящему улыбнулась.

– Трехог уже близко, – сообщил нам Лефтрин, когда мы собрались на камбузе. – Наверное, завтра утром пройдем Кассарик и причалим в Трехоге днем.

– А вы не будете останавливаться в Кассарике? – с любопытством спросил Пер. – Я слышал, это там появились на свет драконы.

– Да, там, – подтвердил Лефтрин. – А еще там живут предатели, те, кто нарушил традиции торговцев и так за это и не получил по заслугам. Люди, приютившие тех, кто убивал драконов ради их крови, костей и чешуи. Мы дали им возможность искупить свою вину, покарвав предателей. Но они ею не воспользовались. С тех пор ни один корабль драконьих торговцев не останавливается в Кассарике. И так будет до тех пор, пока Кандрал и его присные не получат свое.

Спарк побледнела как полотно. Насколько хорошо она спрятала сосуд с драконьей кровью, который прихватила из Чейдовых запасов? А может, Шут уже истратил ее всю? Никогда еще при мне Лефтрин так не горячился.

Но Янтарь отозвалась спокойно и даже весело:

– Как же мне не терпится снова повидать Альтию и Брэшена! Или, наверное, теперь мне следует говорить «повстречать»? Ах, если бы я только могла снова их увидеть! И Эй-

сына тоже.

Капитан Лефтрин уставился было на нее в удивлении, потом опомнился:

– А я и забыл, что вы знакомы. Ну, как бы то ни было, Эйсина повидать у тебя не получится. Несколько лет назад он решил послужить немного на Проказнице, да так на ней и остался. Проказница была тут в своем праве, но, я слышал, Альтии и Брэшену нелегко было отпустить парня! Однако он теперь взрослый, ему и решать, как жить. Может, он и носит фамилию Трелл, но по материнской-то линии он Вестрит, так что у Проказницы есть на него право. Как и у него на нее, пусть Пиратским островам это и не нравится. – Он понизил голос: – Совершенный тоже не очень-то хотел его отпускать. Он потребовал, чтобы в обмен ему выдали крестника, Парагона Ладлака. Он принадлежит к семейству Ладлак, но, я слышал, на Пиратских островах его кличут Кеннитссон, сын Кеннита то есть. – Лефтрин поскреб небритую щеку. – Ну так вот, мать Кеннитссона, королева Пиратских островов, не желает его отпускать. Совершенный заявил, что его обманывают. Он назвал это обменом заложниками, хотя тут же напомнил, что у него есть право на обеих парней. Но Этта, королева Пиратских островов, отказалась без разговоров. До нас даже дошли слухи, что Кеннитссон ухаживает и, возможно, женится на одной богатой дамочке с островов Пряностей. Ну, если Этта хочет его женить и сплавить из дому, ей стоит поспешить. Он уже давно жених не первой

молодости. А если он таки женится, то вряд ли уже будет ходить на Совершенном. Совершенный, когда об этом заходит речь, сразу хандрить начинает, так что мой совет: лучше не спрашивайте много об Эйсыне.

– Не понимаю, – без нажима произнес я, хотя Янтарь явно все поняла.

Лефтрин заколебался.

– Ну ладно, – медленно проговорил он, словно решившись открыть мне секрет. – Сейчас капитаны живого корабля Совершенный – Альтия и Брэшен, но прежде он много десятков лет принадлежал семейству Ладлак. Его у них похитили, и долгое время пират по имени Игрот творил на нем свои черные дела. Каким-то образом Совершенному удалось бежать и найти дорогу к родным берегам Удачного. Его вытащили на берег и оставили торчать там. Когда он перешел к Альтии и Брэшену, Совершенный был старой развалиной. Они привели его в порядок и снова спустили на воду. Но в глубине души он остается кораблем Ладлаков, и потом пират Кеннит Ладлак на время вернул его себе. И умер на его палубе. Неудивительно, что этот корабль хочет, чтобы на нем ходил сын Кеннита. И Эйсын.

– А как же Альтия? – с сомнением спросила Янтарь. – Что она думает насчет того, чтобы сын Кеннита поселился на борту Совершенного?

Лефтрин пристально посмотрел на нее. Я почувствовал: тут что-то кроется. Но он проговорил только:

– И об этом тоже не стоит говорить на борту Совершенного. Пусть его уже и не кличут безумным кораблем, я бы не советовал испытывать его терпение. Или Альтии. Есть вещи, о которых они не могут договориться между собой.

Янтарь с благодарностью кивнула:

– Спасибо за предупреждение. Иногда лучше помолчать, чтобы не натворить бед.

Той ночью мне не спалось. Нам предстоял новый отрезок пути, и проделать его придется уже на другом корабле. Я все дальше забирался на неизведанные земли и зачем-то тащил за собой сущих детей.

Лежа в темноте каюты, я проговорил:

– Персивиранс, я вот думаю спросить капитана Лефтрина, не возьмет ли он тебя юнгой. Похоже, это дело как раз тебе по плечу. Что скажешь?

Сначала ответом мне была тишина. Потом из темноты донесся голос мальчишки, сдавленный от тревоги:

– Вы имеете в виду, потом? На обратном пути?

– Нет, завтра.

Его голос прозвучал глухо, когда он возразил:

– Но я поклялся вам в верности, господин.

– Я могу освободить тебя от клятвы. Чтобы ты пошел по пути куда более светлому и радостному, чем тот, что ждет меня.

Я услышал, как он втянул воздух сквозь зубы.

– Вы можете освободить меня от клятвы, господин. Если

вы решите прогнать меня, я уже не смогу зваться вашим слугой. Но только Би может освободить меня от обещания отомстить за нее. Вы можете прогнать меня, господин, но мне все равно придется идти до конца.

Я услышал, как заворочался на койке Лант. Я-то думал, он уже спит, а возможно, так оно и было, судя по тому, как сипло прозвучал его голос:

– Даже не думай подступаться с этим ко мне. Я отвечу тебе точь-в-точь то же, что и парень. Я обещал своему отцу, и ты не можешь требовать, чтобы я нарушил свое слово. Мы пойдем за тобой, Фитц, до самого конца. Не важно, насколько печальным он будет.

Я ничего не ответил, но принялся размышлять. Что такое «конец» для Ланта? Получится ли убедить его, что он выполнил свой долг и может с честью вернуться в Олений замок без меня? Посадить Спарк и Пера на корабль, идущий на родину, одних слишком опасно. Им нужен защитник. Можно заявить, что Дьютифул связался со мной при помощи Силы и велел Ланту срочно возвращаться в Олений замок к Чейду. К тому времени, когда обман выяснится, Лант будет уже дома. Да, так и поступлю. Я согнул ноги в коленях, пытаюсь уместиться в тесной койке, и закрыл глаза. С этим, по крайней мере, теперь понятно. Маленькая, но убедительная ложь в Удачном, и я смогу посадить его на корабль и отправить домой. Остается придумать, как отвязаться от Пера. И Спарк.

Следующий день прошел в точности так, как предсказывал капитан Лефтрин. Уже за завтраком команда Смоляного стала прощаться с нами.

– Ах, я буду так по тебе скучать! – воскликнула Элис, обращаясь к Янтарь.

Беллин положила возле тарелки Спарк сережки из ракушек. Эта неприветливая женщина очень привязалась к ней. Пер носился по кораблю и прощался со всеми.

Последние часы мы провели на крыше надстройки, поскольку день выдался тихим и даже не слишком холодным, если, конечно, кутаться в плащ. Облака разошлись, и над рекой синело чистое небо. Мы миновали берег, где когда-то вылупились драконы (Скелли показала нам его), и город Кассарик, построенный высоко в кронах. У него мы не причаливали, и капитан Лефтрин не ответил ни на одно из приветствий, доносившихся с берега. Между Кассариком и Трехогом на деревьях тоже были устроены маленькие жилища; они теснились точно как яблоки на яблоне в урожайный год. Я так и не понял, как капитан понимает, где заканчивается один город и начинается другой, но в какой-то момент он начал отвечать на приветствия людям, которые махали нам из висячих домов. Стали попадаться плавучие причалы, привязанные к стволам деревьев, с маленькими пришвартованны-

ми к ним лодками. На мощных ветвях, протянувшихся над водой, тут и там сидели верхом люди и ловили рыбу. Смоляной обходил их подальше, чтобы не задеть лески. Я с удивлением и восторгом разглядывал подвесные мостки и широкие ветки, служившие улицами древесного города. Рядом со мной и Янтарь сидела Спарк; она показывала на деревья и ахала при виде того, как маленькие дети беспечно разгуливают высоко в кронах по веткам столь тонким, что она и с оглядкой бы не решилась на них ступить.

– Уже за тем поворотом будут причалы Трехога! – крикнула нам Скелли, проходя мимо.

Большой Эйдер тем временем направлял Смоляного ближе к густым зарослям. Здесь глубина была меньше, а течение медленнее, и вскоре матросы взяли за шесты, чтобы замедлять продвижение Смоляного, а потом и направлять его. Что-то в этой картине показалось мне странным, как будто не одни только матросы правили кораблем. Слишком уж хорошо он их слушался.

Я поделился этим наблюдением, и Спарк сказала:

– Так ведь Смоляной живой корабль. А значит, он помогает команде направлять его туда, куда им требуется.

– Но как? – заинтригованно спросил я.

Она усмехнулась:

– Присмотритесь к воде у него за кормой в следующий раз, когда мы остановимся на ночь. – Я уставился на нее, ничего не понимая, и Спарк добавила: – И представьте себе,

как гребут лягушачьи лапы.

Тут мы миновали поворот, и я сразу забыл о «лапах» Смоляного, потому что мне открылся Трехог. Это был старейший город в Дождевых чащобах. Гигантские стволы, нависающие над широкой серой рекой, были увешаны мостками, переходами и домами всевозможных размеров. Болотистая, то и дело уходящая под воду почва под деревьями не позволяла строить на ней дома. Город Трехог был почти весь выстроен на деревьях вдоль реки.

На нижних, самых толстых ветвях красовались настоящие особняки. Они чем-то напомнили мне дома Горного Королевства, где жители строили свои дома вокруг деревьев, делая их частью своих жилищ. Правда, здесь дома не настолько сливались с чащобами. Можно было подумать, что их принесло сюда ураганом из Фарроу, такими большими и роскошными они выглядели. Все они были из дерева ценных пород, с застекленными окнами. Особенно меня заворожил один из них, огромный, выстроенный вокруг ствола дерева-гиганта.

Скелли, заметив это, пояснила:

– Это дом Хупрусов, семейства, откуда происходит Рэйн.

Я с новым интересом уставился на громоздкую постройку. Не дом, а зримый символ богатства и влияния. Выходит, семья Рэйна привыкла править задолго до того, как он стал «королем» Кельсингры. Они разбогатели много-много лет назад: я видел это по тому, как потемнели от времени древ-

ние балки их жилища. Интересно... Надо будет потом сообщить об этом в Олений замок. Когда прибудем в Удачный, придется отправить туда несколько почтовых голубей. В одном письме все, что нужно рассказать, не поместится.

– Нет, вы только посмотрите на это! Он потрясающий!

Крик Персивиранса заставил меня оторвать взгляд от древесных крон и посмотреть на длинный причал впереди. К нему был пришвартован живой корабль. Паруса его были убраны, судно мирно покачивалось у причала. Что он живой, было понятно по серебристой древесине его корпуса. В отличие от Смоляного, у этого корабля было носовое изваяние – фигура мужчины. Скульптор вырезал его в странной позе: темная голова свесилась, руки скрещены на груди, словно он дремлет. А потом волосы у меня на затылке зашевелились, руки покрылись гусиной кожей: изваяние медленно подняло голову и уставилось на нас.

– Он смотрит на нас! – воскликнула Спарк. – Ах, леди Янтарь, если бы вы только могли это видеть! Он и правда живой! Носовое изваяние повернулось и смотрит на нас...

Я уставился на корабль, разинув рот. Спарк и Персивиранс молча переводили взгляд с изваяния на меня и обратно.

У меня пропал дар речи, но Лант произнес то, что все подумали:

– Благая Эда! Фитц, у него твое лицо... Даже нос точно так же сломан.

В потрясенной тишине Янтарь кашлянула и едва слышно

произнесла:

– Фитц, я могу все объяснить.

Глава 11

Плавание

Это мой самый страшный сон. В нем я вижу лозу, разветвляющуюся надвое. На одной ветви растут четыре свечи. Одна за другой они загораются, но их свет ничего не освещает. И ворона каркает: «Четыре свечи – спи и молчи. Вспыхнут они – дитя хорони. Четыре свечи – путей не ищи. Если дотла догорят они, паяца и волка дни сочтены».

Потом на другой ветке вдруг вспыхивают три свечи. Их свет почти ослепительный. И та же ворона кричит: «Три свечи – ярче звезд в ночи. Коль осталось три – все зло гори. Гнев в долгий путь гонит двоих, не знают они, что она средь живых».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.